This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

378
USP

Uspensky (P.) Putechestoïe po Egiptie i v monastyri sviatago Antonia Vdikago i prépodobnago Povla fiveïskago v. 1850 goder. St. Pet 1856.

302251701L

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕГИПТУ

И ВЪ МОНАСТЫРИ

СВЯТАГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

И

ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА ѲИВЕЙСКАГО,

ВЪ 1850 ГОДУ.

АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕГИПТУ

И ВЪ МОНАСТЫРИ

СВЯТАГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

И

ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА ѲИВЕЙСКАГО,

ВЪ 1850 ГОДУ.

АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

(Съ осмью рисунками, чертежами и надписями, вырѣзанными на пальмовомъ деревѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1856.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется 25 Сентября 1856 года.

Цензоръ Профессоръ *Карповъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Страницы.
Глава I.	Плаваніе по Средиземному морю отъ Яффы до Александріи	1 — 6
Глава II.	Пребываніе въ Александріи	7 — 33
Глава III.	Плаваніе по каналу Махмудіэ, и по Нилу до Каира	34 — 66
Глава IV.	Пребываніе въ Каирѣ	67 — 115
Глава V.	Приготовленія къ отъѣзду въ монастыри св. Антонія и препод. Павла	116 — 120
Глава VI.	Плаваніе по Нилу до города Бенисефа и селенія Бушъ	121 — 143
Глава VII.	Пребываніе въ Бушѣ	144 — 155
Глава VIII.	Путь въ монастырь св. Антонія	156 — 187
Глава IX.	Пребываніе въ семъ монастырѣ	188 — 228
Глава X.	Путь въ монастырь пр. Павла	229 — 236
Глава XI.	Пребываніе въ семъ монастырѣ	237 — 258
Глава XII.	Прощаніе съ пустынниками и возвращеніе въ монастырь св. Антонія . .	259 — 265
Глава XIII.	Возвращеніе въ Бушъ	266 — 283
Глава XIV.	Плаваніе по Нилу отъ Буша до Каира	284 — 288
Глава XV.	Пребываніе въ Каирѣ	289 — 294

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано.*	*Читай.*
58	13	къ стати	истати.
59	7	влавствованія	властвованія.
149	13	подвердилъ	подтвердилъ.
157	19	растутъ	ростутъ.
197	22	баръяною	багряною.
215	4	у духовнаго просить лица знанія	у духовнаго лица просить знанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЛАВАНІЕ ВЪ АЛЕКСАНДРІЮ.

18, Марта. Суббота.

Ѣду въ Египетъ во второй разъ со всѣми сотрудниками моими. Спокойствіе въ политическомъ мірѣ благопріятствуетъ нашему путешествію. Сильныхъ жаровъ не будетъ при таяніи глубокихъ снѣговъ, покрывающихъ теперь вершины Балкана, Кавказа, Тавра и Ливана. Перемѣна воздуха, движеніе въ пути и разнообразіе природы, нужны для укрѣпленія ослабѣвшихъ силъ моихъ. А желаніе помолиться тамъ, гдѣ Богъ изъ Египта воззвалъ Сына своего, пріобрѣсть новыя познанія и повѣрить прежнія, избавить сотрудниковъ моихъ отъ скуки и томленія однообразной жизни, и разширить кругъ ихъ понятій, это желаніе неодолимо. Итакъ ѣду. Господи благослови.

Утомителенъ, но благополученъ былъ длинный переѣздъ нашъ отъ Іерусалима до Іоппіи. Было темно, когда мы въѣхали въ сей городъ, въ которомъ Апостолъ Петръ воскресилъ Тавиѳу.

---

22. Середа.

Въ началѣ ночи Англійскій пароходъ, подъ названіемъ великій Турокъ, понесъ насъ въ Александрію. Въ домахъ холмообразной Іоппіи свѣтились багровые огни. Въ морѣ, гдѣ оно пенилось, блестѣли алмазныя искры. Въ небѣ сіяли лучезарныя звѣзды. Во мнѣ пламенѣло желаніе быть чадомъ свѣта.

23, Четвертокъ.

Погода холодна и сыра. Небо не ясно. Море не шумно. Нигдѣ не видать ни судна торговаго, ни челна рыбачьяго, ни дельфина играющаго. Однѣ тихія и прозрачныя волны несутся съ запада къ востоку. Мы спокойно плывемъ вдоль береговъ святой земли. Ихъ омываетъ Средиземное море, вытекающее изъ океана, какъ слеза изъ ока. Люблю я это море, какъ путь, по которому пронесено Евангеліе въ Европу и Африку.

24, Пятница.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ Александріи; тѣмъ болѣе оживляется и лучше рисуется плоскій берегъ Африки. Налѣво вдали видны финиковыя рощи, серебристое устье Нила съ золотыми блестками, и на немъ опарусенные челны и суда, словно рыцари въ бѣлыхъ мантіяхъ, шествующіе межъ круглыхъ твердынь Даміатты по бѣлому глазету. Направо по успокоенному морю рѣютъ челны рыбачьи, и летаютъ крылатыя рыбы. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ полетъ ихъ не высоко надъ поверхностію родной имъ влаги, и усладился премудростію Божіею, которая такъ дивно создала эти твари и опредѣлила имъ быть переходомъ къ птицамъ небеснымъ. Впереди одиноко стоитъ въ зыбучемъ пескѣ укрѣпленіе Абукирское. Тутъ въ 1798 году Нельсонъ уничтожилъ флотъ Французскій, а въ 1799 г. пять тысячь Галловъ разбили 15,000 Турокъ, въ 1801 г. Аберкромби сдѣлалъ высадку и отнялъ Абукиръ у воиновъ Наполеона.

Около полудня великій Турокъ нашъ бросилъ якорь въ новой пристани Александріи подлѣ старинной зубчатой крѣпости, построенной на мѣстѣ затопленнаго острова Фароса, на которомъ 70 толковниковъ перевели ветхій Завѣтъ съ Еврейскаго языка на Греческій. На небо неслись наши благодарствен-

ныя молитвы. Радость озаряла всѣ лица. Красивый городъ возбуждалъ общее любопытство.

Въ два часа по полудни насъ перевезли въ сосѣдній карантинъ. Лодка не подошла къ берегу по причинѣ мелководья; и насъ съ вещами перенесли туда Арабы на плечахъ. Аббасъ паша не Мегметъ-Али. Волны разбили выгрузный помостъ предъ карантиномъ; а ему и дѣла нѣтъ до того. Это зданіе обширно и опрятно. Съ Европейцовъ не берутъ денегъ за помѣщеніе въ немъ, по волѣ покойнаго паши.

Съ 25 по 27.

Четыре дня провели мы въ этомъ мѣстѣ и прилѣжно учились Арабскому языку, слушая и повторяя басни, расказываемыя переводчикомъ нашимъ Фадлаллою. Замысловаты и поучительны Арабскія басни. Вотъ одна изъ нихъ.

«Однажды слонъ, томимый жаждою, пробирался межъ пальмъ къ ближней рѣкѣ. На протоптанную имъ тропинку, не знать какъ, свалилось съ одной пальмы голубиное гнѣздо съ птенцами, только-что оперившимися. Голубица, видя неминуемую опасность ихъ, полетѣла къ слону, и начала слезно умолять его, чтобы онъ не давилъ птенцовъ ея и сво-

ротилъ бы съ обычной тропинки. Но гордый исполинъ не внялъ ея материнской просьбѣ, и наступилъ на трепещущихъ малютокъ. Ихъ уже нѣтъ! Отчаянная мать взвилась, исчезла въ лучахъ свѣта, и полетѣла къ орлу жаловаться на слона. Царь пернатыхъ сжалился надъ нею, и велѣлъ быстрымъ соколамъ выклевать очи убійцы. Соколы исполнили царское велѣнье. Слѣпецъ, печально бродя по дремучимъ лѣсамъ, заблудился. Ищетъ воды и не находитъ ее. Томится отъ жажды; гордость не утоляетъ ея. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда зной бываетъ не стерпимъ, наказанный слонъ, сгарая внутреннимъ жаромъ, сталъ и тяжко вздохнулъ. Вдругъ послышалось ему: вдали голосятъ неугомонныя квакушки. «Тамъ есть холодная вода», подумалъ онъ, напрягъ послѣднія свои силы, побрелъ на голоса, и упалъ въ глубокій колодецъ. Раздвоилась вода, всплеснулась, сгустилась, сравнялась и устоялась надъ нимъ. — За обиду невинныхъ отмщаетъ самъ Богъ.»

28, Вторникъ.

Сего дня утромъ игуменъ Саввинскаго монастыря О. Никифоръ прислалъ за мною карету, запряженную парою гнѣдыхъ коней; и я отправился прямо къ нему.

Спутники мои слѣдовали за мною на быстроногихъ ослахъ. Игуменъ встрѣтилъ и принялъ меня весьма радушно, какъ стараго знакомца, и замѣтивъ сѣдины мои, показавшіяся въ пятилѣтній промежутокъ между прежнимъ и настоящимъ свиданіемъ нашимъ, сказалъ: «мы оба ветшаемъ». Тѣломъ, а не духомъ: отвѣчалъ я. Потомъ полились наши разговоры. Души друзей, какъ струи Нила, неисчерпаемы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.

29, Середа.

Монастырь св. Саввы, который я мелькомъ видѣлъ въ первое путешествіе мое по Египту, обозрѣнъ былъ мною сегодня подробно. Онъ находится въ концѣ Александріи, напротивъ такъ называемыхъ иглъ (обелисковъ) царицы Клеопатры у новой пристани, въ недальномъ разстояніи отъ нихъ. Изъ оконъ его видны эти гранитныя и узорчатыя иглы, синее море, и островъ Фаросъ съ старинною зубчатою крѣпостію. Снаружи эта обитель ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго дома; ибо на ней нѣтъ ни креста, ни купола; не видать ни башенъ, ни воротъ святыхъ, словомъ, никакихъ признаковъ жилья иноческаго и храма Божія *). А внутри она построена въ три яруса въ

*) Смотри видъ 1.

видѣ продолговатаго четвероугольника, съ узкимъ и тѣснымъ дворомъ среди зданій. Одну сторону его занимаетъ церковь, а прочія три обставлены сплошными строеніями. Внизу находятся разныя службы, въ среднемъ ярусѣ — старинная трапеза съ подземнымъ тайникомъ и братскія келліи, а въ верхнемъ — хорошія горницы для патріарха, игумена и дорогихъ гостей. Во всѣхъ трехъ ярусахъ предъ церковію и келліями устроены сквозные ходы, обращенные во дворъ. Внизу ходишь подъ сводами, покоющимися на каменныхъ столпахъ, въ срединѣ подъ деревянными потолками, лежащими на круглыхъ аркахъ, разграниченныхъ маленькими колоннами изъ мрамора и гранита, вверху подъ небомъ и индѣ подъ тѣнію виноградныхъ лозъ между частоколомъ и келліями. Такое устройство придаетъ монастырю видъ особенный *).

Въ церковь его входятъ съ сѣверной стороны извнутри двора. Въ ней поставлены три престола. Средній изъ ихъ освященъ во имя угодника Божія, спасавшагося въ каменной разсѣлинѣ близъ Іерусалима, сѣверный—во имя св. великомученицы Екатерины, а южный во имя страстотерпца и побѣдоносца

*) Смотри видъ 2.

Георгія. Уцѣлѣвшія гранитныя колонны темнобагрянаго цвѣта и большаго размѣра, числомъ четырнадцать, и стоящія нынѣ, частію, вдоль церкви, частію, полукружіемъ въ алтарѣ, безъ нѣсколькихъ паръ своихъ пропавшихъ безъ вѣсти, свидѣтельствуютъ о томъ, что сіе святилище построено было въ лучшее время Греческаго зодчества. Въ немъ сохраняются частицы мощей св. Василія великаго, св. Іакова и св. Марины. Въ придѣлѣ царственной великомученицы стоитъ бѣломраморный налой четвероугольный, изсѣченный изъ цѣльнаго куска съ колоннами по угламъ и съ четвероконечными крестами на трехъ лицевыхъ сторонахъ его. Вверху есть круглое углубленіе для водруженія креста, или толстой свѣчи. Сей налой выдаютъ за тотъ камень, на которомъ усѣчена была честная глава св. Екатерины. Въ послѣдствіи его обдѣлали въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится. Христіане лобызаютъ его съ благоговѣніемъ *). Изъ числа св. образовъ, надписанія на которыхъ служатъ вмѣсто лѣтописи монастыря, замѣчательны: образъ св. Іоанна Богослова и Евангелиста Марка, сдѣланный складнемъ въ видѣ книги, и подносимый архіерею для цѣлова-

*) Смотри его на листѣ 3.

нія при входѣ его въ храмъ, хорошей живописи, и икона Кипрской Божіей матери, точный снимокъ съ подлинной, написанный въ 1659 году, по желанію Александрійскаго патріарха Паисія. Предвѣчный Младенецъ смотритъ внизъ и вдаль по направленію отъ Богоматери. Онъ какъ бы хочетъ спуститься съ пречистыхъ рукъ Ея. Въ церкви монастырской устроенъ молитвенный бабинецъ рѣшетчатый по обычаю восточному, укрывающему женщину и дѣвицу отъ взоровъ мужскихъ. Вся она была обновлена и украшена туземнымъ іеромонахомъ и духовникомъ О. Моусеемъ, скончавшимся о Господѣ въ 1831 году.

Какъ въ этой церкви на образахъ, иконостасѣ, и надгробныхъ плитахъ, такъ и во дворѣ монастырскомъ на могильныхъ памятникахъ, начертаны разныя надписи. Я снялъ ихъ. Всѣ онѣ съ 1620 года по 1850, обозначаютъ кругъ времени въ 230 лѣтъ.

Къ монастырю примыкаетъ садъ съ плодоносными деревами, огороженный каменною стѣною, въ 163 шага длиною и 62 шириною, съ деревянною, высокою и круглою бесѣдкою въ срединѣ, и съ двумя колодцами.

30, Четвертокъ.

Кто знаетъ конецъ чьего-либо бытія, тотъ желаетъ вѣдать и начало онаго. Таково устройство нашего мыслящаго духа. Покажи ему предѣлъ, а онъ спроситъ: гдѣ же средина и исходная точка? Но какъ основанія зданій скрываются въ землѣ; такъ начала многихъ событій теряются во мракѣ временъ.

Я спрашивалъ О. Никифора: кто и когда построилъ монастырь, въ которомъ онъ настоятельствуетъ. «Не знаю, отвѣчалъ онъ: говорятъ, что на мѣстѣ его находилась темница, въ которой заключена была св. великомученица Екатерина». Послѣ такого отвѣта самому мнѣ надлежало доходить до искомаго начала путемъ соображеній.

Монастырь называется по имени Саввы освященнаго. Сей Богоугодный мужъ скончался въ началѣ шестаго вѣка. Безъ сомнѣнія, не скоро по смерти его христіане начали строить храмы и монастыри во имя его. Посему можно полагать, что Александрійская обитель возникла въ седьмомъ, или осьмомъ столѣтіи. Кто же положилъ въ основаніе ея краеугольный камень? Не знаю. Камни ея молчатъ. Живыхъ преданій о томъ не слышно. Арабскихъ лѣтописей и описаній путешествій по Египту у меня нѣтъ подъ руками. Итакъ остается гадать, предполагать,

соображать. Вѣроятно, Александрійскіе христіане, у которыхъ Магометане и Копты послѣ 640 года отняли всѣ храмы, купили мѣсто подъ нынѣшнею обителію, расчистили его, нашли тутъ древнія колонны (можетъ быть, остатки Нептунова капища, которое, по сказанію Страбона, находилось близъ моря, и предъ которымъ высились два обелиска) и устроили себѣ приходскую церковь во имя Саввы освященнаго *). Со временемъ около этаго святилища возникли келліи. Не было историческаго лица—здателя обители; не осталось и преданія о ней историческаго. Община строила ее въ бѣдственное время на свои лепты; и никто не думалъ увѣковѣчить свое имя надписью.

Это предположеніе мое подтвердилъ одинъ старожилъ, котораго игуменъ по моей просьбѣ нарочно приглашалъ ко мнѣ. Но онъ не зналъ ни года, ни вѣка, въ который построенъ былъ монастырь. Оставалось разсмотрѣть хартіи, какія только хранятся въ ризницѣ. Пользуясь добрымъ расположеніемъ О. Никифора, я дерзнулъ попросить его, чтобы онъ показалъ мнѣ всѣ дѣописанія монастыря. Братъ и другъ по-

*) Въ послѣдствіи я узналъ изъ лѣтописи Александрійскаго патріарха Евтихія, что эта церковь существовала въ 740 году по рождествѣ Христовѣ.

велъ меня въ свою келью, отперъ сундукъ, въ которомъ лежали эти дѣписанія, и выложилъ ихъ предомною. Оказалось, что всѣ онѣ писаны на Арабскомъ языкѣ. Какъ же узнать дѣло? Какъ удовлетворить любопытству? Рѣшено было позвать одного мѣстнаго жителя изъ католиковъ, который скоро разбираетъ и хорошо понимаетъ старинныя рукописанія. Явился желанный книгочій. Съ помощію его пересмотрѣны были всѣ хартіи. Но онѣ поясняютъ судьбу монастыря только съ 1517 года по 1774. Итакъ надежда моя узнать время основанія его не сбылась. О. Никифоръ сказалъ мнѣ, что одинъ изъ предшественниковъ его истребилъ всѣ старыя дѣла, какъ ненужныя. Я пожалѣлъ о невознаградимой утратѣ.

По замѣчанію книгочія, въ Арабскихъ судебныхъ хартіяхъ христіане называются то невѣрными, то скверными, а святилище ихъ именуется просто Греческою церковію, а не монастыремъ. И это подтвердило мое предположеніе, что общество христіанъ Александрійскихъ построило себѣ приходскую церковь за городомъ. Такъ оно называло ее, такъ и въ дѣлахъ она писалась. Да и теперь Саввинскій монастырь есть не что иное, какъ приходъ православныхъ обывателей Александріи. Въ немъ совершаются для нихъ всѣ службы и требы, не исключая и брака.

При церкви монастырской, кромѣ игумена, нынѣ состоятъ: іеромонахъ Мелетій, іеродіаконъ Хрисанѳъ, три семейные священника—Константинъ съ острова Сими (онъ же и духовникъ общій), Николай Аравитянинъ изъ Алеппа, Маркъ изъ Крита, и псаломщикъ Іоаннъ Николаидисъ изъ Кесаріи Каппадокійской. Онъ поетъ, не въ носъ, довольно хорошо.

Изъ одной старой описи монастырскаго имущества видно, что въ при-Нильскомъ городѣ Розеттѣ (Рахити) есть православная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, а въ Даміаттѣ— св. Георгія. По завѣренію О. Никифора въ первой служитъ теперь іеромонахъ Дамаскинъ, котораго весь приходъ состоитъ изъ четырехъ домовъ, а во второй — два семейныя священника, Гавріилъ и Антоній. Въ приходѣ ихъ считается сто десять домовъ: всѣ бѣдные.

Подлѣ монастыря св. Саввы находится больница для православныхъ христіанъ *). Я обозрѣлъ ее. Въ изрядномъ каменномъ домѣ пять просторныхъ и опрятныхъ покоевъ вверху назначены для больныхъ, и семь внизу для увѣчныхъ и слѣпыхъ. Больные обоего пола лежали на желѣзныхъ кроватяхъ и мягкихъ

*) Смотри видъ ея на листѣ 1.

постеляхъ подъ фланелевыми одѣялами. При нихъ былъ лѣкарь. Живо и дѣйственно слово Господа: «болѣнъ бѣхъ и посѣтисте мене». Если бы не это слово; то не быть бы лѣчебницѣ въ Александріи. Увѣренность въ томъ, что самъ Господь благодатно пребываетъ въ больныхъ, воздвигла сіе богоугодное заведеніе. Предъ нимъ внутри двора разведенъ овощный огородъ. Отсюда лѣкарь провелъ меня чрезъ калитку въ садикъ. Тутъ мы присѣли въ крытой бесѣдкѣ, и по краткомъ отдыхѣ прошли подъ тѣнію деревъ въ большой овощный огородъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ финичіями. Онъ принадлежитъ къ больницѣ, но воздѣлывается на счетъ врача, который и пользуется всѣми овощами за безмездные труды свои. Къ каменной оградѣ сего огорода пристроенъ домикъ. Въ немъ проводитъ лѣто больничный врачь съ своимъ семействомъ.

Подлѣ лѣчебницы выстроенъ каменный домъ, въ два жилья съ сквозными крыльцами во всю длину его, для семейныхъ священниковъ. Они занимаютъ семь покоевъ вверху. А внизу помѣщаются бѣдные. Это отмѣнно хорошо. Священникъ долженъ быть всегда близокъ къ бѣднымъ, больнымъ и отходящимъ въ другой міръ. Ибо онъ ходатай первыхъ предъ богачами, утѣшитель и духовный врачь вто-

рыхъ, и преподатель священно-тайнаго напутствія третьимъ.

Изъ лѣчебницы я пошелъ къ почтенному гражданину Тусицѣ. Великолѣпенъ домъ его, украшающій главную площадь Александріи. Огромный дворъ при немъ весь выстланъ разноцвѣтными Родосскими камешками, узорчато. Любо смотрѣть на него. Любо ходить тутъ. По бѣломраморной лѣстницѣ ввели меня въ нарядныя горницы хозяина. Онъ встрѣтилъ меня съ почтеніемъ, подобающимъ духовному сану. Я завелъ рѣчь о мѣстной больницѣ. На вопросъ мой, когда и кѣмъ она построена, Тусицца отвѣчалъ: «Въ 1818 году здѣшніе христіане открыли подписку на устроеніе ея. Въ сборной книгѣ значилось 20,000 талеровъ обѣщанныхъ. Въ наше дѣло вмѣшался покойный патріархъ Ѳеофилъ и объявилъ намъ, что онъ устроитъ и учредитъ больницу, какъ знаетъ. Подписчики охладѣли. Правда Мегметъ-Али паша присовѣтовалъ ему предоставить сіе Богоугодное дѣло мірянамъ, указавъ на Константинополь и Смирну, гдѣ христіанскія больницы содержатся и управляются не архіереями. Но прошло благопріятное время торговли; и обѣщанные деньги не были взнесены. Тогда (покойный) братъ мой Ѳеодоръ, движимый ревностію къ общему благу и состраданіемъ

къ недужнымъ, построилъ видѣнную вами больницу своимъ иждивеніемъ въ 1828 году. Мѣсто подъ нее было куплено у мусульманъ».

По словамъ Тусиццы во всемъ Египтѣ считается пять милліоновъ жителей, а въ Александріи найдется тысяча семействъ православнаго вѣроисповѣданія, какъ туземныхъ, такъ и подданныхъ Греціи и Россіи, и состоящихъ подъ покровительствомъ разныхъ Державъ. Но по увѣренію о. игумена, который въ Пасху славитъ Христа во всѣхъ домахъ православныхъ, не найдется ихъ болѣе 250. Очевидно, Тусицца считаетъ всѣхъ живущихъ здѣсь временно по торговымъ дѣламъ, а игуменъ разумѣетъ однихъ постоянныхъ обывателей.

Съ Тусиццою я ходилъ смотрѣть новую церковь, которой основаніе положено было въ 16 день Ноября 1847 года самимъ патріархомъ Іероѳеемъ, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи Россійскаго генеральнаго консула Г. Фока. Она выведена немного выше оконъ. Это святилище православныхъ будетъ великолѣпно. Нѣтъ средствъ къ окончанію его. Но Господь, по молитвамъ Евангелиста Марка и великомученицы Екатерины, взыщетъ доброхотныхъ дателей среди сущихъ своихъ, которыхъ единъ Онъ вѣдаетъ. Тусицца, попечитель новострою-

щейся церкви и вкладчикъ, говорилъ мнѣ, что православные теперь препираются о ней: одни хотятъ поставить вдоль ея мраморныя колонны, другимъ это не нравится; нѣкоторые желаютъ соорудить куполъ, иные не одобряютъ сего. Очи всѣхъ обращены къ Россіи. Подумываютъ послать въ Москву архіерея за сборомъ милостыни. Въ Египтѣ со времени Александрійскаго патріарха Паисія, пользовавшагося богатыми щедротами царя Алексія Михаиловича, памятно благочестивое усердіе Русскихъ, съ какимъ они всегда готовы помогать угнѣтенному православію на Востокѣ.

Разставшись съ Тусицою, я пошелъ въ отроческое училище Лазаристовъ, которое, въ бытность мою въ Александріи въ 1845 году, отстроено было вчернѣ, и увидѣлъ его въ полномъ велелѣпіи. Оно находится въ первой линіи за пространною площадію города. Въ нижнемъ ярусѣ его устроенъ храмъ Божій. Онъ замѣчателенъ простотою зодчества. Средина его въ два свѣта опредѣляется четверогранными столпами, съ которыхъ отъ одного къ другому перекинуты легкія, круглыя арки въ Византійскомъ вкусѣ. За главнымъ престоломъ довольно хорошо изображена Дѣва, попирающая змія на лунѣ. Это-или матерь Божія, или знаменіе церкви христіанской. Живопись

иконъ, помѣщенныхъ у другихъ алтарей, посредственна. Никого не было въ храмѣ. Осмотрѣвъ его, я перешелъ чрезъ улицу въ дѣвичье училище Лазаристокъ, не жалѣя о томъ, что не обозрѣлъ питомника отроковъ, потому что одинаковое управленіе сихъ заведеній предполагаетъ одинаковое устройство ихъ. На дворѣ встрѣтила меня одна монахиня въ сѣромъ платьѣ и въ бѣлой шляпкѣ, и, выслушавъ мою просьбу, повела меня въ учебные покои. Мы прошли три отдѣленія. Въ каждомъ изъ нихъ монахини-учительницы привѣтствовали меня скромнымъ присѣданіемъ. По желанію моему онѣ спрашивали дѣвочекъ изъ закона Божія на Французскомъ языкѣ. Слышались отвѣты удовлетворительные. Потомъ я подробно осмотрѣлъ все училище.

Оно построено въ видѣ продолговатаго четыреугольника, въ два жилья, съ открытыми ходами, обращенными во дворъ. Внизу помѣщены учебныя комнаты, столовая съ кухнею, пріемная горница и маленькая молельня; а вверху—покои для монахинь, спальня дѣвочекъ, и ихъ рукодѣльный теремъ. Въ немъ висятъ два живописные лика,—здѣшняго епископа Италіянца, и настоятеля Ордена, къ которому принадлежатъ монахини.

Сіе училище ввѣрено надзору и попеченію такъ

называемыхъ дщерей св. Винченца Павла. Всѣ онѣ, восемнадцать, Француженки. У нихъ дѣвочки обучаются чтенію, письму, катихизису, шитью, и нѣкоторыя музыкѣ. Бѣднѣйшія изъ нихъ, числомъ 50, живутъ въ самомъ заведеніи и получаютъ полное содержаніе.

Римско-Католическія монахини занимаются воспитаніемъ и образованіемъ женскаго пола въ большихъ городахъ Турціи. Я видѣлъ ихъ въ Константинополѣ, Смирнѣ, Ларнакѣ (на островѣ Кипрѣ), въ Іерусалимѣ и здѣсь. Что касается православныхъ училищъ дѣвичьихъ; то, сколько мнѣ извѣстно, онѣ учреждены: одно въ Цареградѣ, другое въ Дамаскѣ подъ надзоромъ Арабской инокини Θеклы, третіе въ Александріи и четвертое готовится въ Іерусалимѣ. Похвальна такая дѣятельность. Кто заботится о воспитаніи и просвѣщеніи малыхъ вѣрующихъ въ Господа; тотъ, исполняя святую заповѣдь Его, готовитъ для общества лучшихъ гражданъ и для церкви лучшихъ чадъ. Достойны уваженія тѣ благотворители, учители и наставницы, которыхъ помыслы и любовь обращены на Востокъ, гдѣ есть крайняя нужда въ разсѣяніи тьмы духовной и въ озареніи душъ свѣтомъ истины. Недавнее появленіе тамъ воспитательницъ и сестеръ милосердія есть примѣ-

чательное событіе нашего времени. Опять ожило и усилилось апостольское учрежденіе служительницъ женскому полу, хотя и безъ имени діаконисссъ. Христіанская церковь пользуется вѣрою, любовію, дарованіями, познаніями, трудами и терпѣніемъ женскаго пола для распространенія свѣта истины и насажденія страха Божія и благочестія, равно и для облегченія заслуженныхъ и неповинныхъ страданій, въ тѣхъ вѣрующихъ во Христа семействахъ, кои находятся среди иновѣрныхъ племенъ, какъ цвѣты межъ терній.

Въ такихъ мысляхъ я прошелъ изъ училища Лазаристокъ въ городскую Римско-Католическую церковь. Она еще отдѣлывается внутри. Малошейный куполъ не соотвѣтствуетъ большимъ размѣрамъ ея. Видно, побоялись возвысить его, дабы онъ не упалъ такъ же, какъ и первый, который я видѣлъ въ 1845 году. Смѣжно съ сею церковію стоитъ хорошій домъ для священно-служителей.

АПРѢЛЬ.

1, Суббота.

Сегодня утромъ я съ спутниками моими посѣтилъ сперва дѣвичье училище, а потомъ отроческое: оба подъ хоругвію православія.

Первое помѣщается въ наемномъ отдѣленіи одного огромнаго дома, стоящаго на правой сторонѣ городской площади, если идешь туда отъ Саввинскаго монастыря. Въ длинной и широкой комнатѣ стоятъ рядами обычные столы и скамьи, всѣ новенькіе. Къ нимъ прикрѣплены шестики съ указателями. Видно, что обученіе производитъ по способу ландкастерскому. Дѣвочки еще не всѣ собрались, потому что было довольно рано. Насъ встрѣтила и приняла наставница, Екатерина Султана. Пока ученицы ея собирались и усаживались на своихъ мѣстахъ; пока курили благовоніями: я стоя подлѣ каѳедры распрашивалъ ее объ училищѣ и о ней самой. По словамъ ея это заведеніе открыто въ 23 день Февраля 1848 года, и содержится иждивеніемъ патріарха и гражданина Іоанна Данастàси, консула Швеціи. (Онъ православный). Содержаніе его стóитъ ежегодно около 1,000 руб. сер. Ученицъ — восемьдесятъ. Почти всѣ онѣ поступили изъ училища Лазаристокъ. На дняхъ оттуда взяты были послѣднія двѣ дѣвицы. Онѣ обучаются чтенію, письму, молитвамъ и рукодѣліямъ. Сама же наставница, родомъ съ острова Наксоса, воспитана въ Аѳинахъ на иждивеніе Греческой Королевы Амаліи. Когда мы кончили свой краткій разговоръ; послышалась молитва

на Греческомъ языкѣ; потомъ всѣ дѣвочки принялись писать. Я окинулъ ихъ пытливымъ взоромъ и не замѣтилъ въ нихъ свѣжести и благообразія, но внутренно молилъ Бога, чтобы онъ своею благодатію украсилъ юныя души. Наконецъ наставница показала намъ рукописанія, шитье и вышиванье своихъ питомицъ, и принявъ мое благословеніе, пошла къ нимъ, а я отправился къ мальчикамъ, замѣтивъ своимъ спутникамъ, что святая покровительница православныхъ Александріянокъ избрала первую труженицу въ новомъ цвѣтникѣ не Vпатію (имя нѣкогда славное въ Александріи), а тезоименитую Екатерину.

Въ отроческомъ училищѣ — тѣже наставники, Еммануилъ Сомарипа и Георгій Короней, которыхъ я видѣлъ въ 1845 году. Сомарипа показалъ намъ достаточныя свѣдѣнія учениковъ въ Географіи, Исторіи и Еллинской словесности. Ландкастерское отдѣленіе было наполнено отроками, малъ — мала меньше, словно маковымъ цвѣтомъ. Малютки твердо читали наизустъ Cvмволъ вѣры, нѣкоторыя молитвы и псалмы.

Часа въ три по полудни я опять ходилъ въ городъ отыскивать старинную церковь во имя св. Аѳанасія Великаго, обращенную въ мечеть. Сперва привели меня къ магометанской молельнѣ, которая на-

ходится у подошвы нахолмной крѣпости, недалеко отъ монастыря св. Саввы, въ виду его. Но мусульмане повѣдали мнѣ, что она построена въ 1828 году для погребенія покойниковъ изъ семьи и родни Мегмета-Али-паши, и примолвили, что въ ней находится гробъ Іудейскаго пророка Даніила. Это понудило меня войти внутрь мечети. Тамъ свели меня по каменной лѣстницѣ въ подполье, слабо освѣщенное изъ отдѣльнаго купола. Взорамъ моимъ представился накрытый чернымъ сукномъ деревянный голубецъ съ острою кровелькою, какой обыкновенно мусульмане ставятъ надъ прахомъ своихъ старѣйшинъ и святошь. А въ головѣ блеснула мысль: не была ли тутъ христіанская церковь съ мощами пророка, точно опредѣлившаго годы пришествія Сына человѣческаго? Я сообщилъ эту мысль стражамъ гроба Даніилова; но они сказали мнѣ только то, что предмѣстіе, въ которомъ находится ихъ мечеть, по нынѣ называется именемъ Козьмы и Даміана. Невѣдѣніе не обратило ли Даміана въ Даніила? Это могло статься. Такъ ли, не такъ ли, но оказалось, что не здѣсь была церковь Аѳанасія Великаго. Равнодушно я осмотрѣлъ мечеть и новыя раскрашенныя гробницы пашійской родни, и отправился искать, чего желала душа моя; но не разъ оборачивался и любо-

вался живописнымъ мѣстоположеніемъ мнимой усыпальницы Даніила. Ея зубчатыя стѣны, каменные куполы въ родѣ нашихъ надхрамныхъ главъ, и сѣрые минареты картинно выказывались межъ зеленыхъ финичій; а уютъ ея при подошвѣ высокаго холма, вдали отъ шумнаго города, дѣлалъ ее вожделѣннымъ мѣстомъ вѣчнаго покоя отъ тревогъ и дѣлъ житейскихъ. Сопровождавшій меня іеродіаконъ Хрисанѳъ по дорогѣ распрашивалъ, кого встрѣчалъ, объ искомой церкви. Одинъ Грекъ сказалъ ему, что она находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ мечеть, называемая Латàрикъ, и что уже нѣтъ и слѣдовъ ея. Проводнику моему извѣстно было это мѣсто; и мы скоро дошли туда по прекрасной насыпной дорогѣ, пролегающей мимо сада Саввинской обители. Насъ впустили въ эту маленькую и убогую мечеть. Ничего въ ней нѣтъ, кромѣ трехъ малыхъ и тонкихъ колоннъ изъ краснаго гранита, грубой отдѣлки. Вышедши оттуда, я заглянулъ въ сосѣдніе дворы мусульманскіе, и сквозь просвѣты видѣлъ только безобразныя кучи мусору отъ развалинъ. Тутъ ли была церковь св. Аѳанасія, или въ другомъ мѣстѣ: незнаю. Бѣда имѣть дѣло съ людьми, которые ничего не видятъ ни въ небѣ, ни на землѣ.

2, Воскресеніе.

Богъ сподобилъ меня сегодня отслужить литургію въ монастырской церкви. Въ ней было много православнаго народа. Даже Копты, Армяне и Сиріане приходили видѣть священнодѣйствіе мое, и слушать наше церковное пѣніе. Небесный Виноградарь да привьетъ эти отломившіяся вѣтви къ плодоносной маслинѣ, къ единой святой, соборной и апостольской церкви!

Послѣ литургіи посѣтили меня почетные христіане. Между прочимъ они говорили, что въ Каирѣ пятнадцать семей Коптскихъ приняли магометанскій законъ, потому что не захотѣли лишиться хлѣбныхъ должностей своихъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, въ слѣдствіе распоряженій Аббаса паши, которому угодно было, чтобы всѣ служащіе чиновники были изъ магометанъ.

3, Понедѣльникъ.

Спутникамъ моимъ захотѣлось посмотрѣть на разныя Египетскія и Гречекія древности, собранныя въ домѣ бывшаго консула Австрійскаго Г. Лаурѣна. Не пошелъ бы я съ ними, еслибъ не было

близко. Посѣтившему Ѳивы не такъ-то хочется видѣть какіе-нибудь обломки, отрывки, куски древняго ваянія. Но надлежало послушаться друзей. Послушался, пошелъ, и видѣлъ, что же? сфинксовъ и боговъ съ звѣриными головами, изваянныхъ изъ разноцвѣтныхъ гранитовъ, нѣсколько мраморныхъ статуй изящной отдѣлки, и бѣломраморнаго грифона на такомъ же подножіи, на которомъ начертана надпись:

ΑΥΡΗΛΙΟΝ
ΗΡΩΔΗΝ
ΤΟΝ ΠΑΡΑΔΟΞΟΝ
ΟΙ ΤΑΡΣΙΚΑΡΙΟΙ
ΡΩΜΑΙΟΙ
ΟΙ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΣ

Нѣсколько минутъ я любовался симъ пернатымъ. Не бѣлизна и не чистота отдѣлки его, а бодренность и чрезвычайная зоркость привлекли мое вниманіе. Справедливо думали, что грифонъ означаетъ или вѣдѣніе Божіе, для котораго нѣтъ ничего сокровеннаго, или разумѣніе человѣческое, усиливающееся познать

все, что можетъ. Не таково значеніе сфинксовъ, у которыхъ по большой части голова и грудь женская, а тѣло львиное. Такой составъ, по толкованію Климента Александрійскаго, есть образъ сочетанія разнородныхъ стихій міра, знаменіе лада въ природѣ, и припоминаніе наблюдателю о томъ, что познаніе Бога и естества весьма трудно. Въ самомъ дѣлѣ сфинксы выражаютъ эти три понятія. Такъ какъ женское тѣло, по мнѣнію древнихъ, означало влажную стихію природы, а тѣло львиное—стихію огненную; то соединеніе сихъ двухъ тѣлъ въ сфинксѣ служило образомъ сочетанія воды и огня, кои по ученію Египтянъ составляютъ основу всей природы, и выраженіемъ гармоніи, происходящей отъ соединенія сихъ двухъ стихій, устроеннаго премудростію Божіею. Когда сфинксу придавали лице богини Изиды; тогда онъ означалъ природу творящую, которую можно постигать не иначе, какъ изучая ее постепенно. Когда же видѣлось на немъ лице другаго божества; тогда онъ возвѣщалъ собою посвященному въ таинство, что каждое свѣтило небесное, или каждая стихія земная содѣйствуетъ всемірному ладу, и что міръ есть загадка, предложенная творцемъ человѣку на удивленіе, изученіе, и для изощренія ума. Держалъ ли сфинксъ трещетку: ею напоминалъ, что

гармонія существъ происходитъ отъ ихъ взаимнаго движенія. Былъ ли онъ прикрытъ: симъ давалъ разумѣть, что Богъ, міръ и человѣкъ суть тайны, коихъ сущность проникнуть и понять невозможно. Сфинксъ, пожиравшій тѣхъ, которые не разгадывали его, служилъ знаменіемъ вѣры, обрекающей на вѣчныя мученія безбожниковъ, не хотящихъ ни разумѣть, ни исполнять ея ученіе и заповѣди.

Сопровождавшій меня іеродіаконъ сказалъ мнѣ, что всѣ эти рѣдкости найдены были тутъ на мѣстѣ, когда Лауренъ строилъ себѣ загородный домъ. Это пріободрило меня; и я охотнѣе прогулялся по саду консула подъ тѣнію финичій и другихъ деревъ, гадая, что́-бы такое тутъ было: храмъ, дворецъ, вѣче, или гостиный дворъ, баня, книгохранилище. Распросить объ этомъ было некого. Истуканы молчали, а люди, работавшіе въ саду, и проводникъ мой походили на истукановъ. Наконецъ мы взошли на насыпь, на которой разведенъ цвѣтникъ. Въ самой срединѣ его устроенъ водоемъ изъ бѣлаго мрамора, а въ водоемѣ водруженъ такой же столбикъ, и на немъ вырѣзана надпись:

PRAECLARO VIRO
BOGOS BEY
OB RUS IN URBE
PTOLOMAEORUM
BIBLIOTHECAE
IN RUDERIBUS
IMPOSITUM
1844.

Эта надпись сначала заняла меня. Пріятно было очутиться внезапно на мѣстѣ знаменитой библіотеки Александрійской, сожженной Омаромъ въ 641 году по рождествѣ Христовомъ, и въ памяти воскресить царственныхъ Птоломеевъ, любившихъ просвѣщеніе, неоплатониковъ, звѣздочетовъ, землеописателей, стихотворцовъ, и прочихъ ученыхъ мужей языческихъ и христіанскихъ, которые сходились сюда читать, бесѣдовать, спорить, мыслить, чувствовать. Но когда на душу мою легла тѣнь — мысль, что Лауренъ, быть можетъ, по тщеславію, либо легкомыслію, представлялъ себѣ древнюю библіотеку на мѣстѣ, подаренномъ ему Богосъ Беемъ, счетчикомъ Мегмета-Али паши; тогда мнѣ захотѣлось уйти оттуда поскорѣе, и я ушелъ, не бросивъ и мимолетнаго взгляда на идоловъ, которые, статься можетъ,

украшали не общественное книгохранилище, а домъ какого нибудь богача, или городское вѣче.

Уваженіе къ Египетскому зодчеству побудило меня еще разъ взглянуть на обелиски царицы Клеопатры, находящіеся близь новой пристани. На пути къ нимъ я подошелъ къ Синайскому подворью, и прочитавъ на воротахъ его надпись гласящую, что оно построено въ 1835 году, обратилъ вниманіе на Англійскую церковь, сооружаемую близъ сего подворья. Она не велика, но красива. Ея окна, двери и карнизы убраны узорами, изсѣченными въ камняхъ. Крыши еще нѣтъ. Кое-какія смутныя воспоминанія о сношеніяхъ Синаитовъ съ Кантербюрійскимъ Архіепископомъ по дѣлу о сей церкви, или лучше о мѣстѣ подъ нею, заставили меня спросить отца іеродіакона объ этомъ дѣлѣ; и онъ дорогою разсказалъ мнѣ, что̀ зналъ. Повторяю разсказъ его. Мѣсто подъ сею церковію принадлежало богатому Греку Данастàси. Синаиты просили его подарить имъ этотъ клочекъ земли. Онъ обѣщался, но по дружбѣ къ сановнику Али паши Богосъ-Бею передалъ его Англичанамъ. Тогда пустынные отцы послали прошеніе въ Лондонъ къ помянутому архіепископу, чтобы онъ уступилъ имъ сосѣднее съ ихъ подворьемъ пустопорожье. Но его Высокостепенство отвѣчалъ имъ,

что оно было бы отдано имъ охотно, еслибы не назначалось для церкви. Это проводникъ мой слышалъ изъ устъ архидіакона Синайской обители Кирилла, который самъ сочинялъ и посылалъ просьбу въ Лондонъ. Въ 1845 году я не вслушался хорошо въ разсказъ объ этомъ дѣлѣ и вообразилъ, что мѣсто подъ Синайское подворье уступлено было Англичанами: а выходитъ противное. Сіе подворье существовало тутъ съ давнихъ временъ, и въ 1835 году только вновь построено было и не получило желаннаго, смѣжнаго пустопорожья, на которомъ теперь строятъ свой молитвенный домъ Англичане. Отецъ іеродіаконъ также разсказалъ мнѣ, что, назадъ тому два года, изъ Лондона прислали въ Каиръ на имя Коптскаго патріарха Петра 500 печатныхъ новыхъ завѣтовъ на Коптскомъ языкѣ, и столько же на Абиссинскомъ. Письмо ошибкою принесено было къ нашему патріарху Іероѳею; и онъ нечаянно узналъ объ этомъ дарѣ Англичанъ. При разговорахъ дорога сокращалась нечувствительно; и мы очутились у четверогранныхъ обелисковъ. Одинъ лежитъ въ могилѣ: только подошва его видна; а другой стоитъ на своемъ мѣстѣ. Оба они выработаны изъ розоваго гранита; и на нихъ изсѣчены разныя птицы, змѣйки, жуки, ножи, полукруги, треугольники, кои всѣ по

ученому называются іероглифами. Эти иглы весьма толсты и огромны. Подлѣ сихъ памятниковъ море обрамлено крѣпостною стѣною. Мы взошли на нее, посмотрѣли на новую пристань, на Фаросъ, на шумящія волны, и поторопились домой, потому что было очень холодно.

Спутники мои пожелали видѣть церковь евангелиста Марка, принадлежащую Коптамъ. Я повелъ ихъ туда. Это древнее святилище весьма бѣдно. Въ алтарѣ южнаго придѣла у восточной стѣны стоитъ мраморный гробъ перваго благовѣстника спасенія въ Египтѣ. Мы помолились предъ нимъ Богу.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПЛАВАНІЕ ПО ВОДОВОДУ МАХМУДІЭ И ПО НИЛУ.

4, Вторникъ.

Александрія—красива. Мегметъ-Али паша вновь создалъ, обогатилъ, украсилъ, и сдѣлалъ свободнымъ и веселымъ сей городъ. Присные мои вдоволь полюбовались имъ и накупили себѣ разныхъ вещей. А я пріобрѣлъ свѣдѣнія о православной церкви въ Египтѣ, кои будутъ изложены въ особомъ сочиненіи.

Сколь ни покойно намъ было въ семъ городѣ подъ кровомъ святой обители; но надлежало отправиться въ Каиръ по Русской пословицѣ: спасибо этому дому, пора къ иному. Ѣдущимъ въ пустыни святаго Антонія и Павла Ѳивейскаго и на Синай не благоразумно было бы медлить въ дорогѣ, и не пугаться лѣтнихъ жаровъ Африканскихъ потому только, что снѣга, покрывавшіе Балканъ, Тавръ и Ливанъ, послѣ прошлой

холодной зимы, могли умѣрять эти жары съ помощію сѣверныхъ вѣтровъ. Ибо на расчетъ человѣческихъ вѣроятностей мало надежды. Знаніе Этрусковъ, умѣвшихъ предугадывать погоды, потеряно. Воздушныя перемѣны нашей земли такъ недавно и такъ мало изучены, что еще не извѣстны ни круги времени, ни законы, въ которыхъ и по которымъ онѣ совершаются, и потому нѣтъ возможности предвидѣть и предсказывать ихъ съ такою точностію, съ какою впередъ узнаютъ напр. затмѣніе солнца, или появленіе кометы. Счастливѣе насъ будутъ путники въ то время, когда точныя науки опредѣлятъ и вычислятъ законы и ходъ воздушныхъ перемѣнъ на всемъ земномъ шарѣ. Тогда они свободно станутъ располагать своимъ временемъ, и будутъ узнавать болѣе, нежели мы.

Поблагодаривъ отца игумена за братскій пріемъ и подавъ 55 руб. сер. вкладу въ св. обитель, я выѣхалъ изъ города къ водоводу Махмудіэ, гдѣ ожидали меня спутники мои въ парусной лодкѣ, вчера нанятой за 150 піастровъ до селенія Атфи. Оканчивался десятый часъ дня. Канджа была готова къ отплытію. Мнѣ понравился этотъ пловучій домикъ. Онъ былъ новъ, хорошъ, удобенъ, вмѣстителенъ, покрытъ, застекленъ и устланъ коврами и подушками. Я осѣнилъ его крестомъ и съ вѣрою вознесъ мольбу

свою къ Богу о благословеніи насъ въ путь дальній и опасный. Въ десять часовъ съ четвертью канджа съ помощію шестовъ заскользила по стоячей водѣ, и чрезъ 15 минутъ побѣжала подъ парусомъ, гонимая легкимъ попутнымъ вѣтромъ.

День былъ прекрасный. Въ воздухѣ ощущалась свѣжесть. Я сѣлъ у крылечка канджи, чтобы лучше наблюдать надъ всѣмъ, что видно на искуственномъ водоводѣ. По мѣстамъ онъ облицованъ каменными стѣнками, дабы вода не прорывалась на сосѣднія низовья. Разноцвѣтныя линіи на облицовкѣ его доказываютъ, что влага въ немъ поднимается на полтора аршина выше настоящаго уровня. Близь Александріи по берегамъ водовода зеленѣютъ сады, и рисуются красивые домы. Привольно въ нихъ жить, мыслить и дѣлать добро. Городъ всегда отнимаетъ у человѣка часть силъ; а деревня возстановляетъ ихъ. Въ городѣ суета, а тамъ — покой. А такъ какъ покой есть часть нашего благополучія; то за городами естественно возникли уединенные пріюты. Они-то, здѣсь въ Египтѣ, были первоначальными обителями, въ коихъ лучшіе христіане уединялись для чтенія слова Божія, для размышленія, поста и молитвы, и изъ коихъ возвращались въ города лучшими семьянами и лучшими гражданами. Вкусивъ

сладость уединенной жизни въ тайнѣ лица Божія, многіе изъ нихъ пошли и далѣе отъ сельскихъ жилищъ, за линіи пальмъ, въ горныя пещеры и песчаныя мѣста; и вотъ такимъ образомъ развилось стремленіе къ отшельничеству, которое есть не что иное, какъ приближеніе человѣка къ Богу и желаніе услышать гласъ Его въ безмолвіи пустыни.

У духа человѣческаго есть сильное сочувствіе съ природою. Онъ любитъ созерцать ее, вопрошать, понимать, воспроизводить ея образы, и даже безотчетно любоваться ею. Вотъ и этотъ водоводъ, по которому плыветъ ладія моя, какъ ни однообразны, какъ ни пустынны забережья его, картиненъ и занимателенъ. Наблюдаешь ходъ своего судна; глядишь на чужіе челны; смотришь на людей. Свое судно подъ парусомъ то летитъ, то бѣжитъ, то едва едва подвигается; ибо невсегда ровно мчитъ его вѣтеръ своенравный. За кормой его маленькія волны стелются къ берегу, и пѣнясь тихо журчатъ, какъ будто на насъ ворчатъ за то, что мы нарушили покой ихъ. Послушное вѣтрило порой машетъ словно крыло бѣлаго орла, порой морщится и хлопаетъ о дерево, порой надувается; и рея его съ мачтою составляетъ крестъ. Чужія лодки, большія и малыя, всѣ крылатыя, встрѣчаются, расходятся, опереже-

ваютъ другъ друга, догоняютъ, плывутъ рядомъ, сталкиваются въ узкомъ мѣстѣ, садятся на мель. Тутъ хозяева ихъ начинаютъ кричать, укоряя другъ друга за неловкость. Шесты пронизываютъ воздухъ и влагу. Гребцы скачутъ въ воду, и то руками разводятъ лодки, то хребтами сдвигаютъ ихъ съ мели: бронзовы ихъ выи и мышцы, мѣдяны ихъ хребты и голени. Трудъ конченъ; и суда опять летятъ. Вотъ переднія изъ нихъ обогнули извилину водовода; невидно ихъ остововъ, но верхніе узкіе края ихъ парусовъ еще качаются наклонно надъ водою. На всѣхъ судахъ степенно сидятъ Египтяне. Всѣ они смуглы и желты; нѣкоторые сухощавы, а иные весьма тучны. По закатѣ солнца одному феллаху (земледѣльцу) нужно было перейти съ одной стороны водовода на другую съ женою, воломъ и коробомъ, наполненнымъ пшеницею, или овощами. Сначала онъ перешелъ въ бродъ съ коробомъ на головѣ, будто хлѣбодаръ фараона, потомъ воротился и перевелъ вола; снова побрелъ за женою, но увидѣвъ, что рогатый началъ щупать коробъ, воротился, взялъ вола назадъ, переправился съ нимъ и посадилъ на него жену свою. Это напомнило намъ извѣстную дѣтскую задачу: какъ перевезти чрезъ рѣку волка, козу и капусту въ челнокѣ, который поднимаетъ лишь два

груза.—Наступила темная ночь. Мы затворились въ комнатахъ своей канджи; и она около полуночи благополучно принесла насъ спящихъ къ селенію Атфи.

5, Середа.

Говоръ и шумъ людской пробудилъ насъ до восхожденія солнца. Мы вышли на берегъ. Густый и сырой туманъ накрывалъ это бѣдное селеніе, расположенное на высокой и крутоярой окраинѣ Махмудійскаго водовода и Нила. Вдоль береговъ и у хитрохудожныхъ воротъ канала мелькало множество судовъ. Ихъ мачты и снасти перепутали воздухъ. Казалось, будто лѣсъ выросъ между небомъ и землею. Во всякой другой странѣ деревня Атфи сдѣлалась бы городомъ большимъ и богатымъ, какъ складочное мѣсто всѣхъ произведеній Египта, вывозимыхъ въ Европу чрезъ Александрію. Но при Турецкомъ правительствѣ жители ея не могутъ разбогатѣть трудами своими. Ибо удастся ли имъ смѣтливостію и бережливостію накопить немного денегъ: алчность, хищность и варварство ихъ приставниковъ тотчасъ введутъ ихъ въ уровень съ прочими бѣдняками.

Нечего было смотрѣть въ Атфи; и я тотчасъ послалъ своего переводчика отыскать и нанять хорошую дагабію для плаванія по Нилу до Каира, а самъ съ спутниками пошелъ къ этой древней рѣкѣ, въ которой нѣкогда проявилась чудодѣйственная сила Божія чрезъ Моисея, спасеннаго въ струяхъ ея отъ гоненія фараонова. Мы стали на высокомъ и крутояромъ берегу ея, и молча смотрѣли на нее. Пальмы отражались въ ней, какъ въ зеркалѣ. Смотря въ тихія и прозрачныя струи этой водотечи, я припоминалъ свое прежнее плаваніе по ней, пріятное и опасное. Въ воображеніи моемъ рисовались крокодилы и коптскіе монахи, пирамиды и царскіе гробы, Ѳиванскіе храмы и древніе обители отшельниковъ, іероглифы и сфинксы. Спутники мои, любуясь рѣкою современною первымъ днямъ міра, сравнивали ее, кто съ Невою, кто съ Днѣпромъ, кто съ Сосною. На противоположномъ берегу ея ярко зеленѣли нивы, огороды, и финиковыя рощи, за которыми утренняя заря уже позолотила и нарумянила небо. Радужный свѣтъ отражался въ водѣ. Лучи его лобызались съ струями и привѣтствовали другъ друга съ утромъ прекраснымъ.

Дагабія нанята была для насъ за 300 піастровъ до Каира. Это весьма длинное и неузкое судно рѣч-

ное строится здѣсь весьма удобно и красиво. У кормы его ставятся три крытыя, деревянныя горницы съ рѣшетчатыми и застекленными оконницами подвижными, какъ въ каретѣ, и съ крылечкомъ для сидѣнія. Ихъ раскрашиваютъ и по восточному обычаю убираютъ диванами и подушками. Отъ горницъ до носа дагабіи тянется длинная палуба съ двумя мачтами. На ней раздолье для людей, а подъ нею просторъ для вещей. Тутъ же впереди стоитъ и очагъ. Это— не судно, а домъ для большаго семейства. Удобно плавать на немъ по Египетской водотечи. Днемъ сидишь, или ходишь по палубѣ подъ тѣнію полога, натянутаго отъ крылечка до средней мачты, и наслаждаешься разными видами, которые непрестанно смѣняются. Хочешь видѣть поля и деревни: взойдешь на общую горницу къ рулевому и оттуда смотришь, куда угодно. Настанетъ часъ завтрака, или обѣда: у большой мачты накрывается походный столъ. Всѣмъ просторно, и все вкусно съ приправой чистаго воздуха. Чай, сваренный въ Нильской водѣ, пьется съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Въ пріятныхъ и умныхъ разговорахъ отражаются души, какъ въ чистыхъ струяхъ предметы и лица. Водворится ли молчаніе: всѣ чѣмъ-нибудь заняты; кто читаетъ, кто записываетъ путевыя впечатлѣнія; кто сидитъ на

окраинѣ дагабіи и глядитъ безотчетно. Прислуга варитъ, печетъ, черпаетъ, моетъ, льетъ. Арабы судовщики за парусомъ навѣтреннымъ сидятъ на носу и курятъ табакъ, или работаютъ шестомъ и хребтомъ. Гдѣ застигнетъ ночь, тамъ и причаливаютъ судно. Всѣ погружаются въ сонъ сладкій. Словомъ, жизнь на Нилѣ есть жизнь домашняя и весьма пріятная.

По обычаю я далъ своей дагабіи имя, Россъ. Реисъ ея, т. е. глава или хозяинъ, (онъ же и рулевой), былъ изъ племени Берберовъ. Европейское лице его весьма черно, но правильно, красиво и пріятно. Такое обличіе и учтивое обхожденіе его поселяли въ насъ довѣренность къ нему.

Минуло восемь часовъ по полуночи. Мы были готовы къ отъѣзду. Но Реисъ упросилъ насъ подождать его недолго; ибо ему нужно было купить коечто въ Атфи. Пока онъ хлопоталъ на берегу: насъ занялъ нищій слѣпецъ, который, опираясь на дѣвочку, ходилъ отъ лодки до лодки и жалобно просилъ подаяній, выпѣвая мольбы свои. Когда очередь дошла до насъ; онъ сѣлъ на перекидную доску нашей дагабіи у самой воды. Солнце палило большую и круглую голову его, лишенную волосъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ посохъ, а другую протянулъ для

полученія милостыни и запѣлъ мѣрные стихи, а дѣвочка звонкимъ голосомъ повторяла припѣвъ: я—керúмъ я—рàбъ, т. е. милосердъ Господь. Мы столпились на краю судна и съ состраданіемъ слушали слѣпца. Онъ пѣлъ:

Богъ червячка питаетъ
Въ разсѣлинѣ скалы.
И мой кормитель — Онъ же.
Его я червячокъ.
О, милосердъ Господь.
Все въ мірѣ семъ преходитъ,
Какъ паръ, какъ дымъ, какъ тѣнь.
Однѣ дѣла благія,
И Богъ, живутъ во вѣкъ.
О, милосердъ Господь.
Зерно одной рукою
Ты нищему подашь:
А за него другою
Колосья соберешь.
О, милосердъ Господь.
Всѣ люди скоротечно
Проходятъ по землѣ,
И ничего съ собою
На небо не берутъ.
И я на время посланъ

Отъ Бога къ вамъ, друзья.
И вы не вѣчны здѣсь.
А милостыня вѣчна.
О, милосердъ Господь.

Итакъ не удержите
Той лепты, что́ слѣпцу
Назначена отъ Бога
На день одинъ и ночь.
За то Онъ вамъ подастъ
Благополучный путь,
И здравіе и радость,
И вѣчну рая сладость.
О, милосердъ Господь.

Эта глубоконазидательная пѣснь нищаго умилила насъ. Я прослезился. Есть слова, отъ которыхъ сладко плачешь: это слова о скоротечности жизни и возвращеній души къ Отцу ея небесному, съ запасомъ дѣлъ добрыхъ. Когда слышишь ихъ изъ устъ проповѣдника—задумываешься; но когда выпѣваетъ ихъ нищій-слѣпецъ, тогда сострадаешь и невольно роняешь горячія слезы. Отъ чего бы это? Отъ того, что такой слѣпецъ есть какъ бы ближайшій посланникъ Бога къ нашимъ сердцамъ. Богъ питаетъ его: онъ же и умудряетъ его. Да и самые глаголы сего человѣка

сложены ладно и выражаются жалобно. Какъ же не внимать? Какъ не сотворить святой милостыни?

Въ три четверти девятаго часа наша дагабія полетѣла при попутномъ вѣтрѣ. Я затверживалъ пѣснь нищаго-слѣпца. Спустя тридцать минутъ на правомъ берегу Нила показался городъ Фуа. Подлѣ него высится рабочая храмина, въ которой дѣлаютъ красные фесы. Въ древнія времена онъ назывался Мѣтелисъ, и былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Въ немъ считалось болѣе шестидесяти тысячь душъ. У береговъ его останавливались купеческіе суда, приходившіе изъ Европы; и тутъ была мытница, въ которой собирались пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Египетъ, и вывозимыхъ изъ него по Болбитинскому рукаву Нила. Европейскіе купцы имѣли тутъ свои торговые домы.

Фуа въ древности стояла у самаго моря. Но когда илъ и пески, наносимые Ниломъ, распространили въ длину и ширину нижній Египетъ, застилая и отдаляя воды Средиземнаго моря; тогда сей городъ пересталъ быть морскою пристанью, и былъ покинутъ европейскими купцами. Торговля перешла въ Розетту (Рахи́ти), построенную близь сего моря внукомъ Халифа Харунъ-ал-Рашида. Настанетъ время, когда и сей городъ въ свою очередь отдалится оттуда, и

не увидитъ большихъ судовъ купеческихъ. И теперь онъ уже не близокъ къ водѣ средиземной. Его ждетъ участь Фуи, которая нынѣ не болѣе, какъ незавидная деревня.

Нашъ Россъ летитъ. Я сижу на крылечкѣ, и порой пишу.

Знакомъ мнѣ Египетъ. Знакомъ мнѣ Нилъ. Тѣже предметы, какіе видѣлъ я назадъ тому пять лѣтъ, вижу и теперь. Вотъ среди рѣки песчаныя косы взборождены и готовы подъ овощи. На обоихъ берегахъ ея высятся финичія. Стройны и красивы эти пальмы. На темени ихъ — зеленые вѣнцы. Вѣтеръ ихъ колеблетъ; и онѣ, помавая ими, привѣтствуютъ путниковъ. Неизвѣстно, когда Египтяне начали садить финиковыя дерева въ Нильской долинѣ. Иродотъ, посѣтившій царство Фараоновъ, въ описаніи его, нигдѣ не упомянулъ о выращеніи тамъ этихъ деревъ съ древнѣйшихъ временъ. Однако наглавія колоннъ въ видѣ финиковыхъ пальмъ въ тамошнихъ храмахъ, строенныхъ за нѣсколько вѣковъ до Иродота, и лики пальмоносцовъ, участвовавшихъ въ праздникѣ въ честь богини Изиды, доказываютъ, что дерево, о которомъ идетъ рѣчь, было любимо и воспитываемо Египтянами еще въ то время, когда управляли ими жрецы и учреждали обряды ихъ вѣры.

Страбонъ, бывшій въ Египтѣ, первый изъ древнихъ писателей, съ точностію указалъ какъ роды тамошнихъ пальмъ (Phoenix et Caryota), такъ и мѣста, гдѣ онѣ росли въ его время. Въ 17-й книгѣ (818) своей географіи онъ замѣтилъ, что эти дерева въ нижнемъ Египтѣ и около Александріи даютъ невкусные плоды, и что лучшій родъ ихъ находится въ Ѳиваидѣ, и особенно на одномъ островѣ Нила, принадлежавшемъ Римскому префекту. Это — островъ Табе́нне *). Отшельники Египетскіе, какъ мы знаемъ изъ Четьминеи, питались финиками и плели кошницы изъ пальмовыхъ вѣтвей. Устье пещеры преподобнаго Павла Ѳивейскаго было пріосѣнено финичіемъ. Около того потока, у котораго жилъ въ пещерѣ Антоній великій, росло много финиковыхъ пальмъ. Въ средніе вѣка, по свидѣтельству Арабскихъ писателей Абдъ-Аллатифа и Макризи **), жители Египта занимались выращеніемъ финиковъ, изъ которыхъ лучшіе находились въ Ѳиваидѣ близъ Ассуа̀на. Я въ первое путешествіе свое въ этой странѣ (1845 г.) видѣлъ большія финиковыя рощи въ Мемфисѣ, Фаюмѣ, и на берегахъ Нила, начиная отъ Сіута до Э̀сне. Фи-

*) Sozomen. Histor. eccl. III, c. 14.

**) Abd Allatif. Silv. de Sacy 1.—Burckhardt, Nubia. Append. III.

никовое дерево весьма полезно жителю Египта. Изъ зеленыхъ вѣтвей его онъ плететъ себѣ кошницы, постели и рогожи, а изъ волоконъ — веревки для оснащенія судовъ. Съ этими вѣтвями здѣшніе христіане встрѣчаютъ дорогихъ гостей, видя въ нихъ пришедшаго къ нимъ Господа. Финиковыя бревна употребляются на потолки, косяки и пороги въ домахъ. — Гдѣ пальмовыя рощи, тамъ и селенія. Подъ тѣнію ихъ работаютъ Египтянки, и подлѣ нихъ играютъ подслѣпые дѣти и пасутся овечки и осленки. Надъ отвѣсными берегами рѣки подъ сѣннолиственнымъ деревомъ Жуммéзъ скрипятъ водоемныя колеса, вращаемыя буйволами, или верблюдами, и спускаютъ въ воду и поднимаютъ глиняные кувшины, прикрѣпленные къ толстой веревкѣ, полные влаги животворной, которая по земляным жолобкамъ разходится на нивы, и затопляетъ ихъ неглубоко. Такъ добываютъ Нильскую воду зажиточные хозяева. А поселяне сами черпаютъ ее изъ рѣки кожанымъ ведромъ посредствомъ наклоннаго коромысла. Одинъ достаетъ ее изъ самаго Нила и выливаетъ около себя въ небольшую яму, ископанную въ крутомъ берегу и устланную финиковыми рогожками; вода по жолобу доходитъ до другаго работника, который стоитъ выше перваго и изъ своей ямы переливаетъ ее

третьему. Иногда, смотря по высотѣ берега, четвертый и пятый феллахъ доводитъ живительную влагу до полей жаждущихъ. Всѣ они нагіе. Солнце ихъ жжетъ, вѣтры обдаютъ пылью; пески заслѣпляютъ имъ глаза. Египетская работа!

Часовая стрѣлка показываетъ десять минутъ одинадцатаго часа. На правомъ берегу Нила видно село Ес-Саалміе съ двумя мечетями и водоемнымъ колесомъ подъ двумя тѣнистыми жуммезами; а напротивъ его красуется деревня Кафръ-Шехъ-Хассанъ.

Величаво и спокойно теченіе рѣки. На ней искрятся безчисленныя золотыя и серебряныя блёстки. Женщины и дѣвицы, всѣ въ синихъ рубашкахъ съ длинными и широкими рукавами, прикрытыя большими платками того же цвѣта, босыя, но непремѣнно съ серебреными запястьями на рукахъ, заняты на берегу. Однѣ полощутъ бѣлье, другія моютъ своихъ дѣтей, третьи наполняютъ водою большіе, глиняные кувшины. Издали кажется, будто онѣ ловятъ Нильскія блёстки. Высоки и тяжелы ихъ водоносы; но онѣ безъ усилія держатъ ихъ на головахъ, и легко и картинно поднимаются съ ними на берегъ крутоярый. На нихъ лѣниво смотрятъ буйволы, лежа въ рѣкѣ по уши и нѣжась сладко въ часъ зноя.

Наши лодочники мѣрно и отрывисто запѣли: ʾэге-ʾэлле, ʾэге-ʾэлле, переставляя парусъ на другую сторону дагабіи. Тактъ голоса придаетъ тактъ работѣ.

Нилъ оживленъ. Разноцвѣтныя, большія и малыя суда рѣютъ на немъ во всѣхъ направленіяхъ. Вотъ рыбаки закидываютъ сѣти. Вотъ лодка съ хлопчатою бумагою летитъ мимо насъ подъ однимъ парусомъ. Арабъ стоитъ на носу ея и длиннымъ шестомъ порой мѣряетъ глубь. Вотъ черный нагій Нубіецъ сплавляетъ по рѣкѣ горшки и кувшины; въ видѣ плота они сложены; и онъ стоитъ на нихъ и сильно гребетъ уродливымъ весломъ. Вотъ ласточки, какъ пчелы, роями кружатся надъ водою, смотрятся въ нее, щебе́чутъ, влетаютъ въ свои кругленькіе гнѣзда въ отвѣсномъ берегу, вылетаютъ, и опять возвращаются. Кто пойметъ ихъ желанія, радости, печали, суету! Гдѣ ключь къ уразумѣнію тайнъ ихъ бытія?

На часахъ моихъ — три четверти одинадцатаго. На правомъ берегу Нила стоитъ селеніе Шехъ-Ибрагимъ, на лѣвомъ Шехъ-Хассанъ. Между ними въ рѣкѣ высится островъ. Мы плывемъ близъ лѣваго берега.

До полудня осталось полчаса. Вѣтеръ несетъ насъ въ даль. Въ Шехъ-Ибрагимѣ межъ пальмъ высится трехъярусный минаретъ, увѣнчанный зодческою

луковицею, и видѣнъ большой каменный домъ въ три жилья, въ европейскомъ вкусѣ. Онъ принадлежитъ Аббасъ пашѣ. Къ берегу у этаго села причалено множество лодокъ. На нихъ развѣваются красные флаги. На чистомъ полѣ водружены большія палатки, синія, бѣлыя, зеленыя; а за ними толпится народъ. Всѣ торгуютъ и ликуютъ. Житейское дѣло! Сегодня тутъ праздникъ, который называется Муулѣдъ. Окрестные магометане два раза въ году собираются туда на богомолье, сегодня, и еще когда-то.

За десять минутъ до полудня мы пролетѣли мимо большаго села Рахманіе, расположеннаго на лѣвомъ берегу Нила; а спустя четверть часа по полудни мимо насъ пробѣжали деревни, Мàрасъ на томъ же берегу, и Кафръ-ел-Махáлле, иначе, Димахмýнъ на правомъ.

Рахманіе есть древній городъ Навкрáтисъ, основанный Милетцами при фараонѣ Псамметихѣ, который взошелъ на престолъ за 670 лѣтъ до рождества Христова *). Фараонъ Амазисъ, царствовавшій съ 569 по 525 годъ до нашей эры, позволилъ Грекамъ водворяться въ семъ городѣ и строить жертвенники и капища. Пользуясь сею милостію, они соорудили

*) Strabo Lib. XVII. c. 1.

тамъ великолѣпный храмъ, подъ названіемъ Еллѝніонъ. Въ сооруженіи его участвовали города Хіосъ, Теосъ, Клазомене, Родосъ, Книдъ, Аликарнасъ и Митилѝны. Этотъ храмъ принадлежалъ симъ городамъ; и только они одни посылали прикащиковъ въ свои торговые домы въ Египтѣ. Прочіе города Греціи не имѣли сего права, за исключеніемъ жителей Эгины, Самоса и Милета, изъ которыхъ первые на свой счетъ построили храмъ Зевесу, вторые Минервѣ, и третьи Аполлону *). Во время Иродота (за 450 лѣтъ до Р. Х.) Навкратисъ уже не былъ въ томъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ находился прежде, когда только въ немъ одномъ сосредоточивалась иностранная торговля Египта **). Въ первые вѣки христіанства въ семъ городѣ почитаемъ былъ преимущественно Сераписъ богъ — солнце. Въ Навкратисѣ родился знаменитый Аѳиней, который жилъ въ царствованіе Марка Аврелія Римскаго императора, и написалъ книгу, извѣстную подъ названіемъ, Дипнософисты.

Иродотъ расказываетъ такъ же, что во время разлитія Нила суда отъ Навкратиса до Мемфиса плавали не по самой рѣкѣ этой и не по каналамъ, а поверхъ затопленныхъ полей и мимо пирамидъ. Когда

*) Herodot. L. II, c. 178.

**) Ibidem. c. 179.

же онѣ поднимались отъ моря и Канопа до Навкратиса по наводненной равнинѣ; то проходили мимо Анѳиллы и Архандры. Городъ Анѳилла былъ богатъ. Доходы съ него получали себѣ на обувь царицы Египетскія.

Сколько перемѣнъ въ теченіи двадцати трехъ вѣковъ произошло въ семъ уголкѣ міра! Нѣтъ и слѣда этихъ двухъ городовъ, которые красовались между Канопомъ и Навкратисомъ. Канопъ и рукавъ Нила, носившій имя сего города, совсемъ исчезли. Нижній Египетъ такъ возвысился, что самое полное разлитіе Нила уже не покрываетъ равнинъ его, тогда какъ за 2300 лѣтъ до насъ суда и лодки свободно ходили поверхъ ихъ во время наводненія.

Постепенное упаданіе Навкратиса было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ перемѣнъ. Когда сей городъ отдалился отъ устья Нила: тогда торговля перешла въ Фуу. Но и Фуа по той же причинѣ потеряла ее въ свою очередь.

Когда я писалъ эти воспоминанія, минулъ часъ по полудни. Нашъ Россъ пролетѣлъ мимо деревни Кафръ-Мгарръ, выстроенной на лѣвомъ берегу Нила. По словамъ судовщиковъ она есть имѣніе покойнаго Мегмета-Али паши. Изрядная мечеть и бѣлый домъ въ европейскомъ вкусѣ составляютъ ея украшеніе.

У берега стоялъ маленькій пароходъ съ бѣлою трубою. На немъ пріѣхалъ въ Мгарру какой-то Шерифъ паша.

Въ половинѣ втораго часа вѣтеръ усилился. Нилъ взволновался и пожелтѣлъ. Наша дагабія избочинилась и по влажнымъ валамъ быстро побѣжала съ подскокомъ; двери въ горницахъ ея захлопали; рухлядь наша повалилась; сердца оробѣли; всѣ мы были на волосокъ отъ пучины; вѣтеръ свисталъ въ трубчатыхъ блокахъ; берега мелькали; судовщики стояли на стражѣ. Трудно и даже опасно было переставлять парусъ, смотря по извилинамъ рѣки. Надлежало переждать бурю. Реисъ направилъ дагабію къ безопасному берегу; и по его приказанію сухой мальчикъ Мухаммедъ въ одно мгновеніе вскарабкался по мачтѣ на рею, и обхвативъ ее колѣнами и ступнями своими, началъ подвязывать парусъ съ самаго верха. Руль поворотилъ судно къ селенію Шуберхѝнъ на лѣвомъ берегу. Оно съ размаху прочертило своимъ носомъ мягкую землю. Полоскавшіеся тутъ дѣти испугались и разсыпались. Всѣ они очень бѣлы. Я взглянулъ на часы. Минуло три четверти втораго.

Пріятно плавать по Нилу, но вмѣстѣ и скучно. Пріятно, когда попутный вѣтеръ мчитъ судно въ даль; скучно, когда отъ вихря причаливаютъ его къ

берегу и привяжутъ къ двумъ кольямъ. Нельзя тогда выдти изъ пловучей горницы. Пыль такъ и заслѣпляетъ глаза. Смотри въ Нилъ и считай желтыя пирамидки, кои образуются въ клокочущей водѣ, исчезаютъ, и снова появляются. Не слишкомъ пріятное занятіе! Наводи ухо и слушай, какъ вихрь свиститъ въ блокахъ и снастяхъ. Не усладительная музыка! Сожалѣй объ утраченномъ времени, и сознавай свое безсиліе предъ мощною природою. Безполезное сознаніе! Лучше бесѣдуй съ Богомъ и съ самимъ собою. Молитва и размышленіе сокращаютъ часы бури и отнимаютъ житейскую горечь у души.

Минуло сорокъ пять минутъ четвертаго часа. Вѣтеръ ослабѣлъ. Россъ пошелъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ съ размаху наткнулся на подводную, песчаную косу и, проборождивъ ее, прянулъ въ глубь. Въ ушахъ отозвался глухой гулъ: въ головѣ блеснула мысль, что Нилъ состоитъ изъ ямъ и озеръ, перехваченныхъ по мѣстамъ отмеляли.

Исходитъ часъ пятый. Вѣтеръ шумитъ. Нилъ клокочетъ. Россъ бѣжитъ по волнамъ съ подскокомъ. Берега мелькаютъ. Вечеръ приходитъ. Исполинъ небесный уходитъ. Каково то будетъ прощаніе его съ Ниломъ?

Послѣдніе лучи солнца золотятъ нашъ парусъ. Золото льется съ него въ рѣку и ярко блеститъ въ струяхъ ея съ разноцвѣтными отливами. Судно плыветъ ужъ будто не по водѣ, а по растопленному благородному металлу. Не загорѣлось бы оно? Нѣтъ! Чары природы ничего не губятъ, и только увеселяютъ любящую ее душу. Разнообразны эти чары. Какъ только скрылось солнце; на небосклонѣ кругомъ появилось радужное кольцо, и успокоенный Нилъ зарумянился. Смотрю въ зеркальныя струи его и вижу въ нихъ другое небо, другія пальмы и нивы, другія суда, другихъ людей и звѣрей, и мальчика верьхомъ на буйволѣ. Все и всѣ румяны.

Тихій вѣтерокъ едва дотащилъ нашу дагабію до деревни Шебу̀ръ; и мы расположились тутъ ночевать.

Всѣ спятъ. Одинъ я бодрствую. У меня болитъ правая рука. Едва едва могу писать ею и перекреститься. Господи помилуй меня грѣшнаго.

Все спитъ. Не чуть ни колебанія воздуха, ни помаванія финичій, ни хрустѣнія песчинокъ, ни звѣринаго, ни людскаго голоса. Нилъ сонливо катитъ свои струи. Порой слышатся въ немъ всплески: ихъ производятъ рыбы, либо въ испугѣ отъ врага, либо въ тревогѣ отъ дрожанія свѣта въ водѣ. На небѣ звѣзды ярко блестятъ и отражаются въ пучинѣ.

Одна изъ нихъ поперекъ всего Нила стелетъ свой свѣтъ, словно мостикъ. Господи просвѣти меня темнаго.

6, Четвертокъ.

Еще день проведенъ нами на Египетской водотечи. Не далеко мы ушли, потому что только утромъ часа полтора дулъ попутный намъ вѣтеръ, и тотъ слабый, и потомъ налетѣлъ вѣтеръ противный и тревожилъ насъ до самой ночи. Арабы лямками тянули дагабію лѣниво. Но такой способъ плаванія по здѣшней рѣкѣ весьма неудобенъ: то веревка порвется, и судно подается назадъ; то надобно мель обходить на шестахъ; то порывы вѣтра прибиваютъ дагабію къ крутоярому берегу; то время пропадаетъ при заноскѣ и передачѣ бичевы по судамъ, причаленнымъ къ берегамъ.

Велика злоба настоящаго дня. А знанія пріобрѣтено мало. Припоминаю и отмѣчаю одно произшествіе, случившееся на нашемъ суднѣ. Когда оно было находу; переводчикъ мой Фадлалла свѣсилъ съ его края свои босые ноги, и держалъ ихъ къ водѣ. Лодочники, замѣтивъ это, оговорили его: «Господинъ! попирать воду такъ же грѣшно, какъ

и бросать хлѣбъ въ огонь». Фадлалла тотчасъ поджалъ свои ноги. Какъ ни мелко это произшествіе; но оно доказываетъ, что нынѣшніе Египтяне имѣютъ особенное благоговѣніе къ Нилу, и хотя не признаютъ его божествомъ, какъ ихъ предки, но почитаютъ великимъ даромъ божіимъ наравнѣ съ хлѣбомъ. Замѣчательно это благоговѣйное уваженіе къ природѣ. Человѣку хотя и дана власть надъ нею, но не для того, чтобы онъ безсмысленно попиралъ ее, а чтобы пользовался ею благоразумно, степенно, добродушно, и съ памятованіемъ о Богѣ, который сотворилъ и хранитъ какъ его самого, такъ и ее. Здѣсь къ стати дѣлаю замѣчаніе объ особенности наставленій домашнихъ касательно обращенія нашего съ вещами и тварями, наставленій, которыхъ нѣтъ въ урокахъ школьныхъ. Бывало, мать моя какъ увидитъ, что я роняю на полъ хлѣбныя крошки, тотчасъ образумитъ меня, а въ другой разъ и накажетъ, чтобы голова моя помнила даръ Божій. Отъ учителей же своихъ я не слыхалъ ни слова о обязанностяхъ человѣка къ созданіямъ Божіимъ. Если бы ученіе о семъ предметѣ, послѣ матерьнихъ уроковъ, чаще раскрывалось въ школахъ и храмахъ Божіихъ; то охотники перестали бы убивать самокъ, когда онѣ еще не вывели своихъ птенцовъ, погон-

щики не били бы своихъ лошадей безпощадно, пчеловоды не губили бы чужихъ роевъ брызганьемъ на нихъ смолы и т. д. По невѣжеству не любятъ тварей Божіихъ и поступаютъ съ ними жестоко. За то и онѣ не всегда повинуются человѣку охотно. Въ любви и справедливости кроется тайна легкаго, спокойнаго и благотворнаго властвованія надъ кѣмъ и надъ чѣмъ бы-то ни было.

7, Пятница.

Въ путевую книгу свою я вношу разные узоры природы и человѣческія лики, мысли, чувствованія, вѣрованія и дѣла. Посмотримъ, чѣмъ наполнится сегоднишняя страница этой книги.

Рука моя ноетъ, но пишетъ. Слава Богу! Вѣтеръ противный намъ дуетъ; однако Арабы потихоньку тащатъ пловучій домъ нашъ. Есть надежда быть въ Каирѣ ранѣе часомъ.

Богъ дастъ: будемъ тамъ ранѣе и цѣлымъ днемъ. Ибо дагабія пошла скорѣе боковымъ вѣтромъ.

Приближаемся къ деревнѣ Шерикъ, расположенной на лѣвомъ берегу Нила. Здѣсь мало воды. Одинъ изъ нашихъ судовщиковъ непрестанно измѣряетъ глубь шестомъ, а другой припалъ къ носу дагабіи,

и зорко смотря въ рѣку кричитъ рулевому: направо! налѣво! Онъ видитъ отмели и глуби. Кормчій по его велѣнію правитъ судномъ, и паруса то спускаетъ, то напрягаетъ: онъ весь вниманіе. Другія ладіи сѣли на мель. Быть и нашей въ бѣдѣ!

Въ самомъ дѣлѣ нашъ Россъ съ размаху пробороздилъ своимъ носомъ подводную отмель, и всею кормою сѣлъ на пескѣ. Ни взадъ, ни впередъ! Парусъ спустили и подвязали. Пошла работа. Арабы нагіе поскакали въ воду, и окруживъ корму, начали приподнимать ее своими плечами: а насъ кормчій отослалъ на переднюю часть судна. Поднялась корма: увязъ глубже носъ. Высвободили носъ: загрузла корма. Принялись работать и мы, кто шестомъ, кто весломъ, кто багромъ. Кричимъ, напрягаемся, упираемся всѣ въ одну сторону. Россъ ни съ мѣста! Мы кинули, у кого что было въ рукахъ, и столпились на срединѣ судна; да и лучше сдѣлали, потому что своимъ неумѣніемъ только мѣшали лодочникамъ. Они, отдохнувъ минутъ семь, снова начали приподнимать и двигать дагабію, то съ одного, то съ другаго боку, то спереди, то сзади. А одинъ изъ нихъ побрелъ искать глуби. Но пойдетъ ли онъ вверхъ рѣки: вода ему по колѣна; повернетъ ли внизъ: оступится въ яму и опять выдетъ на мель; обглядитъ ли

рѣку налѣво: теряетъ надежду; осмотрится ли направо: впадаетъ въ раздумье. Между тѣмъ Реисъ велѣлъ мальчику Мухаммеду бросить горсть соли въ огонь правою рукою, а лѣвою воткнуть ножъ въ мачту. Какъ только соль прошипѣла и испарилась; Арабы двинули дагабію съ мѣста и потянули ее за носъ извилинами по слѣдамъ товарища, искавшаго глубокаго русла рѣки. Когда это русло было найдено; они вскочили на палубу и распустили парусъ. Судно побѣжало своимъ путемъ. А ко мнѣ подошелъ переводчикъ и спросилъ: «видѣли ли вы обрядъ, исполненный Мухаммедомъ по приказанію Реиса?» Я отвѣчалъ ему: «видѣлъ. Древній обрядъ! Древнее суевѣріе! Греки-язычники, повергая соль въ огонь въ часъ напасти, испрашивали благословенія и помощи у богини Гекатѣи, которая вмѣстѣ съ богомъ Посидономъ покровительствовала мореплавателямъ. Нашъ Реисъ, конечно, не знаетъ именъ этихъ божествъ; но онъ выполнилъ обрядъ по глухому преданію, дошедшему отъ тѣхъ Греческихъ судовщиковъ, которые нѣкогда плавали здѣсь и чтили сказанныхъ боговъ. Однако этотъ обрядъ послужилъ мнѣ поводомъ къ назидательному размышленію. Я вспомнилъ слова Спасителя, — всякъ огнемъ осолится.— Имѣйте соль въ себѣ (Марк. 9, 49, 50), и думалъ: разныя

прещенія Божіи, какъ то лишенія, скорби, болѣзни, бѣдствія, очищаютъ душу, какъ огонь очищаетъ золото въ горнилѣ, а самоотверженіе предохраняетъ ее отъ порчи, привносимой страстями, какъ соль предохраняетъ все отъ гніенія».

Ровно въ пять часовъ по полудни наша дагабія прошла мимо селенія Тарàне, расположеннаго на лѣвомъ берегу Нила, а въ восемь оставила за собою деревню Бѐни Селя̀ме. Отсюда одинъ день ѣзды до монастырей Нитрійскихъ. Вскорѣ вѣтеръ утихъ; и мы остановились ночевать у деревни Мы̀нсе.

8, Суббота.

Утро туманно. Палуба мокра. По Нилу стелется паръ. Ничего не видать. Подъ этою рѣкою должны быть родники; иначе, какъ объяснить вознагражденіе большаго испаренія воды? Но предположеніе не то, что опытъ.

День выяснился. Вѣтры улетѣли въ другія страны. Арабы веревкою тащатъ дагабію за маковку. Но такъ не далеко уйдетъ она противъ теченія рѣки. Всяко случается и съ нами въ жизни. Иногда летишь орломъ, иногда движешься какъ черепаха. Самая душа наша обнаруживается неодинаково. Въ иной разъ она

сверкаетъ молніею, источаетъ ливни мыслей, или блистаетъ, какъ сѣверное сіяніе, или волнуется какъ грозное море, или крушится отъ противорѣчій несогласимыхъ, отъ тайнъ недоумѣнныхъ, отъ суеты суетъ и помысловъ многихъ. Въ другой разъ въ ней водворяется спокойствіе яснаго неба; возстановляется равновѣсіе всѣхъ силъ ея; тихая вѣра замѣняетъ буйное мудрованіе; благоухаетъ святая молитва; свѣтлѣютъ чистыя созерцанія; предчувствуется сила грядущаго вѣка; ощущается совершенное успокоеніе въ Богѣ. Послѣднее состояніе лучше перваго. А это превосходство доказываетъ, что частица верховнаго блага нашего здѣсь на землѣ есть не взысканіе помысловъ многихъ, а равновѣсіе всѣхъ духовныхъ силъ нашихъ и успокоеніе сердца въ премудрости, волѣ и благодати вѣчнаго Бога.

Мы подвигаемся медленно. Вѣтеръ не дуетъ. Такъ, когда благодать Божія не вѣетъ, душѣ не достигнуть до Рая.

Россъ мой чуть чуть скользитъ по водѣ. Налѣво видно селеніе Гресъ, направо Урда́нъ. Здѣсь, назадъ тому пять лѣтъ, я переправился чрезъ Нилъ, слѣдуя въ Нитрійскіе монастыри. Немного выше Греса нашъ Реисъ за безвѣтріемъ пристalъ къ берегу у деревни Ерга́уй; и мы тутъ ночевали.

9, Воскресеніе.

Вотъ уже пятый день встрѣчаетъ насъ на Нилѣ. Пловцамъ хочется быть и пѣшеходами. Но вѣтры въ здѣшней странѣ, и особенно близъ Каира, такъ своенравны и перемѣнчивы, что въ цѣлый день не проплывешь и десяти верстъ. Мало надежды на вѣтерокъ, который едва тащитъ нашу дагабію. Онъ либо скоро покинетъ ее, либо смѣнится вихремъ. Ибо небо мрачно, и воздухъ тяжелъ. Правая рука моя ноетъ.

Приближался полдень. Мы подходили къ самой вершинѣ Египетской дельты. Каждый изъ насъ желалъ видѣть тутъ развѣтвленіе Нила на два рукава, Розетскій и Даміатскій, и рѣшить вопросъ: отъ чего и какъ эта рѣка раздѣляется надвое. Я даже приказалъ Реису остановиться въ этомъ мѣстѣ. Но какъ уждать бѣду! Съ песчаной пустыни Саккары вдругъ налетѣлъ на насъ страшный вихрь и, прижавъ дагабію къ правому берегу, сталъ сильно безпокоить насъ. Нилъ взволновался. Небо омрачилось. Тучи песку понеслись съ запада и заволокли ясное солнце. Горячій вѣтеръ, какъ пламя изъ печи, обдавалъ насъ и изсушалъ влагу въ глазахъ, ноздряхъ и во рту. Спутники мои не тяготились этимъ явленіемъ, которое давало имъ понятіе объ Африкан-

скомъ горячемъ вѣтрѣ Хамсинѣ. Съ жаднымъ любопытствомъ они наблюдали бурю и порой протирали свои глаза, заслѣпляемые крупнымъ пескомъ. А мнѣ она была не въ диковину. Я скучалъ. Буря на морѣ производитъ страхъ, а на Нилѣ скуку. Нашъ Россъ смирно стоялъ близъ устья Нила, изъ котораго исходятъ двѣ водотечи. Я вперилъ взоръ мой вдаль и сквозь бѣловатый песочный туманъ видѣлъ, у устья, постройки предпринятыя (покойнымъ) пашею. Тутъ поперекъ рѣки водруженъ мостъ на высокихъ сводахъ. Правый берегъ ея облицованъ каменными стѣнами съ нѣсколькими уступами. Мегмету Али присовѣтовали запереть устье Нила воротами для накопленія воды. Сначала сомнѣвались въ твердости матерой земли подъ рѣкою. Но попытка и искуство одолѣли сомнѣніе; и начались работы. Время покажетъ: кто сильнѣе, умъ ли человѣческій, или природа; искуство ли скопитъ воду и будетъ увлажать ею нижній Египетъ, или вода сокрушитъ искуственные ворота и подмоетъ каменныя твердыни.

Подъ вечеръ буря утихла, и подулъ вѣтеръ попутный. Мы распустили свой парусъ, полетѣли и къ ночи прибыли въ Булакъ. Отсюда — полчаса ходьбы до Каира. Сердца наши исполнились радо-

стію. Я, возблагодаривъ Бога, сказалъ своимъ присным: «благополучно прошли мы по водамъ; теперь остается намъ пройти сквозь огонь».

Мы ночевали на Нилѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КАИРѢ.

10, Понедѣльникъ.

Рано утромъ нашъ отецъ діаконъ отправился къ патріарху Іерооею, чтобъ извѣстить его о нашемъ прибытіи, и попросить его благословенія на кратковременное пребываніе въ его епархіи. Его блаженство немедленно прислалъ за мною свою скромную колесницу. Скоро я прибылъ въ его домъ. Онъ принялъ меня, стоя, въ сунодальной горницѣ, которая убрана диваномъ и постлана красивою рогожею, сплетенною изъ мелкаго тростника. Доброта его, радость и прежняя дружба ко мнѣ выражались на свѣтломъ и румяномъ лицѣ его тою улыбкою, которой передать нельзя словами. Я въ веселіи души привѣтствовалъ его такъ: «сладчайше именую васъ блаженнѣйшимъ и лобызаю жертвоприносящую и благодать

источающую десницу вашу». Онъ понялъ мой привѣтъ, и обнявъ меня отвѣчалъ: «да, назадъ тому пять лѣтъ вы знали меня, какъ архимандрита, а теперь видите патріарха. Такъ было угодно Богу». — Мы сѣли. Началась бесѣда наша. Я кратко пересказалъ ему свои путешествія на Синай, въ Валахію и Молдавію, и повѣдалъ, какъ Господь назначилъ мнѣ пребываніе на святомъ Сіонѣ у матери церквей христіанскихъ. Владыка, выслушавъ мое повѣствованіе, сказалъ мнѣ: «а мы совсѣмъ потеряли васъ изъ виду; и ежели доходилъ до насъ слухъ о вашихъ путешествіяхъ, то невѣрный. Намъ говорили, будто вы ѣздили въ Сербію и Болгарію. Не зная вашего мѣстопребыванія, я однажды послалъ къ вамъ письмо мое въ С. Петербургъ, но отвѣта не получилъ». Тутъ я молвилъ ему: «не получили, потому что письмо ваше не попало въ мои руки».

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали: съ Нила прибыли всѣ спутники мои. Я представилъ ихъ его блаженству. Онъ, сидя, благословилъ ихъ и приласкалъ, какъ отецъ родныхъ дѣтей. Его благосклонность и простота въ обращеніи умилила и усладила сердца наши. «Болѣе осьмнадцати вѣковъ владыки Александріи, — подумалъ я, — преемственно поучаютъ людей евангельской любви и подаютъ имъ при-

мѣръ исполненія сей добродѣтели. Итакъ неудивительно, что они умѣютъ любить каждаго, великаго и малаго».

По приказанію патріарха намъ приготовили особые покои противъ западнаго входа въ церковь; и мы, помолившись въ ней и приложившись къ св. образамъ, помѣстились тамъ весьма удобно. На дворѣ было весьма жарко и душно.

Отъ 11-го до 27-го Апрѣля.

Семнадцать дней провели мы въ Каирѣ въ богомольѣ, въ вечернихъ собесѣдованіяхъ съ патріархомъ, и въ занятіяхъ ученыхъ и художественныхъ. По привычкѣ я отмѣчалъ въ особой памятной книжкѣ впечатлѣнія каждаго дня. Но теперь пришла мнѣ мысль измѣнить порядокъ записокъ моихъ и изложить все видѣнное и слышанное не по днямъ, а по родамъ предметовъ; и я описываю, сперва, священные предметы, потомъ бесѣды, и наконецъ наши занятія и прибытки вѣдѣнія.

I. СТАРАЯ ПАТРІАРХІЯ.

Александрійскіе святители до 1839 года жили въ старой патріархіи, находящейся въ части Каира,

называемой Хартъ-эр-румъ. Эта патріархія устроена такъ замысловато, что я, бывъ въ ней два раза, не могъ понять ея чертежа и размѣщенія. Она что-то въ родѣ лабиринта, висячихъ покоевъ и садовъ, и Іосифова колодца, ископаннаго въ крѣпости Каирской. Посмотришь въ одно окно: видишь между двумя высочайшими стѣнами узкое и пустое пространство и одно отверзтіе въ небо. Взглянешь въ другое: представляется садикъ между небомъ и землею. Сѵнодальная горница подъ островерхою крышею безъ потолка, чрезъ слуховыя окна которой проходитъ слабое мерцаніе свѣта, тѣниста и прохладна. По обѣимъ сторонамъ ея одностворныя двери ведутъ въ разныя келліи. Въ одной изъ нихъ было книгохранилище, въ другой жилье владыки, въ третьей спальня его и пр. Въ бытность мою тамъ помѣщалось семейство протонотарія патріаршаго.— Отдѣльно отъ сего зданія, но смѣжно съ нимъ стоитъ малый, узкій и бѣдный храмъ во имя святителя и чудотворца Николая. Въ этой патріархіи Александрійскіе владыки перенесли много скорбей и страданій, но имѣли много и утѣшеній отъ Россійскихъ вѣнценосцевъ, и вознесли много пламенныхъ молитвъ о нихъ къ царю царствующихъ.

II. НОВАЯ ПАТРІАРХІЯ.

Щедротами Благочестивѣйшаго Государя нашего Николая Павловича, содѣйствіемъ и пожертвованіями св. Сѵнода Всероссійскаго, А. Н. Муравьева, Графини Анны Орловой, и православныхъ христіанъ Египетскихъ и иныхъ, устроена новая патріархія *) почти въ средоточіи Каира, и окончена въ 1839 году въ 26 день Ноября, какъ все это видно изъ надписи на мраморной доскѣ у входа въ храмъ ея. Она имѣетъ видъ довольно правильнаго четвероугольника. Среди двора отдѣльно высится велелѣпный храмъ Божій. На сѣверной, западной и южной линіяхъ построены каменныя зданія, гдѣ въ одно жилье, гдѣ въ два, индѣ въ три, для помѣщенія патріарха и его духовенства. Въ владычнихъ покояхъ нѣтъ роскоши, но есть скромное благолѣпіе. Первый просторный покой (съ южной стороны храма) вымощенъ бѣломраморными плитами, кои даютъ весьма пріятный въ Каирѣ холодокъ. Налѣво отъ него находится опрятная столовая комната, а направо пространная горница сѵнодальная. Она украшена живописными ликами патріарховъ

*) Смотри видъ ея.

Александрійскихъ, Митрофана Критопула † 1639, Матѳея † 1766, Ѳеофила † 1825, Іероѳея † 1845 г.— кисти Чернецова, и нынѣ здравствующаго о Господѣ Іероѳея, котораго весьма удачно нарисовалъ карандашемъ Кн. А. Салтыковъ не задолго предъ нашимъ пріѣздомъ въ Каиръ. За сею горницею по прямой лицевой линіи устроены образная и книгохранилище, далѣе же баня. Напротивъ западныхъ дверей храма стоитъ особый домъ въ два жилья. Тутъ помѣщался Ливійскій митрополитъ Каллистратъ. Тутъ же и я провелъ нѣсколько дней въ ученыхъ занятіяхъ. По сѣверной линіи тянется помѣщеніе духовенства, а на восточной нѣтъ ничего, кромѣ высокой ограды. Весь дворъ вымощенъ мелкимъ Родосскимъ камнемъ и кое-гдѣ усаженъ деревами.

III. КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

Въ вышепомянутомъ книгохранилищѣ по списку считается 1877 книгъ печатныхъ, кромѣ латинскихъ, и 287 рукописей. Впрочемъ изъ числа ихъ, по указанію того же списка, утрачено 79 печатныхъ и 19 рукописныхъ книгъ. Замѣчательныя рукописи суть слѣдующія:

1. Митрополита Газскаго Паисія Лигарида о нашемъ патріархѣ Никонѣ и о соборномъ судѣ надъ нимъ.

2. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία.— Церковная исторія, въ листъ, начинающаяся отъ царя Анастасія Дикора. Есть въ ней отдѣльныя статьи о знаменитыхъ мужахъ по вѣкамъ ихъ. Рукопись любопытная! Къ сожалѣнію глазная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ пробѣжать ее.

3. Περὶ Ἀββάδων. — Патерикъ, въ листъ. Въ сей рукописи содержатся изрѣченія преподобныхъ старцовъ, ихъ подвиги и чудеса.

4. Церковное Евангеліе, въ листъ, писанное на бумагѣ іеромонахомъ Веніаминомъ въ 6846 году отъ созданія міра (1338 году по Р. Х.) весьма крупнымъ почеркомъ съ красными знаками надстрочными и подстрочными для правильнаго пѣнія евангелія въ церкви.

5. Γερασίμου τοῦ ταπεινοῦ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας τόμος πέμπτος· ὠνόμασται δὲ ἡ ἱερα αὐτή βίβλος, Τεσσαρακοστάριον. — Герасима смиреннаго патріарха Александрійскаго томъ пятый; а называется эта священная книга, Четыредесятница.

6. Λόγοι ἀποδεικτικοὶ εἰς τὴν ἐνανθρώπησιν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ποιηθέντες παρὰ Γερασίμου ἀρχιεπι-

σκόπου Ἀλεξανδρείας. — Доказательныя слова о воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, сочиненныя Герасимомъ архіепископомъ Александрійскимъ. Всѣхъ словъ 96.

7. Акаѳистъ архангелу Михаилу на Еллинскомъ языкѣ въ двухъ спискахъ, нѣсколько несходныхъ между собою. Въ одномъ спискѣ это твореніе усвояется блаженному Августину епископу Иппонійскому, а по другому числится между духовными пѣснопѣніями и молитвами монаха Геннадія Ѳикарьі; однако ему не приписывается.

8. Συντάγματα ὠφέλιμα τῶν ὁσίων πατέρων.—Сборникъ изъ твореній отеческихъ. Въ немъ между прочимъ помѣщены: литургія ап. Іакова брата Господня, первый и вторый разговоръ магистра Ѳеоріана съ Армянскимъ каѳоликосомъ Нерсесомъ (въ 1172 и 1175 годахъ по Р. Х.) съ письмами царя Мануила и вселенскаго патріарха Михаила къ сему каѳоликосу, и исповѣданіе вѣры Армянъ, которое послано было отъ Нерсеса къ Мануилу съ Ѳеоріаномъ послѣ перваго разговора о вѣрѣ. Пользуясь симъ случаемъ, каѳоликосъ отправилъ къ сему государю въ подарокъ трехъ коней Арабской породы и Мусулàтскіе бранные лу́ки въ знаменіе: «да возсядетъ его величество на кони и да сокрушитъ лу̀ки враговъ своихъ».

IV. ЦЕРКОВЬ ПАТРІАРШАЯ.

Новый храмъ въ Каирской патріархіи освященъ во имя великаго угодника Божія, святителя и чудотворца Николая. Въ немъ водружены три престола. Святые образа мѣстные, писанные въ нашемъ Юрьевскомъ монастырѣ на иждивеніе блаженной памяти Графини Анны Алексѣевны Орловой, замѣчательны яркостію красокъ, прорисованныхъ золотомъ, красотою ликовъ, и выдержкою православнодогматической непреложности иконописанія. Жаль, что они маловаты въ сравненіи съ храмомъ. Надобно подойти къ нимъ близко, чтобы разсмотрѣть на нихъ лики и достоинство живописи. Патріархъ и другіе замѣчали мнѣ, что всѣ лица на образахъ очень румяны. Я отвѣчалъ имъ, что румянецъ есть признакъ чистоты и совершенства людей послѣ побѣды надъ страстями. На правой сторонѣ храма близъ южнаго алтаря погребенъ подъ поломъ маститый патріархъ Іероѳей, скончавшійся о Господѣ въ Сентябрѣ 1845 года. Средину сего свѣтлаго святилища, выстланнаго большими бѣломраморными плитами съ синевою, обозначаютъ восемь деревянныхъ колоннъ (по четыре на сторонѣ). Онѣ поддерживаютъ деревянный потолокъ, устроенный въ видѣ сѣни. Къ нимъ

и ко всѣмъ стѣнамъ приставлены патріаршая каѳедра и деревянныя сѣдалища для мужчинъ. Женщины же молятся вверху въ священномъ бабинцѣ, обрѣшетованомъ съ трехъ сторонъ храма, сѣверной, южной и западной. Отъ этого въ немъ просторно. Вмѣсто паперти служитъ сквозное преддверіе, на столпахъ котораго водружена часть молитвеннаго бабинца.

V. СВЯТЫЯ МОЩИ.

Въ храмѣ покоятся св. мощи въ деревянномъ ковчегѣ, убранномъ снаружи перламутомъ по кости черепахи, имянно, частицы св. Кирилла Александрійскаго, св. Василія Великаго, Григорія епископа Неокесарійскаго, св. Христины, св. ап. Іакова брата Господня, часть главы евангелиста Матѳея, и перстъ ап. Ѳомы. Напрасно кто искалъ бы здѣсь мощей Аѳанасія Великаго и Іоанна Милостиваго. Первые увезены были въ Венецію изъ Царяграда въ 1454 году, и поставлены въ великолѣпной церкви св. Захаріи; вторые перенесены оттуда же и туда же въ 1249 году при Дожѣ Маринѣ Морозини, и покоятся въ храмѣ Предтечи близъ набережной Славянской.

VI. ДРЕВНОСТИ.

Вмѣстѣ съ сими святынями бережливо хранятся малостынныя грамоты Россійскихъ Государей Алексѣя Михаиловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, пожалованные монастырямъ св. Саввы и св. Георгія. посланіе нашего св. Сѵнода къ Александрійскому патріарху Козмѣ 1736 года Августа 10 дня, и два отрывка изъ Греческаго евангелія Марка (гл. IX, ст. 14, 15, 16, 20, 21, 22. гл. X, ст. 23, 24, 29), писанные на тонкомъ и прозрачномъ пергаминѣ, багрянофіолетоваго цвѣта, золотыми прекрасными буквами, похожими на славянскія *). Патріархъ говорилъ мнѣ, что они слывутъ остатками собственноручнаго евангелія Марка, и подаривъ мнѣ два кусочка отъ нихъ на благословеніе и въ память моего двукратнаго богомолья при апостольскомъ престолѣ, выразилъ все это въ данной мнѣ грамотѣ своей. Но по строгомъ изслѣдованіи вида и свойства письменъ въ сихъ отрывкахъ, и по сравненіи ихъ съ другими древнѣйшими рукописями подобнаго рода оказалось, что цѣльное Евангеліе Марка, отъ котораго сохранились только два листочка, было написано въ концѣ пятяго вѣка, и употреблялось при богослуженіи въ

*) Смотри снимки съ нихъ.

праздники. Я думаю, что это Владычнее Евангеліе Александрійскаго патріаршаго престола переписано съ древняго самостоятельнаго дѣеписанія св. апостола и евангелиста Марка.

Кромѣ сего останка священной древности въ патріаршемъ храмѣ обрѣтается цѣльное, рукописное Четвероевангеліе на Греческомъ языкѣ, въ 16-ю долю листа, въ богатомъ переплетѣ съ золотыми досками. Оно писано на бѣломъ пергаминѣ мелкимъ, но разборчивымъ почеркомъ въ 6780 лѣто отъ созданія міра (1272 по Р. Х.). Когда бываютъ крестные ходы кругомъ храма; тогда священники носятъ его на рукахъ по обычаю. Замѣчательно, что и на Синаѣ и на Аѳонѣ рукописныя евангелія, псалтири и прочія книги церковныя, и особенно, писанныя золотомъ, предпочтительно предъ печатными употребляются при богослуженіи въ праздничные и свѣтлые дни. Я вижу въ этомъ обычаѣ восточной церкви благодарственное памятованіе ея о такомъ великомъ дарѣ Божіемъ, каковъ даръ письменъ; вижу способъ увѣренія христоименитаго народа въ томъ, что владычнія, вѣрныя рукописанія ветхаго и новаго завѣта не утрачены и не испорчены, и наконецъ, вижу урокъ намъ чтить древности и хранить ихъ, какъ зѣницы очей.

VII. ОБРЯДЫ.

Каирскіе христіане стоятъ въ храмѣ Божіемъ съ примѣрнымъ благоговѣніемъ и благочиніемъ. Въ недѣлю Ваій насъ умилило прекрасное зрѣлище въ часть литургіи. Во время пѣнія херувимской пѣсни мальчики изъ богатыхъ и бѣдныхъ семей съ ваіями въ рукахъ, испещренными розами и разноцвѣтными лентами висящими, подошли къ сѣвернымъ дверямъ алтаря и тутъ срѣтили Господа, таинственно грядущаго на страданія, и въ облакахъ ѳѵміама и въ заревѣ свѣта горѣвшихъ на ваіяхъ свѣчекъ сопровождали его до царскихъ вратъ чрезъ весь храмъ. Я смотрѣлъ на нихъ сквозь слезы веселія духовнаго и говорилъ про себя: помяни мя Господи во царствіи твоемъ: изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу.

Трогательный обрядъ совершенъ былъ въ нощное бдѣніе на великій Пятокъ. По прочтеніи пяти страстныхъ евангелій начался крестный ходъ изъ алтаря по сѣверной сторонѣ храма. Одинъ іеромонахъ, облаченный въ епитрахиль, несъ въ рукахъ простый запрестольный крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Спасителя, шествуя весьма медленно въ облакахъ ѳѵміама, воскуряемаго отроками,

одѣтыми въ бѣлополотняные стихари съ такимъ же ободомъ вокругъ шеи въ видѣ распущеннаго вѣера, громогласно и весьма протяжно возглашалъ пѣснь церкви о распинаніи Іисуса Христа: Днесь виситъ на древѣ, иже на водахъ землю повѣсивый и проч. «За іеромонахомъ слѣдовали два священника въ ризахъ, неся иконы Богоматери рыдающей и Іоанна Богослова. Крестъ и иконы были водружены среди храма. Началось святое поклоненіе имъ во время чтенія остальныхъ евангелій. Такой обрядъ сильно волновалъ чувства и душу. Тогда были минуты уже не молитвы, а какъ бы сораспинанія со Христомъ и сладчайшаго пріобщенія къ нему вѣрою, любовію и надеждою.

Весьма пріятное и радостное впечатлѣніе произвелъ на насъ обычай метать свѣжія розы и листья древесныя на плащаницу и на христіанъ въ великую Субботу. Во время утрени по окончаніи трогательнаго ублаженія, Достойно есть величати тя, священнодѣйствовавшій патріархъ разсыпалъ свѣжіе листочки розъ по плащаницѣ, очевидно, въ память помазанія Господа, и давъ мнѣ алый цвѣтокъ безъ шиповъ, облобызалъ меня предъ всѣмъ народомъ, и потомъ сталъ на своемъ тронѣ и благословилъ всѣхъ христіанъ розами. Принимая сей подарокъ изъ десницы

отца и архипастыря, они влагали свои лепты въ ковчежецъ клира. Когда пропѣли Слава въ вышнихъ богу; начался ходъ съ плащаницею кругомъ храма. Мужи, жены и дѣти, какъ ласточки Господни, непрестанно рѣяли подъ нею. Радостное чаяніе воскресенія и безсмертія о Господѣ заглушало во всѣхъ печальное чувство смерти. Во время литургіи въ тѣ минуты, когда поютъ, — Воскресни боже, суди земли, три священника въ епитрахиляхъ вышли изъ трехъ алтарей съ иконами и, вторя пѣвцамъ, всюду бросали изъ предносимыхъ корзинъ лимонные, лавровые и розовые листья. Храмъ исполнился благоуханія. Души напоминали себѣ о цвѣтеніи, плодоношеніи, и жизни увядающей и неувядаемой. Тогда же вынесли изъ алтаря хоругвь съ ликомъ Воскресшаго, и водрузили ее у праваго клироса въ виду всѣхъ, въ знаменіе побѣды надъ смертію. На длинномъ воскриліи хоругви видны были бѣлыя и голубыя полосы: знаки оправданія и возведенія насъ грѣшныхъ на небо Воскресшимъ. Поучительно такое сочетаніе прекраснаго съ истиннымъ!

Въ первый день Пасхи во время вечерни патріархъ съ своей каѳедры раздавалъ всѣмъ христіанамъ свѣжія розы. Вручивъ мнѣ первому прекрасный цвѣтокъ безъ шиповъ въ знаменіе торжества церкви

Россійской, онъ облобызалъ меня святымъ лобзаніемъ въ виду всѣхъ вѣрующихъ. Я былъ въ восторгѣ. Ежели тогда въ храмѣ находился кто либо изъ тѣхъ духовныхъ людей, которые, по слову апостола Павла востязуютъ вся; то онъ видѣлъ, какъ въ душѣ моей, скажу съ тѣмъ же апостоломъ, не тѣсно помѣщались всѣ Египетскіе братія мои о Господѣ.

Въ день памяти св. славнаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Марка (25 Апр.), владыка совершалъ божественную литургію въ храмѣ старой патріархіи. Во всю Божію службу на святительской каѳедрѣ стояла икона сего евангелиста, и предъ нею горѣла большая свѣча, какую обыкновенно держатъ предъ архіереемъ. Въ этомъ выражались и смиреніе Александрійскаго владыки, и преданіе о св. евангелистѣ, основавшемъ церковь Христову въ Египтѣ и оросившемъ ее своею драгоцѣнною кровію, и догматическое ученіе о другъ-другопріимательной благодати священства и общеніи святыхъ, торжествующихъ на небѣ, съ нами грѣшными воинствующими на землѣ.

Такими обрядами усладила насъ матерь наша церковь православная. Она есть едина; и одинъ въ ней догматъ, одно и преданіе. Но въ великихъ и малыхъ частяхъ ея, подъ коими я разумѣю церкви

Константинопольскую, Александрійскую, Антіохійскую, Іерусалимскую, Россійскую и проч. языкъ и нѣкоторые обряды богослужебные различны, какъ разно и пѣніе. Всѣ эти части, составляющія едину, святую, соборную и апостольскую церковь, подобны цвѣтамъ, которые существуютъ и развиваются по одному закону растительной жизни, но окрашены разновидно, и издаютъ неодинаковое благовоніе.

VIII. МОНАСТЫРЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ СТАРОМЪ КАИРѢ.

Три дня (13, 14 и 15 Апр.) провелъ я въ монастырѣ св. Георгія, что́ въ старомъ Каирѣ. Эти дни не были потеряны мною. Зданіе монастырское осмотрѣно подробно; видъ его *) нарисованъ спутникомъ моимъ П. А. Соловьевымъ; всѣ надписи прочтены и сняты; св. иконы разсмотрѣны внимательно; наконецъ пребывающій тамъ архидіаконъ Діонисій подарилъ мнѣ два списка съ древняго акаѳиста архангелу Михаилу, и еще списокъ съ одного стариннаго, огромнаго сборника, заключающаго въ себѣ разныя творенія духовнаго содержанія. (Συντάγματα ὠφέλιμα. Смотри выше).

---

*) Смотри видъ на листѣ 5.

Георгіевскій монастырь, частію, сооруженъ на широкомъ основаніи городской стѣны въ уровень съ кирпичною и каменною облицовкою ея, частію, заключается въ круглой каменной башнѣ сей стѣны, и обращенъ лицемъ къ Нилу и къ тремъ большимъ пирамидамъ, кои ясно видны изъ оконъ тамошнихъ патріаршихъ покоевъ. Какъ только войдешь въ ворота монастырскіе, устроенные въ толщѣ той же стѣны: видишь просторный дворъ, на которомъ стоитъ конюшня патріаршая. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по сему двору направо вдоль стѣны городской (она же и монастырская), подходишь къ крытой, каменной лѣстницѣ, ведущей въ помянутую башню. У этой лѣстницы, направо, высоко на стѣнѣ замѣтна часть Арабской надписи, которой, къ сожалѣнію, никто не могъ прочесть мнѣ. Да и едва ли она сообщитъ что-нибудь любопытное, потому что разорвана и полуизглажена. Видно, что тутъ было окно, или углубленіе для постановки чего-либо, слѣдовательно жилье, но какое неизвѣстно. По каменнымъ ступенямъ отлогой и узковатой лѣстницы идешь — идешь вверхъ, и приходишь въ средоточіе башни, освѣщенной окнами со стороны Нила. Тутъ водружены восемь незавидныхъ колоннъ Іоническаго ордена въ видѣ круга. На нихъ положено толстое

дерево составнымъ кольцомъ; надъ деревомъ складенъ рядъ тесаныхъ камней обыкновенной величины, а надъ нимъ выведенъ подъ самый потолокъ рядъ кирпичей такъ же кольцеобразно. За колоннами можно ходить свободно. Въ срединѣ сего осмикружія устроена малая систерна для воды. Когда тутъ остановишься; увидишь между каждою парою колоннъ дугообразныя двери, кои ведутъ въ кладовыя клѣти. Въ одной изъ нихъ держатъ толстую желѣзную цѣпь для привязи изступленныхъ. Надписей нигдѣ нѣтъ. Изъ этого мѣста одна лѣстница ведетъ въ низъ башни, сперва, въ совершенно подобное осмикружіе съ колоннами, устроенное подъ первымъ, но темное, потомъ въ подземелье, а другая ведетъ вверхъ и приводитъ на площадку, кругомъ которой въ башнѣ же устроены келліи. Оттуда поднимаешься еще выше, и встрѣчаешь подобныя же келліи, а отсюда еще выше, и приходишь подъ кровлю, полуоткрытую наклонно въ Египетскомъ вкусѣ, и сворачиваешь въ патріаршіе покои, кои уже не въ башнѣ находятся, а пристроены къ ней съ боку, такъ что основаніе ихъ положено на городской стѣнѣ.

Итакъ монастырская башня, которой средоточіе состоитъ изъ двухъ колоннадныхъ осмикружій, одно надъ другимъ, имѣетъ шесть ярусовъ. Нѣкогда она

была или колокольнею, или вѣроятнѣе пуреемъ, т. е. огнищемъ, въ которомъ курился неугасимый огонь *).

Въ самомъ нижнемъ ярусѣ ничего нѣтъ. Тутъ вожатый разсказывалъ мнѣ, какъ одинъ искатель кладовъ однажды въ полночь спустился въ это подземелье, чтобы сторожить появленіе огонька, имѣющаго означить мѣсто утаеннаго сокровища, и чего-то испугался, такъ что едва не лишился языка, и едва вышелъ оттуда. Въ этомъ подземельѣ появляется вода во время разлитія Нила.

Во второмъ темномъ ярусѣ стоитъ круглая колонада, заложенная кирпичами для поддержки верхней части башни.

Въ третьемъ находится такая же колоннада съ систерною и кладовыми клѣтями.

Въ четвертомъ расположены келліи. Тутъ къ башнѣ примыкаетъ церковь св. Георгія съ придѣломъ и часовенкою въ немъ.

Въ пятомъ ярусѣ размѣщены келліи также въ башнѣ.

---

*) Старо-Каирская крѣпость называется по арабски Кáсперъ-ел-Шéмаа, т. е. крѣпость свѣта. По мнѣнію ученыхъ, и особенно Іакова Голія, въ ней былъ Πυρεῖον, огнище. (Historia patriar. Alexandr. Iacobit. Parisiis. 1713).

Въ шестомъ высятся покои владыки.

Когда выйдешь за монастырь и смотришь на него, ставъ противъ городской стѣны; то видишь красную башню съ рѣшетчатыми окнами и съ доксатами, т. е. висячими полукомнатками, прикрѣпленными къ ней на подобіе воскрылій (балконовъ) на деревянныхъ откосныхъ подставкахъ. По лѣвую сторону башни, но смѣжно съ нею, красуется новый, бѣлый домъ патріаршій на городской стѣнѣ. Въ немъ видны три жилья съ окнами. Лѣвѣе сего зданія на той же стѣнѣ водружены еще два домика въ одно жилье. Вотъ весь монастырь. Это необыкновенно вычурное строеніе столько же мудрено описывать и рисовать, сколько трудно обозрѣвать. Какимъ образомъ монастырь очутился въ крѣпостной башнѣ, или въ пуреѣ, и на городской стѣнѣ, строенной еще Персами, что тутъ было, и кто тутъ жилъ до монаховъ: незнаю.

Неизвѣстно мнѣ и время построенія Георгіевскаго монастыря. Я спрашивалъ объ этомъ мѣстныхъ жителей, но они отозвались невѣдѣніемъ; пыталъ камни и колонны, но ихъ теска и постановка увѣрили меня только въ томъ, что зданіе когда-то построено было Греками; перелистывалъ лѣтопись Александрійскаго патріарха Евтихія и сказаніе Про-

копія о зданіяхъ времени Іустиніана I, и закрылъ ихъ, не нашедши того, чего искалъ. Первое письменное свидѣтельство о семъ монастырѣ открыто было мною въ деревянной часовенкѣ, устроенной подлѣ придѣла св. Димитрія, у иконы св. Георгія, изображенной на стѣнѣ. Тутъ надпись гласитъ, что эта икона была написана по молитвенному желанію Александрійскаго патріарха Іоакима въ 7009 году отъ Адама, или въ 1501-мъ по Р. Х. Итакъ монастырь уже существовалъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ. По надписямъ на иконахъ и по милостынным грамотамъ нашихъ Государей, жалованным ему, я составилъ краткую лѣтопись его. Но она помѣщена въ особомъ сочиненіи моемъ. Въ этой же путевой книгѣ я записываю только то, что видѣлъ, или слышалъ въ настоящее время: а для давноминувшаго у меня есть другой свитокъ.

Монастырь св. Георгія обновленъ былъ въ 1779 году стараніемъ игумена Аѳима и иждивеніемъ Кyръ Антонія священника. А церковь въ немъ съ основанія перестроена была блаженнѣйшимъ папою и патріархомъ Александрійскимъ Парѳеніемъ Пако́стою въ 1799 лѣто Господне. Она не велика и узка, но довольно благолѣпна. Мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери писаны іеромонахомъ Іереміею Кри-

тяниномъ въ 1612 году, тѣмъ самымъ, который писалъ подобные образа и въ Синайской обители. Подъ этими иконами весь ярусъ убранъ синими изразцами. Полъ въ церкви выстланъ мраморными плитами. Къ сѣверной сторонѣ алтаря ея пристроенъ малый придѣлъ во имя св. великомученика Димитрія. Въ этомъ же сѣверномъ отдѣленіи сооружена деревянная часовенка, украшенная позлащенною рѣзьбою *). Какъ только войдешь въ нее; увидишь древнюю чудотворную икону св. Георгія. Она очень мала, и помѣщена на рѣшеткѣ, за которою сдѣлано углубленіе въ каменной стѣнѣ съ мраморнымъ подлокотникомъ. Въ этомъ углубленіи, служившемъ нѣкогда вмѣсто престола, на стѣнѣ изображенъ св. Георгій, безъ коня, патріархомъ Іоакимомъ въ 1501 году. Говорятъ, что подъ упомянутымъ подлокотникомъ скрыта часть мощей великаго страстотерпца и побѣдоносца. Подлѣ часовенки стоитъ мраморная колонна, поддерживающая молитвенный бабинецъ. Къ ней прибита длинная цѣпь желѣзная съ кольцомъ, которое обыкновенно надѣваютъ на шею изступленныхъ и сумасшедшихъ. Недавно такимъ образомъ исцѣлена была одна дѣвица изъ Суэса.

*) Смотри видъ ея.

Потомъ она вышла замужъ, и по нынѣ здорова. При мнѣ (14 Апр.) одинъ умалишенный Армянинъ сидѣлъ мрачно въ этой цѣпи, а на другой день уже ходилъ весело. Св. побѣдоносецъ помиловалъ его.

Въ Георгіевскомъ монастырѣ есть двѣ замѣчательныя, старинныя иконы Божіей матери, 1) скороуслышной и 2) препѣтой пѣснопѣвцами Козмою, Іосифомъ, Ѳеофаномъ, Ѳеодоромъ Студитомъ и другими. Скороуслышная изображена во весь ростъ на длинной деревянной доскѣ. На правой рукѣ она держитъ предвѣчнаго Младенца, а лѣвую приложила къ своимъ персямъ въ молитвенномъ благоговѣніи. Еммануилъ не много отклонился назадъ всею верхнею половиною тѣла, и зритъ судьбы міра, которыхъ знаменіемъ служитъ полураскрытая книга въ рукахъ его. Очевидно, пресвятая Дѣва и Матерь умоляетъ Сына своего сочетать правду съ милостію къ людямъ, просящимъ ея ходатайства *). Препѣтая же, Богоизбранная отроковица написана, въ верхней части иконы, въ кружкѣ среди сѣннолиственныхъ вѣтвей дерева, означающаго Іессея, отъ котораго она происходила. Внизу изображены помянутые пѣснопѣвцы. Почти всѣ они смотрятъ на нее въ

*) Смотри рисунокъ сей иконы.

восторженномъ состояніи; и у каждаго въ рукахъ есть свитокъ съ пѣснопѣніемъ его; напр: у Козмы читается ирмосъ — Жезлъ изъ корене Іессеева, — у Ѳеодора Студита стихира, — О чудесе новаго всѣхъ древнихъ чудесъ. Весьма замѣчательно ихъ одѣяніе. Кукули у нихъ безъ камилавокъ, мантіи, либо фелони, съ прорѣзами для рукъ *).

Въ обители св. Георгія, какъ въ богадѣльнѣ, укрываются и получаютъ пропитаніе вдовы, сироты и убогіе обоего пола. Монашествующихъ въ ней нѣтъ, кромѣ одного архидіакона Діонисія. Такъ какъ въ нашъ вѣкъ жили тамъ сами патріархи; то игуменовъ не было. Монастырская церковь есть вмѣстѣ и приходская. Теперь въ ней служитъ женатый священникъ о. Константинъ. Онъ содержится жалованьемъ патріарха.

IX. КЛАДБИЩЕ ВЪ СТАРОМЪ КАИРѢ.

Недалеко отъ Георгіевской обители находится кладбище православныхъ христіанъ съ храмомъ въ память успенія Божіей матери. Оно ограждено каменною стѣною высокою. Стихомѣрная надпись надъ

*) Смотри изображенія ихъ.

храмомъ гласитъ: «что, древле на мѣстѣ его стоялъ «бѣдный домъ, въ которомъ скрывался Христосъ «младенецъ отъ гоненія Ирода, и что цари создали «тутъ всечестный храмъ, въ которомъ всякой вѣ- «рующій исполнялъ свои обязанности въ отношеніи «къ Создателю своему. Но время, этотъ великомощ- «ный разрушитель всего земнаго, обратило и его въ «кучу развалинъ. Однако священная ревность Іеро- «ѳея, славнаго архипастыря Египтянъ, опять возд- «вигла его своими и посторонними средствами, и «прилежнымъ стараніемъ тезоименитаго ему архи- «мандрита». — Надпись заключена воззваніемъ: «Ты «убо странникъ, празднуя успеніе дѣвоматери, мо- «лись о здателяхъ и радуйся о господѣ. 1832 года «апрѣля 15». — Коптскіе христіане показываютъ въ томъ же городѣ другое убѣжище пресвятой Дѣвы Маріи и Богомладенца Іисуса, имянно, пещеру въ Успенской церкви своего монастыря. Но трудно вѣрить ихъ показанію. Вышеописанное преданіе православныхъ пріемлется охотнѣе, какъ потому, что Греческимъ царямъ отъ Александрійскихъ святителей извѣстно было истинное мѣсто пребыванія Господа Іисуса и пречистой матери его въ Египтѣ, такъ и потому, что оно назначается въ домѣ, а не въ пещерѣ, въ которую вливается вода Нила. Итакъ

Успенскій храмъ стоитъ на мѣстѣ священномъ. Тамъ жила Божія матерь. Тамъ исполнилось пророченіе Осіи: изъ Египта воззвахъ Сына моего (XI, 1.).

Сей храмъ построенъ въ видѣ продолговатаго дома безъ купола *). Восемь колоннъ поддерживаютъ сквозное преддверіе его. Внутренность же распредѣлена на три части десятью подобными круглыми столпами, по пяти на каждой сторонѣ. Въ немъ свѣтло и отрадно. Всѣ иконы писаны на св. горѣ Аѳонской въ 1833 году на иждивеніе патріарха Іероѳея. Тутъ я возблагорилъ Господа Іисуса, сподобившаго меня видѣть мѣсто пребыванія Его въ Египтѣ, и молилъ Его сдѣлать меня младенцемъ на злое, даровать мнѣ благодушіе и терпѣніе во всякихъ напастяхъ, благословить странствія мои, и воззвать изъ міра сего, изъ этого Египта, въ царство небесное, когда умретъ во мнѣ ветхій человѣкъ, этотъ Иродъ богопротивный.

Подлѣ сего храма на просторномъ дворѣ размѣщены могилы. Нѣкоторыя изъ нихъ покрыты мраморными плитами. Самый старый надгробный памятникъ — 1758 года. Нынѣшній патріархъ разсказывалъ мнѣ, что, когда начали рыть колодецъ на этомъ кладбищѣ, нашли древніе гробы и въ нихъ

*) Смотри видъ его.

постели, одѣяла, и разныя вещи, и все это сожгли; нашли такъ же ковчежецъ съ 120 золотыми магометанскими монетами. Онѣ представлены были Мегмету-Али пашѣ, который и далъ за нихъ 5000 Египетскихъ піастровъ. Этими деньгами окупилась работа колодца.

X. БЕСѢДЫ СЪ ПАТРІАРХОМЪ.

Патріархъ Іероѳей почти ежедневно бесѣдовалъ со мною по закатѣ солнца, когда отрадная прохлада вечера смѣняла томительный зной дня. О многихъ предметахъ говорено было. Но не всякое слово въ строку!

О покойномъ предшественникѣ своемъ Іероѳеѣ владыка повѣдалъ мнѣ, что онъ былъ сперва Зитунійскимъ епископомъ въ Ѳессаліи, гдѣ и родился въ Клиновѣ Ларисскомъ, потомъ митрополитомъ Паронаксосскимъ, послѣ Никейскимъ, и наконецъ возведенъ былъ на апостольскій престолъ Александріи въ 1825 году Октября 29 дня, и управлялъ Египетскою церковію въ теченіи двадцати лѣтъ. Онъ любилъ келейное уединеніе; послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Каирскомъ монастырѣ св. Георгія въ безмолвіи и непрестанной молитвѣ, и въ Сентябрѣ

мѣсяцѣ 1845 года тихо угасъ, какъ догорѣвшій свѣтильникъ.

По блаженномъ успеніи его владыка не вдругъ сдѣлался патріархомъ. Высокій санъ достался ему послѣ многихъ препятствій. И о нихъ была у насъ рѣчь.

Онъ говорилъ, что христіане единодушно избрали его на святительство. Болѣе 840 именныхъ печатей скрѣпили дѣло объ избраніи его, которое утверждено было и Мегметомъ Али, и сообщено въ Константинополь. Когда же оттуда пришло извѣстіе о томъ, что тамошнія власти самопроизвольно назначили въ Каиръ Кюстендильскаго митрополита Артемія; Али паша не хотѣлъ и слышать о немъ, а клиръ и народъ не воспоминали его въ молитвахъ, рѣшились отстоять свое право свободнаго избранія владыкъ своихъ, и составивъ защитительное дѣло, послали оное къ патріархамъ, Цареградскому, Антіохійскому и Іерусалимскому. Въ немъ между прочимъ поставлено было на видъ, что Александрійскіе святители сами постоянно назначали себѣ преемниковъ съ согласія духовенства и христіанъ; такъ, стошестнадцатилѣтній Іоакимъ назначилъ своего архидіакона Сильвестра (въ 1565 году), сей своего протосингелла Мелетія Пига (1586 г), этотъ — архи-

мандрита своего престола Кирилла Лукариса (1603 год.), и такъ далѣе до Герасима, скончавшагося въ 1786 году. Тогда Акрскій паша Джеззаръ Хассанъ воевалъ съ повелителями Египта, Мамелюками Ибрагимомъ и Муратомъ. Этою войною и смутами воспользовался Цареградскій патріархъ Прокопій, и возвелъ на вдовствующую каѳедру Александрійскую протосингелла великой церкви Парѳенія (1787 год.). Такимъ образомъ обстоятельства однажды измѣнили обычай. Но и сей владыка оставилъ по себѣ преемникомъ племянника своего Ливійскаго митрополита Ѳеофила (1805 г.), а на его мѣсто присланъ былъ изъ Константинополя Никейскій митрополитъ Іерѳей (1825 г.), однако по просьбѣ Египетскаго клира и народа.

Я разсказалъ его блаженству, какъ соперникъ его Артемій искалъ моего знакомства и желалъ знать мое мнѣніе о законности, или незаконности его назначенія. Разсказъ мой усладилъ владыку. Кстати мы оба припомнили, какъ вселенскій патріархъ Анѳимъ представлялся Мегмету-Али пашѣ въ бытность сего сатрапа въ Константинополѣ въ Іюлѣ 1846 года, и какъ его заставили ничего не говорить его свѣтлости о назначенномъ въ Александрію Артеміи, потому что сей паша не хотѣлъ признать его владыкою

своихъ подданныхъ Грековъ. Кстати я примолвилъ, что мнѣ тогдаже извѣстно было рѣшеніе великой церкви: понудить Артемія подать отрѣченіе отъ Александрійскаго престола, и возвратить ему прежнюю епархію съ правомъ именоваться и подписываться бывшимъ патріархомъ великаго града Александріи. «Какъ рѣшено, такъ и сдѣлано»; сказалъ мнѣ собесѣдникъ и присовокупилъ, что самъ онъ посвященъ былъ въ санъ архіерейскій и провозглашенъ патріархомъ въ 1847 году, въ недѣлю Самаряныни; а посвящали его Смирнскій митрополитъ Аѳанасій, Бейрутскій архіепископъ Веніаминъ и Севастійскій архіепископъ Ѳаддей.

Въ другой разъ его блаженство повѣдалъ мнѣ, что Александрійскій престолъ содержится доходами съ имѣній монастырей, Златарскаго въ Букарестѣ и Ильинскаго Ханку въ Молдавіи, съ наемныхъ домовъ, принадлежащихъ сему престолу въ Каирѣ, и съ подворья на островѣ Критѣ въ Іерапетрской епархіи.

Изъ устъ владыки неоднократно лились сладкія рѣчи о томъ, что Каирская патріархія обязана своимъ благосостояніемъ Россійскимъ вѣнценосцамъ. Государь Алексій Михаиловичъ облагодѣтельствовалъ ее при патріархѣ Паисіи. Державные сыны его Іоаннъ и Петръ помогали ей своими щедротами. Съ

1781 года по 1834 получены были изъ Россіи милостынные деньги по Палестинскому штату, и кромѣ того пожалованы 100,000 піастровъ.

Отъ его блаженства я слышалъ, что постройка новой патріархіи съ храмомъ и училищемъ стоила 450,000 піастровъ (около 26,000 р. сер.). При расчищеніи мѣста подъ эти зданія найдены были христіанскіе гробы. Но кладбища тутъ никогда не было, хотя и стояла малая церковь во имя св. Николая. Обрѣтеніе этихъ гробовъ патріархъ объяснилъ мнѣ древнимъ обычаемъ потомковъ Мисраима похоронять мертвыхъ въ домахъ; каковый обычай продолжался до преобразованія Египта Мегметомъ Али, который приказалъ погребать всѣ тѣла за городомъ. Кстати я припомнилъ владыкѣ, что Египтяне до рождества Христова не всѣхъ покойниковъ клали въ погребальныя пещеры, ископанныя въ горахъ, а многихъ въ видѣ мумій держали въ домахъ своихъ. Тоже было и послѣ введенія христіанства. Св. Антоній великій возставалъ противъ сего обычая, и совѣтовалъ христіанамъ предавать покойниковъ землѣ по подобію погребенія Спасителя. Совѣтъ его былъ принятъ. Перестали дѣлать муміи, но, какъ видно, все-таки продолжали хоронить мертвецовъ въ землѣ при домахъ своихъ.

Народы весьма долго сохраняютъ свои старинные обычаи, и особенно тѣ, которые основаны на понятіяхъ, имѣющихъ связь съ вѣрованіями. Коренные жители Египта, такъ называемые Копты христіане, по словамъ патріарха, до сихъ поръ одѣваютъ своихъ покойниковъ въ самыя лучшія одежды, и кладутъ въ ихъ могилы водку, деньги, курительную трубку и другія вещи. Тоже дѣлали въ старину и нѣкоторые изъ православныхъ. Но блаженной памяти патріархъ Іероѳей то увѣщаніями, то духовными прещеніями успѣлъ искоренить этотъ суевѣрный и убыточный обычай. Такимъ же образомъ уничтожено было имъ и другое языческое обыкновеніе, закалать овцу послѣ вѣнчанія жениха и невѣсты, и класть ее у порога ихъ дома, такъ что они должны перешагнуть чрезъ эту еще трепещущую жертву стараго предразсудка.

Нынѣшніе Египтяне гонятъ водку изъ пшеничной соломы. Я отвѣдывалъ ее. Годное зелie! Достойно замѣчанія ихъ наблюденіе надъ временемъ болѣзней. Однажды они говорили мнѣ, что всякій повальный недугъ, и даже чума въ Египтѣ, усиливается или ослабѣваетъ постепенно съ 9 Марта по 24 день Іюня, и съ этого дня совсѣмъ прекращается, такъ что люди, прикасаясь къ зараженнымъ вещамъ,

ASHMOLEAN OXFORD MUSEUM

остаются невредимы. Если приписать это явленіе дѣйствію жара, который съ Іюня увеличивается тамъ въ сорокъ степеней; то въ карантинахъ можно бы очищать вещи вмѣсто окуриванія сильнѣйшимъ жаромъ.

XI. ЗАНЯТІЯ НАШИ.

Пребываніе наше въ Каирѣ было сколько пріятно, столько и полезно. Всѣ мы, подобно пчеламъ, вырабатывали тамъ сотъ, болѣе или менѣе благовонный, смотря по качествамъ цвѣтовъ, нами находимыхъ. Г. Соловьевъ рисовалъ разные виды и дѣлалъ снимки съ иконъ, портретовъ и картинъ древнихъ; прочіе по моимъ указаніямъ переписывали любопытныя статьи изъ Греческихъ рукописей; и я прилежно работалъ перомъ. Любопытство и любознательность побуждали меня заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ рукописей, хранящихся въ патріаршей библіотекѣ, не смотря на то, что ихъ названія въ спискѣ не обѣщали богатой жатвы. Ибо не рѣдко случалось мнѣ находить въ стародавнихъ книгахъ непечатныхъ вставленные сборники, и современныя замѣтки о чрезвычайныхъ явленіяхъ въ природѣ и объ историческихъ событіяхъ, подобно тому какъ

въ заброшенныхъ и давно забытыхъ колыбеляхъ иногда обрѣтаютъ дорогіе кресты, или запонки, или деньги на зубокъ, подаренные младенцамъ и родильницамъ кресными, родными и сосѣдами. Но къ сожалѣнію отъ несноснаго жара и удушья лѣвый глазъ мой налился кровію; и я принужденъ былъ ограничиться разсмотрѣніемъ лишь трехъ любопытныхъ рукописей, имянно: проповѣдей Александрійскаго патріарха Герасима, упокоившагося на св. горѣ Аѳонской въ 1710 году и тамъ скончавшагося, пространныхъ записокъ Газскаго митрополита Паисія Лигарида, о низложеніи нашего патріарха Никона, и акаѳиста архангелу Михаилу.

Когда принесли въ мою келью эти книги, и когда я развернулъ проповѣди Герасима, написанныя самымъ мелкимъ и малоразборчивымъ почеркомъ Греческимъ на длинныхъ листахъ; у меня зарябило въ глазахъ. Оказалось, что не съ моимъ слабымъ зрѣніемъ можно прочесть и оцѣнить всѣ поученія его. Однако сильная жажда знанія мучила меня. Надлежало утолить ее хотя не много; и я прочелъ нѣсколько словъ, кои по оглавленію показались мнѣ достойными вниманія. Патріархъ Герасимъ—не витія, а схоластикъ, который дробитъ понятія и выражаетъ ихъ сухо и безцвѣтно; напр. вмѣсто того,

чтобы просто сказать, въ чемъ состоитъ покаяніе, онъ предварительно толкуетъ о томъ, что́ есть подлежащее: ὑπεκείμενον. — «Подлежащее астрономіи есть звѣздное небо. Подлежащее искуства строительнаго есть дерево. Подлежащее покаянія есть сокрушеніе о грѣхахъ». Въ началѣ втораго слова говорится, что фарисей и мытарь не походятъ на Фареса и Зару близнецовъ. Такія рѣчи утомительны. Въ проповѣдяхъ Герасима замѣтно направленіе къ иносказаніямъ.

Несравненно занимательнѣе показались мнѣ современные записки Паисія о нашемъ патріархѣ Никонѣ. Чѣмъ болѣе я читалъ ихъ, тѣмъ болѣе разгаралось во мнѣ любопытство. Ибо событія, совершившіяся въ то время въ нашей церкви, представлялись мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Не смотря на огромность рукописи, я жадно прочелъ ее отъ доски до доски, и поручилъ іеродіакону выписать изъ нея многое новое для меня. Не помѣщаю здѣсь ни этихъ извлеченій, ни своего мнѣнія о запискахъ Паисія, потому что надѣюсь перевести и изложить все это въ особомъ сочиненіи, по возвращеніи въ св. градъ Іерусалимъ.

Чтеніе акаѳиста архангелу Михаилу произвело въ душѣ моей то сладчайшее умиленіе, какое обык-

новенно чувствуется при слышаніи изящныхъ пѣснопѣній нашей церкви. Въ этомъ твореніи есть красоты мысли, чувства и сло́ва, дивныя, увлекательныя. Архангелъ божій привѣтствуется самыми лучшими обрадованіями, какія есть въ языкѣ человѣческомъ, и какія согласны съ догматическими и историческими понятіями о немъ. Достойно воспѣты его совершенства и слава на небѣ, и его дѣйствія въ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной.

На небѣ архангелъ Михаилъ,—говоримъ словами акаѳиста,—есть отблескъ и сіяніе свѣта нераздѣльнаго, таинство божіей мудрости, созерцатель озареній божіихъ, скинія сугубая и недоумѣнная, вседобрая красота воинствъ небесныхъ, веселіе храма небеснаго, скиптроносецъ и совокупитель ликовъ ангельскихъ, духъ, гремящій согласно съ серафимами трисвятую пѣснь *). Сей чиноначальникъ, видя сатану, съ небесъ сверженна и неудержимо летяща, и ангеловъ естество подвигшееся и колеблющееся, рекъ: станемъ во страхѣ боговѣдѣнія.

Чтобы понять смыслъ всѣхъ этихъ изрѣченій, надобно вспомнить то, что говоритъ св. Діонисій Ареопагитъ объ архангелахъ. (Гл. IX). По его тай-

*) т. е. святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ.

нозрѣнію «священный чинъ ихъ составляетъ іерар-«хическую средину, въ которой самые вышніе и «самые нижніе лики соединяются стройно. Въ са-«момъ дѣлѣ онъ имѣетъ нѣчто общее, какъ съ господ-«ствами, такъ и съ ангелами. Наравнѣ съ тѣми онъ «погруженъ въ пресущественное Начало всѣхъ бы-«тій, и стремится быть подобнымъ ему, ангеловъ же «содержитъ въ единствѣ невидимою силою власти «мудрой и правой; а наравнѣ съ сими исполняетъ «служеніе посольства, и пріемля отъ высшихъ Силъ «умныхъ свѣтъ, до него доходящій, передаетъ его «съ божественною любовію сперва ангеламъ, а по-«томъ людямъ, смотря по ихъ пріемлемости». Послѣ сего понятно, почему архангелъ Михаилъ названъ въ акаѳистѣ скиніею сугубою.

По тайнозрѣнію ареопагита, архангелу Михаилу порученъ народъ Іудейскій. Эта мысль развивается и въ акаѳистѣ. Въ семъ пѣснопѣніи Михаилъ именуется стражемъ племени Іудейскаго, начальникомъ народа подзаконнаго. Когда Авраамъ поднялъ ножъ, чтобы заклать сущаго отъ чреслъ его; тогда удержанъ былъ гласомъ сего ангела. Когда Господь услышалъ рыданіе Измаила; послалъ къ Агари Михаила, и онъ показалъ ей источникъ и утолилъ жажду сына ея, распаленнаго пламенемъ оной, и

подобно былію долу преклоншагося. Сей архангелъ водрузилъ горѣ основаніе лѣствицы Іаковлевой. Его, какъ богопутеводный столпъ, зрѣли древле истинные Израильтяне, и свѣту и блистанію его послѣдуя, изъ египетскаго рабства и чермной пучины избавились. Онъ, какъ провозвѣстникъ свѣтоносенъ, громогласенъ, великій, явился Валааму и воззвалъ къ нему: не дерзай прокляти израиля, и пророцы пришествіе Господне. Свѣтлѣлъ нѣкогда у воды Гедеоновъ малый полкъ: воинство же Мадіама было многочисленно. Но Богъ, свыше видя триста воевъ, Михаила послалъ имъ посѣщи врага. Сей архангелъ остріемъ жезла извлекъ огонь изъ камня, на который Маноэ возложилъ жертву Богу Израилеву. Онъ ночью поразилъ Ассиріянъ, и сокрушилъ Сеннахирима. Имъ спасены отроки въ пещи Вавилонской.

Посему творецъ акаѳиста привѣтствовалъ его:

Радуйся сохраненіе младенцевъ напаствуемыхъ.

Радуйся, побѣдная знаменія вѣрнымъ воздвизаяй.

Радуйся трубо, наводящая страхъ бранный.

Радуйся мечу, посѣкающій полчища нечестивыхъ.

Радуйся необоримое забрало воевъ православныхъ.

Радуйся царствія нерушимая стѣно.

Въ ветхозавѣтной церкви архангелъ Михаилъ дѣйствовалъ, какъ стражъ и грозный поборникъ ея. Въ церкви же новозавѣтной отъ него исходятъ блага духовныя. Имя его страшно бѣсамъ. Онъ есть противоборникъ хитреца злобы, и заступникъ труждаемыхъ отъ него. Онъ отженяетъ ужасы ночи и возвѣщаетъ веселіе разсвѣта. Имъ угашается распаленіе похотей. Отъ него бываетъ обличеніе и трезвѣніе многихъ согрѣшающихъ. Онъ есть предстатель душъ и заря, просвѣщающая ихъ духовными лучами. Онъ открываетъ человѣкамъ небесная, источаетъ струи мудрости, содѣйствуетъ ихъ подвигамъ, наставляетъ цѣломудрію. Онъ есть надежда безнадежныхъ, врачеваніе злѣ страждущихъ и немощныхъ отъ мѣсяца (лунатиковъ), податель благодушія, сладость скорбящихъ, утѣшеніе труждающихся, заступникъ вдовицъ, крѣпость пастырей, укорененіе царей благочестивыхъ, столпъ благозаконія, крѣпость единомыслія, попраніе гордыхъ. Онъ умоляетъ судію праведнаго. Онъ умаляетъ мракъ тартара.

Такое воззрѣніе на дѣйствія архангела Божія въ новозавѣтной церкви производило въ пѣснопѣвцѣ умилительныя чувствованія, привѣтствія и мольбы; напр:

Радуйся свѣтлый перле господень.

Радуйся надеждо милосердія божія.

Радуйся кладезю, благодать источающій.

Радуйся лампадо, безъ огня освѣщающая.

Радуйся лучю, безъ жженія озаряющій.

Радуйся міру возлюбленный кріне, исполнь таинственнаго благовонія.

Радуйся неувядаемый цвѣте богоугоднаго благочестія.

Радуйся чистое измовеніе хитона душъ.

Радуйся подвигу души содѣйствіе.

Радуйся, яко человѣки ангелоподобны твориши.

Радуйся украшеніе всѣхъ и спасеніе.

Радуйся вѣры утвержденіе и храмовъ красото.

Радуйся вожделѣнная похвало церкве.

Радуйся поточе веселія рода христіанскаго.

Бурю многообразныхъ помышленій усиливая множествомъ многихъ моихъ грѣхопаденій, изъ ковчега души моея яко голубя ти зрю, всесвѣтле, и волненія отишіе провижу: видя же крилѣ твои, яко крилѣ духа свята, взываю, аллилуія.

Чуждъ сый всякаго благодѣланія, не имамъ надежды спасенія. Сего ради бѣднѣ припадая къ тебѣ вопію: михаиле первоангеле господень спаси мя, и вразуми съ тобою пѣти, аллилуія.

Спаси святе всѣхъ отъ всякія нужды, прибѣгаю-

щихъ подъ кровъ твой божественный и свѣтоносный и красный и преславный. Можеши бо, яко первоангелъ божій, крѣпостію твоею спасати съ любовію вопіющихъ тебѣ, аллилуія.

Кто, яко же ты, чиноначальниче, зрится помогаяй въ нуждѣхъ? Сущіи бо въ пучинѣ золъ, внегда тя призываютъ, имутъ тя скора и благосердна помощника.

Всякое смертныхъ пѣснопѣніе недовольно къ похваленію множества многихъ чудесъ твоихъ, чиноначальниче. Аще принесемъ ти, михаиле святе, немолчныя псалмы и пѣсни; ничтоже сотворимъ достойно тѣхъ, яже подаеши вопіющимъ, аллилуія.

Радуется всякое сердце, предстателю господень, егда празднество твое совершается.

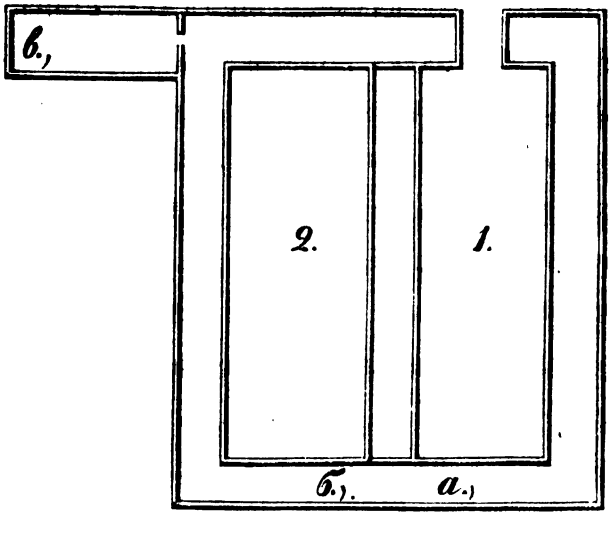
О, первоангеле божій, первостоятелю чиновъ огненныхъ, красото очесъ моихъ благолѣпнѣйшая, вонми пѣнію моему умиленному, и отъ всякія напасти избави мя, яко тебе взяхъ предстателя души моея, и будущія изми мукы всѣхъ, вопіющихъ, аллилуія.

Эти молитвы архангелу Михаилу дышутъ вѣрою, любовію, надеждою, и простотою. Краткія, трогательныя, умилительныя, сладчайшія, онѣ извитійствованы такъ сказать съ особеннымъ помазаніемъ.

Читая ихъ, сознаешь въ творцѣ ихъ даръ говорить языками сокрушенія, покаянія, смиренія, любви, величанія, славословія.

XII. СИНАЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ. ПРОДОЛЖЕНІЕ НАШИХЪ ЗАНЯТІЙ ВЪ НЕМЪ.

Два раза я съ присными моими гостилъ и трудился въ Синайскомъ подворьѣ, находящемся въ особой части Каира, называемой по арабски Джуванія: что значитъ, среднее, или замкнутое мѣсто. Эта часть отдѣляется отъ прочихъ домовъ и улицъ особыми воротами, такъ что, когда ихъ запрутъ, ни кто не войдетъ въ нее. Почти вся она принадлежитъ



Планъ подворья.

Синайскому монастырю. Тутъ христіане нанимаютъ домы его за умѣренныя цѣны, и живутъ отдѣльно отъ магометанъ. А подворье есть нечто иное, какъ огромный домъ, индѣ въ два, индѣ въ три жилья, съ пространнымъ дворомъ внутри, который раздѣленъ на два продолговатые четвероугольника поперечнымъ зданіемъ. Въ сей дворъ обращены сквозные ходы предъ келліями, устроенные на деревянныхъ столбикахъ. Въ первомъ четвероугольникѣ, противъ входа въ подворье, вверху помѣщенъ такъ называемый сунодикóнъ *(а)*, т. е. горница, въ которой бываютъ засѣданія старцовъ Джуванійско-синайскихъ. Смѣжно съ нею по той же линіи находится пріемная комната узковатая, но длинная *(б)*, и подлѣ нея столовая. Въ юговосточномъ углу втораго четвероугольника устроена молельня старцовъ *(в)*, въ которой естъ св. престолъ, иконы и богослужебныя книги, но не совершается литургія, по настоянію Александрійскихъ патріарховъ въ Константинополѣ. Въ прочихъ отдѣленіяхъ подворья вверху размѣщены малыя, тѣсныя и убогія келліи монашескія, а внизу складочныя клети и большой водоемъ, ископанный въ 1812 году содѣйствіемъ старцовъ Синайскихъ и нѣкоторыхъ христолюбцовъ, какъ о томъ гласитъ надпись на стѣнѣ. Кровли на всемъ

подворьѣ плоски. По нимъ мы прохаживались по закатѣ солнца, когда зной дневный ослабѣвалъ.

Въ сунодальной горницѣ хранятся св. мощи, имянно: кисть правой руки св. Марины, глава св. Евтиха ученика Іоанна Богослова, кость св. Харлампія, что̀ ниже кисти ручной, и рука великомученика Георгія. Дикей о. Анастасій показывалъ намъ въ кувшинѣ запекшуюся кровь Синаитовъ, замученыхъ во время послѣдняго возстанія Грековъ. Она не издавала запаха тлѣнія. Въ той же горницѣ устроенъ большой кивотъ съ св. образами, и на стѣнахъ виситъ много древнихъ иконъ. Между ними замѣчательны три: 1) икона св. Троицы въ видѣ трехъ ангеловъ явившихся Аврааму, съ славянскою надписью: «сія икона отъ Кова пана Нистору рѣке великаго дворника долнѣй земли, и кнѣгинѣ его, Митрофана, и дашѣ ѐ въ своемъ монастирѣ оку́ла идеже есть храмъ усѣкновеніе глави честнаго предтечи Іоанна, въ лѣто 7117 Марта 6.» (1609 г.); 2) икона молящейся Божіей матери, съ хартіею въ шуйцѣ, на которой написано по славянски: «Владыко многомилостиве господи іисусе христе сыне и боже мой пріими всякаго человѣка славящаго тя;» выраженіе лица ея умилительное *); 3) икона св. Іосифа пѣснописца: непокровенная

*) Смотри рисунокъ сей иконы.

глава его, убѣленная сѣдинами, очень выразительна; на груди его виситъ крестъ; темнокрасный хитонъ на немъ стянутъ синимъ поясомъ и прикрытъ спереди и сзади бѣлымъ палліемъ; св. пѣснопѣвецъ сидитъ и на правомъ колѣнѣ пишетъ тростію тропарь: ἱλαστήριον τοῦ κόσμου χαίρε ἄχραντε δέσποινα: умилостивленіе міра радуйся непорочная владычице; предъ нимъ на столѣ видны чернильница, ножикъ для очиненія скорописной трости, и двѣ книги въ позлащенномъ переплетѣ. *) Г. Соловьевъ удачно срисовалъ двѣ послѣднія иконы. Кромѣ этихъ святынь я пересмотрѣлъ русскій помянникъ. Въ немъ замѣчено, что архимандритъ Кириллъ получилъ отъ архіепископа Синайской горы и Собора старцовъ зубъ св. Екатерины и вручилъ его царевнѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ, и что Синайскій архимандритъ Авимелехъ, при отправленіи въ Московію, принялъ мощи св. Никиты для представленія ихъ царю. **) Послѣ обозрѣнія сунодикона о. Дикей подарилъ мнѣ деревянный посохъ вселенскаго патріарха Кирилла, повѣшеннаго Турками въ 1821 году въ Адріанополѣ, гдѣ онъ пребывалъ на покоѣ.

---

*) Смотри рисунокъ сей иконы.

**) Сей архимандритъ былъ въ Москвѣ ранѣе 1750 года.

Въ горницахъ, сѵнодальной и пріемной, помѣщена небольшая часть печатныхъ книгъ и рукописей. Главная же библіотека находится въ одной верхней комнатѣ. Она не приведена въ порядокъ, и покрыта слоями пыли. Я внимательно осмотрѣлъ эти книгохранилища, и нашелъ въ нихъ кое-что достойное знанія. Особенно любопытны слѣдующія рукописи: проповѣди Ливійскаго митрополита Самуила, возведеннаго на патріаршій престолъ Александрійскій въ 1710 году, его же посланіе къ Петру Великому въ Маѣ мѣсяцѣ 1717 года; письма Константинопольскаго архіепископа Геннадія Схоларія, и Александрійскихъ патріарховъ Мелетія Пиги и Кирилла Лукариса; вопросы Аѳонскихъ монаховъ святѣйшему патріарху Николаю, и его отвѣты. Всего же драгоцѣннѣе греческій Сборникъ, содержащій псалтирь, весь новый завѣтъ, и извлеченія изъ св. отцевъ, — съ великолѣпными св. иконами и ликами Греческихъ царей Михаила и Іоанна Палеологовъ, живописанными на тонкомъ пергаминѣ. Эта рукопись 1242 года подарена была Синайскому архіепископу Кириллу на островѣ Хіосѣ попечителемъ Синайской обители Мамсеромъ Зарзи́ изъ рода Комниновъ, въ 1781 году Ноября 14 дня. Не помѣщаю здѣсь списка замѣчательныхъ книгъ и рукописей Джуванійскихъ, ни

выписокъ изъ нихъ, ни разбора помянутаго сборника, потому что намѣренъ изложить все это въ особой статьѣ о Синайской библіотекѣ. Всему есть свое мѣсто и свое время, по изрѣченію премудраго Екклисіаста.

Такъ какъ я предпринялъ настоящее путешествіе между прочимъ и для того, чтобы пополнить свои прежнія свѣдѣнія о Синайскомъ монастырѣ; то мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣть и перечитать фирманы султановъ Египетскихъ, жалованные сему монастырю *), всѣ грамоты царскія и княжескія на Славянскомъ языкѣ, и другія дѣянисанія. Желаніе мое отчасти исполнилось. Ибо Дикей о. Анастасій, получившій приказаніе отъ архіепископа своего Константія **) открыть мнѣ все, чего потребуетъ моя любознательность, прочелъ вмѣстѣ со мною два кодекса на Греческомъ языкѣ, въ которыхъ содержатся письменныя дѣла Синайской обители, и вынесъ мнѣ изъ дѣлохранилища девять подлинныхъ хрисовуловъ господарей Валахскихъ и Молдавскихъ и царей Россійскихъ, подлинные приказы Наполеона Бонапарта и генераловъ его, Мену, Бельяра и Бертье, данные Синаитамъ, и разные фирманы Турецкихъ

*) Ихъ перечисляетъ Іерусалимскій патріархъ Нектарій въ своей церковно-гражданской исторіи.

**) Въ слѣдствіе письма моего къ нему отъ 27 Февраля 1850 г.

султановъ: Египетскихъ же фирмановъ не обрѣлось въ подворьѣ. Когда я получилъ всѣ эти любопытныя хартіи: обрадовался такъ, что и боль въ глазахъ моихъ пріутихла, и зной дневный не былъ мнѣ тягостенъ. Я то читалъ ихъ, то дѣлалъ выписки изъ нихъ, то со словъ моихъ писалъ спутникъ мой г. Крыловъ. Не мѣсто здѣсь излагать всѣ пріобрѣтенныя мною въ этотъ разъ свѣдѣнія о Синаѣ: довольно сказать, что въ помянутыхъ кодексахъ замѣтки и письменныя дѣла начинаются съ 1093 года и оканчиваются 1822-мъ, а хрисовулы и фирманы объемлютъ кругъ времени между 1498 и 1817 годами. Обильные матеріалы для составленія лѣтописи Синайской обители! Къ нимъ присоединилъ я перечень подворьевъ ея, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Азіи и Европы въ разныя времена. Она извлечена мною изъ старинаго помянника, въ которомъ отмѣчено: какой Синаитъ, въ какомъ подворьѣ, когда и какъ скончался.

Такъ проведены были нами въ Джуваніи четыре дня *) знойные и три ночи удушливые.

Примѣчаніе. Въ ночь подъ свѣтлое воскресеніе Христово въ воздухѣ разлилась отрадная прохлада и держалась до выѣзда нашего изъ Каира.

*) Апрѣля 12, 17, 18, 19.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ОТЪѢЗДУ ВЪ МОНАСТЫРИ СВ. АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО И ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА ѲИВЕЙСКАГО.

Апрѣля 24, Понедѣльникъ.

Настало благопріятное время для путешествія въ монастыри св. Антонія Великаго и преподобнаго Павла Ѳивейскаго; и я по опытности, пріобрѣтенной мною въ прежнихъ странствованіяхъ, сообразилъ все, что нужно намъ въ пути по знойнымъ и дикимъ пустынямъ Египетской Аравіи, и велѣлъ приготовлять палатки, бочки и кожаные мѣхи для Нильской воды, сарачинское пшено, масло, хлѣбъ, вино, лимоны, апельсины, и сушеные абрикосы, дабы безропотно совершить притрудное путешествіе. Мнѣ нужны были поручительныя письма Коптскаго патріарха Петра къ настоятелямъ помянутыхъ мона-

стырей. Будучи знакомъ съ нимъ, я надѣялся получить ихъ отъ него, и въ этой надеждѣ посѣтилъ его. Со мною ходили къ нему всѣ спутники мои.

Высокостепенный старецъ принялъ насъ въ одной нижней комнатѣ, полузаваленной камышемъ и слоисто запыленной. Какъ только мы усѣлись на весьма низкомъ диванѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, которое отъ давности полиняло: одинъ монахъ вздумалъ подмести полъ и принять соръ. Поднялась пыль. Мы, задыхаясь, чихали. Патріархъ, видя неловкость своего келейника, попросилъ насъ выдти на тѣнистый дворъ, гдѣ мы, къ удовольствію своему, и усѣлись на ветхихъ соломенныхъ стульяхъ противъ его высокостепенства, поджавшаго необутые ноги свои на бараньей кожѣ, постланной на деревянной скамьѣ съ балясною спинкою. Послѣ обычныхъ привѣтствій я началъ разговоръ:

— Еще разъ Богъ сподобилъ меня видѣть вашу святыню. Настоящее свиданіе съ вами также пріятно, какъ и первое. Припомните: я былъ у васъ назадъ тому пять лѣтъ.

— Помню, и узнаю васъ, достопочтенный авва; проговорилъ патріархъ глухимъ и едва внятнымъ низкимъ голосомъ.

— Радуюсь, находя васъ въ добромъ здоровьѣ.

Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ милостиво продолжаетъ годы вашей жизни, драгоцѣнной для вашей паствы.

— Аллахъ керимъ, т. е. Богъ милосердъ!

— Подъ вашимъ вѣдомомъ состоятъ многіе монастыри. Тридцать четыре изъ нихъ я посѣтилъ въ первое путешествіе по здѣшней странѣ; но не успѣлъ тогда съѣздить въ обители св. Антонія великаго и преподобнаго Павла Ѳивейскаго. Ибо торопился на Синай. Теперь горитъ во мнѣ желаніе видѣть эти двѣ колыбели монашества, принесшаго такъ много духовныхъ пользъ народамъ. Чтя память св. Антонія, именемъ котораго назывался первый начальникъ монаховъ въ Россіи, ублажая и преподобнаго Павла, я намѣренъ посѣтить мѣста ихъ подвиговъ удивительныхъ, и провести тамъ четыре дня въ богомольѣ; и потому прошу вашего благословенія въ путь, и вашихъ поручительныхъ писемъ къ тамошнимъ отцамъ и братіямъ. Въ первое путешествіе вы снабдили меня такими письмами: надѣюсь, что и въ этотъ разъ вы будете благосклонны къ моему благочестивому желанію.

— Богъ да благословитъ васъ, и да пошлетъ вамъ ангела спутника. А мои письма будутъ готовы къ вашему отъѣзду. Когда вы намѣрены отправиться?

— Чрезъ два дня неотложно.

— Вамъ надобно ѣхать отсюда по Нилу до селенія, Бушъ. Тамъ есть подворье монастырское; и оттуда отправятъ васъ, куда вы желаете.

— Благодарю васъ за совѣтъ вашъ и попеченіе о насъ странныхъ.

— Рѣдкіе путешественники посѣщаютъ наши обители.

— Изъ Русскихъ я первый ѣду въ пустыню, въ которой спасались Павелъ и Антоній въ тайнѣ передъ лицемъ Божіимъ.

— Французы, Англичане и другіе Европейцы пріѣзжаютъ сюда любоваться древностями: а вы желаете почтить угодниковъ Божіихъ.

— Павелъ и Антоній въ церквѣ христіанской суть тоже, что пирамиды въ здѣшней странѣ. И такъ хочется побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ благодать Божія воздвигла, возвеличила и прославила этихъ исполиновъ духовныхъ.

— Кто ищетъ перловъ, тотъ находитъ ихъ.

— И раковины, оставшіяся послѣ нихъ, драгоцѣнны.

— Вы не много опоздали. Будетъ жарко.

— Владыка! желѣзо раскаляется, но не растопляется: а мы, Русскіе люди, желѣзные люди.

Патріархъ улыбнулся, и помолчавъ немного,

пожелалъ намъ счастливаго пути. Мы откланялись ему степенно, и возвратились во свояси.

Говорятъ, что Коптскій владыка получаетъ значительные доходы. А помѣщеніе его убого. Это объясняется подвижническою, суровою жизнію его и вспоможеніями, какія онъ оказываетъ своимъ единовѣрцамъ.

26, Середа.

Мы готовы въ путь. Порядочная канджа нанята до Буша. Все нужное въ дорогѣ изготовлено. Поручительныя письма Коптскаго патріарха получены.

Господи Боже, сотворивый млечный путь на небѣ и рѣчныя стези на землѣ ради удобнаго прехожденія изъ страны въ страну, управи пути наша, обрати къ намъ сердца иноплеменниковъ, и подаждь намъ во всемъ благое поспѣшеніе. Аминь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЛАВАНІЕ ПО НИЛУ.

27, Четвертокъ.

Утромъ Александрійскій патріархъ Іероѳей благословилъ насъ въ путь дальній; и мы въ восемь съ половиною часовъ отплыли изъ Булакской пристани. Попутный вѣтеръ помчалъ нашу канджу вверхъ по Египетской водотечи. Я сѣлъ у крылечка, и любуясь всемъ, что только рисовалось въ глазахъ моихъ, сравнивалъ здѣшнюю страну съ образцовыми твореніями писателей въ томъ отношеніи, что какъ эти творенія читаешь, перечитываешь, и всегда чувствуешь одинаковое наслажденіе, такъ и Египетъ видишь всякой разъ съ равнымъ удовольствіемъ. Канджа плыветъ вверхъ по Нилу, а за нею, кажется, бѣгутъ пирамиды, сосѣднія горы, пальмовыя рощи и Каирская крѣпость съ новою великолѣпною мечетью, рисуясь

въ разныхъ видахъ и въ разномъ освѣщеніи. —Суда рѣютъ по Нилу взадъ и впередъ. Египтяне сидятъ въ нихъ степенно и безмолвно. Мы обгоняемъ одинъ челнъ. Въ срединѣ его стоятъ двѣ женщины и вмѣсто паруса держатъ пестрядинное покрывало свое; а мужчина правитъ рулемъ. Голь вездѣ богата на выдумки, и достигаетъ своихъ цѣлей иногда скорѣе богачей, которые садятся на мели, и даже гибнутъ въ пучинѣ превратностей житейскихъ.

Нилъ течетъ въ Средиземное море. Вѣтеръ несется поверхъ его въ противоположную сторону, и замедляетъ теченіе его. Моя канджа летитъ. Я у крылечка сижу и порой пишу. Вотъ на правомъ берегу Нила одиноко стоитъ обитель Коптовъ Деръ Маàдеръ Хабѝра, и смотрится въ рѣку, а изъ десяти оконъ ея не выглядываетъ ни одинъ инокъ. Не далеко отъ нея у подошвы горы подъ сѣнію финиковъ расположено военное селеніе Тóра. Тутъ въ горѣ видны древнія пещеры и каменоломни. Подумаешь, какъ пришла мысль человѣку ломать камень и строить изъ него зданія, а пришла и весьма давно. По восточнымъ преданіямъ исполинъ Немвродъ, первый, выдумалъ плинѳы, каменосѣченіе и растворъ извести, и началъ строить города, а фараонъ третьей династіи Египетской Сезорѳосъ, за двадцать шесть

вѣковъ до рождества Христова, научилъ распиливать камни. Но теперь мнѣ не до этихъ преданій. Канджа приближается къ Мемфису; и меня беретъ раздумье: остановиться ли у пальмовой рощи, пріосѣняющей развалины бывшей столицы Египта, или воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, и плыть далѣе. Богъ вѣсть: будетъ ли завтра вѣтрено, а эту мѣстность можно видѣть и на обратномъ пути. Итакъ впередъ! Прощай Мемфисъ!

Недалеко отъ сего города высится огромная пирамида съ шестью уступами. Седьмая маковка ея впилась въ золотистое небо. Этой пирамидѣ подобна душа наша. Чувствованіе, воображеніе, память, разумъ, воля, соотвѣтствуютъ ступенямъ ея, а вѣра — ея поднебесной вершинѣ. Пирамида отображаетъ собою лучи солнца: а душа есть образъ и подобіе Отца свѣтовъ. Пирамида — загадка: не тоже ли и душа наша? Пирамида вѣковѣчна: душа безсмертна. Ту не взвѣсишь: и эта не вѣсома. Та вся въ лучахъ: и эта вся—въ мысляхъ и желаніяхъ.

День склоняется къ вечеру. Попутный вѣтеръ дуетъ. Наше судно летитъ по Нилу. Пріятно быстрое приближеніе къ цѣли путешествія.

Настала ночь. Мы плывемъ впередъ. На чистомъ небѣ голубомъ стелется путь млечный. Сквозь про-

зрачныя волны сего небеснаго Нила видны яркія звѣзды. А что находится между звѣздами? Отвѣчаю съ Тертулліаномъ: бездны вѣчности.

28, Пятница.

Вскорѣ послѣ полуночи я пробудился отъ крика лодочниковъ, стаскивавшихъ канджу съ мели. Было очень холодно.

Но съ разсвѣтомъ стало тепло. Слабый вѣтерокъ едва едва тащилъ нашъ пловучій домикъ по успокоенной водотечи. Однако Реисъ предвѣщалъ усиленіе вѣтра. Дѣйствительно въ восемь часовъ парусъ канджи надулся, и она полетѣла. Не прямъ полетъ ея. Корма чертитъ въ водѣ тріугольники, дуги, полудуги, и ломаныя линіи. Боковый парусъ верхнимъ концомъ острымъ порой наклоняется на крутоярый берегъ: пѣшеходъ могъ бы ухватиться за него. Порой длинная тѣнь сего вѣтрила быстро бѣжитъ по скатистымъ нивамъ: бѣгомъ ея измѣряешь ходъ судна и радуешься приближенію къ цѣли путешествія.

Вѣтеръ бушуетъ. Напоры его сильны. Порывы его грозны. Канджа избоченилась. На палубѣ слышенъ трескъ и крикъ. Что такое? Вѣтеръ сорвалъ

пологъ, натянутый отъ горницы до мачты, и чуть не перевернулъ судно. Реисъ приказалъ снять это полотно, защищавшее насъ отъ солнца. Такъ и быть.

Въ пять часовъ по полудни мы пристали къ черноземному берегу Буша. Но этого селенія не видать. Говорятъ: оно далеко отъ Нила стоитъ на хлѣбномъ полѣ. А на противоположномъ берегу скàлы торчатъ у самой воды. Тамъ все дико и печально. Какова же должна быть пустыня св. Антонія, въ которую мы углубимся съ того берега? Но на пустыни есть терпѣніе.

Къ намъ въ канджу пожаловали добрые гости, люди военные, полковникъ изъ Албанцевъ, и подслѣпый офицеръ изъ Бахчисарайскихъ татаръ. Начались обоюдные вопросы: кто вы? откуда? куда? Что новаго въ Европѣ? Гдѣ миръ, и гдѣ война? — Безопасна ли дорога въ монастырь св. Антонія? Каковы здѣшніе Бедуины, люты или кротки? По обмѣнѣ взаимныхъ отвѣтовъ полковникъ отправилъ своего слугу съ письмами Коптскаго патріарха въ Бушъ къ игумену Дауду, и ушелъ во свояси. А мы поставили палатки у самаго Нила, поплескались въ струяхъ его, и повечерявъ легли спать.

29, Суббота.

Около десяти часовъ по полуночи пріѣхалъ къ намъ на бѣломъ конѣ игуменъ Даудъ, въ красныхъ сандаліяхъ на босу ногу, въ черной рясѣ Греческаго покроя, въ цвѣтномъ шелковомъ подрясникѣ, и въ черномъ тюрбанѣ на головѣ, составленномъ изъ одного длиннаго, скрученнаго платка, обмотаннаго по красному фесу. Смуглое, но пріятное лице его, испещренное оспою, маленькіе глаза, улыбающіеся уста, хорошіе пріемы, смѣлая поступь, обнаруживали въ немъ добряка, весельчака и не труса. Такой намъ нуженъ былъ игуменъ, то есть, вождь по пустынямъ Африканскимъ. Съ перваго раза онъ объявилъ намъ, что по письмамъ отъ патріарха, и ради такихъ важныхъ путешественниковъ, какъ мы, самъ онъ поѣдетъ съ нами въ оба монастыря; но посовѣтовалъ наперед отплыть до Бенисефа и посредствомъ тамошняго градоначальника вызвать шеха, то-есть старосту Бедуиновъ, которые на своихъ верблюдахъ возятъ путешественниковъ къ св. Антонію, и заключить съ нимъ условіе. Поелику у меня не было письменнаго вида отъ Каирскаго паши; то я сначала призадумался, а потомъ согласился ѣхать, рѣшившись предъявить свой паспортъ въ случаѣ надобности.

За часъ до полудня наша канджа отчалила отъ берега. Съ нами поѣхалъ о. игуменъ. Пока мы тащились до Бенисефа то на шестахъ, то съ помощію бичевы; я пользуясь добродушіемъ и словоохотностію новаго спутника, распрашивалъ его о Коптской церкви. По его словамъ —

«Копты ведутъ свое лѣтосчисленіе съ 284 года по рождествѣ Христовѣ. Въ этотъ годъ воцарился Діоклитіанъ, лютый гонитель вѣры Христовой; и Александрійскіе христіане начали новое лѣтосчисленіе, назвавъ его Эрою мучениковъ. По нашему счету идетъ 1850 годъ, а у нихъ 1566».

«При избраніи Коптскаго патріарха требуется, чтобы онъ происходилъ изъ состоянія свободнаго, а не изъ рабскаго, родился отъ обвѣнчанной дѣвицы, а не отъ второбрачной вдовы, и былъ покрайнѣй мѣрѣ пятидесяти лѣтъ, но крѣпокъ силами, и небезобразенъ, притомъ цѣломудренъ, добронравенъ, опытенъ въ монашескомъ житіи, свѣдущъ въ догматахъ и правилахъ церковныхъ, и хорошо говорилъ-бы народнымъ языкомъ. Наклонность къ горячимъ напиткамъ, или къ корыстолюбію, вспыльчивость, дерзость и пролитіе крови не только человѣческой, но и животной, отдаляютъ отъ патріаршаго сана».

«Верховный владыка Коптовъ не утверждается

ни султаномъ, ни пашею Египетскимъ. А епископы получаютъ ставленыя грамоты отъ него самого».

«Въ настоящее время подъ священноначаліемъ его состоятъ епископы: 1) Авраамъ Іерусалимскій, постриженецъ монастыря св. Антонія. Онъ пребываетъ въ Египтѣ. 2) Сарабамо́нъ Александрійскій. 3) Аѳанасій Манфалутскій, монахъ изъ монастыря св. Антонія. 4) Макарій Сіутскій. 5) Аѳанасій Абутигскій. 6) Юсапъ Ахминскій. 7) Михаилъ Нагадскій. 8) Авраамъ Гусскій. 9) Гавріилъ Нобскій близь Абиба. 10) Селя́ме митрополитъ Абиссинскій. 11) Исаакъ Фаюмскій, монахъ изъ Сиріанской обители, что̀ въ Нитрійской пустынѣ. 12) Іаковъ Миніэйскій, монахъ изъ обители св. Павла. 13) Юсапъ Санабуйскій, монахъ изъ той же обители».

«Когда Копты изберутъ кого въ епископа, сажаютъ его въ цѣпи и запираютъ въ кельѣ до рукоположенія, дабы онъ не убѣжалъ».

«Коптскіе архіереи суть не только пастыри, но и судіи народа. У каждаго изъ нихъ, кромѣ Абиссинскаго митрополита, считается паствы отъ трехъ до четырехъ тысячь душъ мужескаго пола, за исключеніемъ Нобскаго епископа, въ приходахъ котораго находится не болѣе 200 душъ. Всѣ эти архіереи живутъ сборами съ домовъ. Имъ подаютъ хлѣбомъ по

три ардеба *), и деньгами отъ трехъ до шести рублей серебромъ. При посѣщеніи архипастыря бываетъ пиршество. Когда же онъ уѣзжаетъ: Копты цѣлуютъ тотъ камень, съ котораго онъ сѣлъ на коня своего».

«Эти христіане крестятся указательнымъ пальцемъ съ лѣваго плеча на правое, потому-де что въ евангеліи сказано, о перстѣ божіемъ изгоню бѣсы, и потому-де что Духъ св. содѣлываетъ человѣковъ изъ лѣвыхъ правыми, т. е. изъ грѣшныхъ святыми. На указательномъ пальцѣ нижній составъ означаетъ Отца, верхній Сына, а средній Духа святаго». Изображая третіе лице св. Троицы среднимъ составомъ,—говорилъ игуменъ, — мы этимъ показываемъ, что оно изходитъ отъ одного Отца: а три состава въ одномъ перстѣ знаменуютъ Троицу въ единицѣ. «Я въ свою очередь пояснилъ ему, какимъ образомъ наше перстосложеніе на молитвѣ знаменуетъ пресвятую Троицу въ единомъ существѣ и два естества Богочеловѣка».

«Крещеніе у Коптовъ совершается чрезъ погруженіе съ призываніемъ св. Троицы. Крещаемый попираетъ купель: это у нихъ означаетъ попраніе грѣха,

*) Въ аредебѣ — девять пудовъ.

діавола и ада. Кого окрестить бабка въ случаѣ смертной опасности: того перекрещиваютъ по выздоровленіи».

«Мvропомазаніе младенца слѣдуетъ непосредственно за крещеніемъ его и совершается вязью, такъ что священникъ, обмакнувъ въ мvро большой перстъ свой, обводитъ его безъ перерыву по всему тѣлу, начиная отъ подгрудной ложечки и черта по лѣвому боку поперечную линію къ той точкѣ спины, которая противоположна этой ложечкѣ, отсюда же ведя прямую линію до темени головы, и оттуда продолжая ее безъ перерыву по челу, очамъ, ушамъ, ноздрямъ, устамъ, и спуская чрезъ шею и лѣвое плечо на ладонь, и повертывая на заднюю сторону ея, оттуда снова возводя ее по лѣвой рукѣ до затылка и праваго плеча, и понижая по правой рукѣ до ладони и задней стороны ея, снова возвышая ее по этой же рукѣ до шеи, и отъ нея чрезъ грудь и пупъ продолжая до ногъ, на которыхъ помазуются не подошвы, а ступни. Такой способъ помазанія отзывается мѣстностію. По понятію Коптовъ онъ означаетъ, что благодать Божія проникаетъ все существо человѣка, какъ питательный сокъ расходится по всѣмъ составамъ тѣла».

«Евхаристія, по вѣрованію Коптовъ, есть не

только питаніе души, но и умилостивительная жертва о грѣхахъ всѣхъ людей, живущихъ и умершихъ въ вѣрѣ. Подъ видами хлѣба и вина преподается истинное тѣло и истинная кровь Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную».

«Пшеничныя просфоры у этихъ христіанъ односоставны, квасны, безъ примѣси елея и соли, съ пятью четвероконечными крестами на верху, и съ словами кругомъ по окраинѣ: ἅγιος ὁ θεὸς, ἅγιος ἰσχυρὸς, ἅγιος ἀθάνατος, то есть святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный. Во время приготовленія ихъ читается псалтирь».

«На проскомидіи Коптскіе священники не вынимаютъ изъ просфоры ни агнца, ни частицъ, а поминаютъ имена, водя по ней правою рукою и держа ее на лѣвой ладони».

«Копты исповѣдуютъ грѣхи свои предъ священникомъ такъ же, какъ и мы».

«Духовенство у нихъ избирательное. Ликъ служителей церкви составляютъ: чтецъ, ѵподіаконъ, діаконъ, архидіаконъ, священникъ, протопресвитеръ, игуменъ, епископъ, митрополитъ и патріархъ. Каждый изъ нихъ поставляется, или рукополагается по особому чинополоненію и съ особенными молитвами»

«При бракосочетаніи употребляются вѣнцы. Кольцо и рубашка жениха связываются съ кольцомъ и рубашкою невѣсты; разумѣй, не тѣ, кои они имѣютъ на себѣ, а отдѣльные. Новобрачные помазуются елеемъ. Когда отъ нихъ родится дѣвочка; родильница не входитъ въ церковь въ продолженіи 80 дней: когда же мальчикъ; то срокъ очищенія бываетъ сорокодневный».

«Больнымъ преподается таинство елеопомазанія».

На вопросъ игумена, — священнодѣйствуемъ ли мы такія таинства, — я отвѣчалъ утвердительно, и пояснилъ ему силу и взаимное отношеніе ихъ произрастѣніемъ зерна. Пшеничное семя, поверженное въ землю, отъ теплоты и влаги оживаетъ и выходитъ оттуда свѣжимъ росткомъ: такъ человѣкъ, погруженный въ освященную купель, возраждается въ ней отъ Духа святаго въ жизнь новую. Ростокъ увеличивается, когда озаряется солнцемъ и впиваетъ въ себя влагу: и душа укрѣпляется и усовершается, когда получаетъ дары благодати въ мѵропомазаніи, и питается тѣломъ и кровію Христовою. Пшеницу на нивѣ очищаетъ отъ былій и волчцовъ земледѣлецъ: и душу освобождаетъ отъ грѣховъ чрезъ таинство покаянія священникъ. Пшеницѣ сообщается

плодотворность силою Божіею: и людямъ дается чадорожденіе отъ Бога чрезъ благословеніе брачное. Пшеница имѣетъ свой тукъ: и христіанинъ исполненный дней умащается елеопомазаніемъ. Послѣ этого сравнительнаго объясненія таинствъ о. Даудъ назвалъ меня великимъ богословомъ. Потомъ я спросилъ его: есть ли у васъ похоронныя службы?

— Есть разныя для разныхъ лицъ: отвѣчалъ Коптъ.

— Я продолжалъ: мы на похороны и поминки приготовляемъ такъ называемое коливо, т. е. вареную съ медомъ пшеницу, какъ знаменіе воскресенія мертвыхъ. А вы?

— Мы не дѣлаемъ этого.

Отецъ Даудъ говорилъ, что Іоаннъ крестителъ, видя св. Троицу на Іорданѣ, возгласилъ: слава Отцу и Сыну и св. Духу, и что молитву, святый Боже, святый крѣпкій, изрѣкли Іосифъ и Никодимъ при помазаніи тѣла Іисусова.

Въ такихъ разговорахъ и въ переводахъ ихъ съ Арабскаго на Греческій, и на оборотъ, нечувствительно и пріятно проходило время. Хотя отъ Буша до Бенисефа одинъ часъ ѣзды сухимъ путемъ; но мы по извилистому Нилу въ безвѣтріе прибыли туда по захожденіи солнца. Тутъ случился Халиль паша. Я тотчасъ послалъ къ нему своего іеродіакона съ

просьбою, чтобы онъ велѣлъ Бенисефскому градоначальнику призвать шеха Бедуиновъ, провожающаго путешественниковъ въ монастырь св. Антонія, и обязать его проводить туда и насъ. Паша отказался помогать мнѣ. Я призадумался.

— Что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего ты печаленъ? Спросилъ меня игуменъ.

— Я объяснилъ ему затрудненіе.

— Важное дѣло! Сказалъ онъ засмѣявшись. На что вамъ бумага отъ паши? Бедуины не умѣютъ читать ее.

— Но какъ же мы устроимъ нашу поѣздку къ св. Антонію?

— Положитесь на меня. Со мною вы будете тамъ. Всѣ здѣшніе Бедуины — мои друзья. Они понесутъ васъ на головахъ своихъ.

— Для чего же ты повезъ меня сюда?

— Гмъ! чтобы придать себѣ болѣе важности предъ градоначальникомъ Бенисефа, который, увидѣвъ меня съ такими особами, какъ вы, подумаетъ, что и Гуміосъ (игуменъ) Даудъ — не послѣдній человѣкъ.

— Но я ни за что въ свѣтѣ не пойду къ нему.

— Тѣмъ лучше! Не потратишь вишневыхъ словъ своихъ предъ варваромъ.

— Отче! я надѣюсь на твое благоразуміе и знакомство съ здѣшними Бедуинами.

— Ничего, кромѣ этой надежды, и не бери съ собою. Все будетъ по твоему.

Рѣшено провести ночь у Бенисефа, омываемаго струями Нила, и утромъ, чуть свѣтъ, отправиться въ Бунъ.

30, Воскресенье.

Солнце освѣтило поднебіе Бенисефа; а наша канджа еще стояла у этого города. Ибо Реисъ ея ушелъ туда по своей надобности и захлопотался долго. Я не разъ посылалъ за нимъ гребцовъ, и не разъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ его: сей часъ буду. Досада и скука вывели меня и спутниковъ моихъ изъ канджи. Мы вышли на берегъ не много выше отъ города. Тогда тутъ пристали двѣ большія дагабіи, наполненныя продажными Неграми и Абиссинцами; и изъ этихъ лодокъ вышли на берегъ черныя дѣвицы и мальчики. Цѣна ихъ высока, отъ ста до двухъ сотъ рублей серебромъ. Одинъ приставникъ ихъ, такой же Негръ, чѣмъ-то намазалъ свою бритую голову и лице, и долго стоялъ на солнцѣ, пока масть вся впилась въ его кожу. Вѣроятно, отъ этого Негры еще болѣе чернѣютъ. Ибо тѣ части тѣла, кои у нихъ закрыты отъ солнца, какъ то ладони и подошвы, имѣютъ цвѣтъ свѣтложелтоватый.

Негры скорѣе насъ отплыли отъ Бенисефа. Мы уже въ восемь часовъ начали спускаться по Нилу на веслахъ. У насъ былъ новый гость — престарѣлый и больный орелъ. Его взяли съ берега домочадцы мои, и посадили на плоской крышѣ канджи. Убогій, онъ самъ не могъ ни ѣсть, ни пить, потому что верхняя часть клюва его искривилась на сторону и замкнула зѣвъ. Въ такомъ злополучіи онъ сдѣлался смирнехонекъ, и, казалось, умолилъ насъ о помощи. Мы съ трудомъ разнимали клювъ его, и давали ему кусочки мяса и поили водою. Когда отъ того онъ немного укрѣпился; намъ вздумалось подрѣзать искривившуюся часть его носа. Но ему было больно. Онъ не давался намъ, однако и улетѣть отъ насъ не хотѣлъ. Тогда я невольно подумалъ, что еслибы человѣкъ болѣе любилъ неразумныя твари; то онѣ въ старости или въ немощахъ своихъ прибѣгали бы къ его помощи; и разумная любовь его врачевала бы ихъ, или поддерживала ихъ старость и дряхлость до послѣдняго издыханія.

Наша канджа тихо скользила по водѣ. А пернатый гость то смотрѣлъ на берега, то смѣжалъ свои очи. Я, любуясь имъ, вспомнилъ псаломское слово,— обновится, яко орля, юность твоя, — и началъ изъяснять оное спутникамъ своимъ. «По мнѣнію ученаго рав-

вина Саадія, — говорилъ я, — орелъ чрезъ каждые десять лѣтъ воспаряетъ въ область эѳира, и оттуда стремительно спускается въ море, потомъ роняетъ свои старыя перья, выращаетъ новыя, и такимъ образомъ юнѣетъ. Епифаній и Августинъ утверждали, что когда эта птица состарѣется, тогда клювъ ея искривляется и загибается, такъ что она не можетъ кормиться, однако разбиваетъ его о скалу, и принимая пищу обновляется. Другіе напр. Бохартъ, думали, что орелъ, какъ и всѣ прочія птицы, ежегодно линяетъ, и выращаетъ новыя перья, и что сіе-то обновленіе и разумѣется въ псалмѣ».—Слушателямъ моимъ полюбилось мнѣніе второе тѣмъ болѣе, что у нашего орла клювъ былъ искривленъ; и они рѣшились взять его съ собою въ пустыню св. Антонія, и тамъ оставить на какой нибудь скалѣ съ кускомъ свѣжаго мяса. «Пусть онъ разобьетъ свой клювъ и обновится; говорили они. Когда мы воротимся назадъ; онъ, благодарный, явится къ намъ, и паря надъ нашими головами, докажетъ вѣрность мнѣнія Августина и Епифанія».

Плаваніе наше внизъ по обмелѣвшему Нилу продолжалось медленно. Я опять завелъ бесѣду съ гуммосомъ Даудомъ.

— «Отче, пожалуй, скажи мнѣ: какимъ образомъ

торговцы достаютъ Негровъ, и въ такомъ большомъ количествѣ.

— Они покупаютъ ихъ плѣнныхъ послѣ междоусобныхъ войнъ, кои не рѣдко бываютъ у дикихъ племенъ, а по большей части нападаютъ ночью на Негритянскія семьи, живущія въ лѣсахъ, и отбиваютъ, или продутъ у нихъ малолѣтныхъ дѣтей. Это имъ удается, потому что Негры не соединяются въ одно общество для общаго защищенія, и не помогаютъ другъ другу.

— Бывалъ ли ты, отче, въ тѣхъ странахъ?

— Далѣе Абиссиніи не ходилъ.

— Не ѣздилъ и въ Ангало́лу къ христіанамъ Шойскимъ?

— Нѣтъ.

— По крайнѣй мѣрѣ слыхалъ: живъ ли и здравствуетъ ли царь ихъ Не́гушъ Сѣле-Сала́сси? *)

— Онъ умеръ назадъ тому два года; и теперь царствуетъ тамъ сынъ его Іисусъ.

— Цари Шойскіе не называются ли фараонами?

— Нѣтъ. Они называются Негушами.

— Что значитъ слово, Не́гушъ?

— Царь.

— Странно! въ Европѣ есть одно племя, родственное намъ Русскимъ (Черногорцы), которыхъ владѣтельные князья именуются Не́гошами.

*) Смотри портретъ его.

— Ужели же они зашли туда изъ Шойскаго царства?

— Трудно представить это, хотя и извѣстно теперь, что древніе Египтяне, въ войскахъ которыхъ могли служить Шойскіе Негуши, владѣли странами близкими къ Черногоріи: что̀ доказывается изъ іероглифическими памятниками, недавно найденными въ Валахіи *).

— Ни Валахіи, ни Европы, ни родословія царей и князей ваших я не вѣдаю.

По крайней мѣрѣ ты знаешь, откуда течетъ Нилъ, и отъ чего онъ разливается ежегодно въ одно время.

— Ба! Вотъ завидное знаніе!

— И очень завидно, когда изъ европейцовъ никто еще не доходилъ до истоковъ сей рѣки, и мы не знаемъ, откуда она выходитъ.

— Она течетъ изъ Абиссинскихъ горъ, а разливается отъ тамошнихъ проливныхъ дождей. Звѣзда Зухаль **) ежегодно выводитъ ея воды. Предки наши обожали это свѣтило. Но двадцать-третій патріархъ Александрійскій замѣнилъ поклоненіе ему почитаніемъ архангела Михаила, который есть покровитель нашей матери рѣки ***).

---

*) Думаю, что Черногорское прозваніе Нѣгошъ происходитъ отъ слова нѣга, какъ Сербское, душанъ, отъ души.

**) Сатурнъ.

***) По свидѣтельству патріарха Александріи Евтихія, царица Клеопатра создала въ семъ городѣ большой храмъ, посвятила его

— Отъ предковъ вашихъ дошло ли до васъ преданіе о томъ: кто, когда, и почему началъ строить пирамиды?

Гуммосъ на этотъ вопросъ съ важностію учителя отвѣчалъ:

— Въ незапамятныя времена, когда Египтомъ управляли жрецы, по ихъ распоряженію добываемы были металлы въ одной горѣ. Работники въ значительной глубинѣ ея нашли голову слона, и представили сію находку жрецамъ. Эти по ней заключили, что земля существуетъ весьма давно, и испытала страшные перевороты отъ огня, или отъ воды. Изъ сего заключенія выведено было ими другое, что подобные перевороты могутъ повторяться. А эта мысль, при соображеніи о вѣроятнѣйшемъ измѣненіи Египта отъ воды, надоумила строить высочайшія пирамиды, въ которыхъ люди могли бы спасаться отъ погибели. Вздумано и сдѣлано. Жрецы сгромоздили

Сатурну, и поставила въ немъ мѣдный истуканъ его, который назывался Зухàль. Египтяне въ 12-й день мѣсяца Хатòра (Ноября) совершали въ честь его празднество, и приносили ему множество жертвъ. Когда же тамъ утвердилось христіанство; Александръ 19-й патріархъ сокрушилъ помянутый истуканъ и сдѣлалъ изъ него крестъ, а капище его обратилъ въ церковь и освятилъ ее во имя архангела Михаила, убѣдивъ Александрійцевъ почитать сего живаго и мощнаго предстателя за нихъ предъ Богомъ вмѣсто бездушнаго и безполезнаго истукана. (Histor. patr. Alexandr. Iacobit. Parisiis. 1713).

Понынѣ Копты празднуютъ архангелу Михаилу въ 12-й день Ноября. Игуменъ Даудъ ошибочно приписалъ введеніе сего праздника 23-му патріарху Ѳеофилу.

эти каменныя твердыни, и надписали на нихъ свои имена въ память потомкамъ, въ которыхъ перейдутъ ихъ души.

— Пирамиды уцѣлѣли, но надписи вмѣстѣ съ облицовкою ихъ пропали. Жаль этой потери. Съ нею мы лишены знанія о первобытномъ состояніи Египта. Не менѣе жаль и того, что утратился языкъ вашъ древній.

— Игуменъ покачалъ головою, и съ сожалѣніемъ проговорилъ: увы! только крокодилы, да Копты не говорятъ своимъ языкомъ.

— Вамъ надлежитъ возобновить его.

— Какъ же это можно?

— Учредите училища и съ помощію словарей Коптско-арабскихъ, которые валяются въ вашихъ монастыряхъ, изучайте древній языкъ свой, и говорите на немъ.

— Совѣтъ вашъ пріятенъ, но неудобоисполнимъ. Всѣ народы идутъ впередъ: одни мы, Копты, назадъ. Мы рабы въ цѣпяхъ. А такіе люди говорятъ языкомъ господъ своихъ.

— Но, вѣдь, есть же у васъ какія-нибудь училища.

— Захотѣли вы свѣта у людей, сидящихъ въ потьмахъ. Какія у насъ училища? Молодые монахи въ монастыряхъ учатся читать и писать по старокоптски, и не понимая сего языка читаютъ на немъ въ церквахъ. Вотъ и все наше просвѣщеніе!

— А преподается ли этотъ языкъ въ училищѣ Англійскаго миссіонера Лидера? (въ Каирѣ).

— Я не бывалъ тамъ; но судя по питомцамъ его думаю, что не преподается.

— Велики ли успѣхи его?

— Не велики. Онъ выучилъ сорокъ юношей и представилъ ихъ нашему патріарху для рукоположенія въ священники. Но владыка, сначала, объявилъ ему словесно, что они должны жениться и состоять десять лѣтъ подъ испытаніемъ, потомъ написалъ для нихъ обязательство, по которому они должны учить народъ, что два естества во Христѣ по соединеніи стали одно, что хлѣбъ и вино въ Евхаристіи прелагаются въ тѣло и кровь Христову, что надобно почитать Божію матерь, святыхъ, крестъ, иконы, мощи, и строго содержать всѣ посты, установленные апостолами и св. отцами, и тому подобн. Когда Лидеръ прочелъ это обязательство: скинулъ шляпу и во гнѣвѣ ушелъ отъ патріарха. А питомцы его всѣ сдѣлались Англичанами по вѣрѣ.

— Учатся ли у него дѣвочки?

— Супостатъ приводитъ къ нему и ихъ.

Разговоръ — пища душъ. Побесѣдовавъ сладко, мы отобѣдали на палубѣ канджи. Скоро показался берегъ Буша. Когда къ нему причалило наше судно; мы перемѣстились въ свои палатки и простились съ любезнымъ гуммосомъ. Онъ отправился домой, обѣщавшись возвратиться къ намъ утромъ

съ шехомъ, который будетъ провожать насъ къ св. Антонію.

Ночь тепла. На Нилѣ тихо. Въ полѣ смирно. Всѣ мы дружны. Слава Богу!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ БУШѢ.

МАЙ.

1, Понедѣльникъ.

Утро ясно. Нилъ сребристъ. Пальмы свѣжи. Злаки сочны. Нивы въ цвѣтѣ. Въ насъ есть вѣра. Слава Богу!

Ожидаемъ гуммоса и шеха Бедуиновъ. Чаемъ успѣха. Желаемъ видѣть пустыню св. Антонія и мѣсто его духовныхъ подвиговъ. Побуждаемъ другъ друга къ терпѣливому перенесенію трудовъ въ предстоящемъ путешествіи.

Въ семь часовъ явились въ станъ нашъ игуменъ и шехъ пожилый и почтенный. Я, соображаясь съ понятіями восточныхъ жителей, судящихъ о важности лица по числу людей, окружающихъ его благоговѣйно, велѣлъ всѣмъ своимъ спутникамъ и домо-

чадцамъ почтительно стоять у палатки моей, дабы шехъ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ особою, за которую отвѣтственность велика, самъ же пріодѣлся въ шелки и принялъ на себя видъ важный. Это соображеніе мое, какъ оказалось въ послѣдствіи, согласовалось съ расчетомъ игумена. Ибо онъ наговорилъ шеху, что я человѣкъ царскій, что Аббасъ паша принималъ меня у себя въ Александріи, что Халиль паша въ Бенисефѣ явился ко мнѣ въ канджу и жалъ мою руку и т. п. Посему старѣйшина Бедуиновъ подошелъ ко мнѣ смиренно, и едва коснувшись своими пальцами до моихъ по обычаю, сѣлъ у ногъ моихъ на коврѣ и смотрѣлъ на меня съ величайшимъ почтеніемъ, однако испытующимъ взоромъ. Я подозвалъ къ себѣ переводчика, скрестившаго свои руки на груди, и чрезъ него объявилъ шеху свое намѣреніе съѣздить въ монастыри св. Антонія и Павла, и пригласилъ его проводить меня туда на хорошихъ верблюдахъ. Онъ согласился на мое приглашеніе, приложивъ руку къ челу въ знакъ того, что онъ отвѣчаетъ за меня своею головою, и отправился собирать Бедуиновъ и верблюдовъ, которыхъ потребовалось осмнадцать. О цѣнѣ же рѣшено было поговорить послѣ, какъ о дѣлѣ второстепенномъ и маловажномъ.

Такъ какъ шехъ въ одинъ день не могъ собрать Бедуиновъ, которые пасли своихъ верблюдовъ въ окрестностяхъ Буша, и условиться съ ними о проводахъ насъ къ св. Антонію; то гуммосъ меня и дружину мою пригласилъ къ себѣ въ Бушское подворье. Я сначала отказался отъ его зова, обѣщаясь погостить у него по возвращеніи изъ монастырей; но когда онъ съ замѣтнымъ неравнодушіемъ сказалъ: «я рѣшился ѣхать съ вами въ дальнія пустыни, а вы не хотите посѣтить меня вблизи», мнѣ стало совѣстно. Я сдался. Гуммосъ послалъ за лошадьми. Скоро привели ихъ; и мы поѣхали къ нему въ гости.

Узкая стезя вела насъ къ Бушу между цвѣтущими нивами. Было не жарко. Ибо надъ нами носились облака. Чрезъ часъ мы прибыли въ село и расположились въ подворьѣ св. Антонія.

Оно вновь построено недавно. Въ немъ есть церковь. Но насъ не повели въ нее, предостерегая отъ насѣкомыхъ, и только показали ее сверху чрезъ оконце. Ничего особеннаго въ ней нѣтъ. Подворье же опрятно, свѣтло и просторно. Къ намъ пожаловали почетные Копты въ шелковыхъ одеждахъ и монахи изъ обителей св. Антонія и Павла въ суконныхъ темносинихъ рясахъ и подрясникахъ съ черными завивалами (тюрбанами) на головахъ. Послѣ

взаимныхъ привѣтствій я повѣдалъ имъ, что благоговѣніе къ памяти Антонія Великаго и пламенное желаніе видѣть мѣсто его дивныхъ подвиговъ привели меня въ Египетъ съ отдаленнаго сѣвера. Тогда міряне промолвили: «мы живемъ недалеко отъ Антоніевой обители, а не бывали въ ней. Ваше благочестіе назидательно для насъ». Ихъ смиреніе умилило меня, и я сказалъ имъ: «христіане! хорошо имѣть друзей на землѣ, но еще лучше имѣть ихъ на небѣ. Святые, какъ Антоній и Павелъ, какъ Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе, во свѣтѣ Божіемъ видятъ наши нужды, скорьби, немощи, и умоляютъ за насъ Бога. Мы же должны прибѣгать къ нимъ съ прошеніями. Много бо можетъ молитва праведника, по слову апостола Іакова». Мои слушатели молчали. Мнѣ показалось, что они ждали отъ меня проповѣди; и я съ сердечнымъ участіемъ продолжилъ духовную бесѣду. Сожалѣніе объ ихъ уклоненіи отъ православной церкви, по неразумѣнію ученія ея о лицѣ Богочеловѣка, дало ей особенное направленіе. Сказавъ, что помянутые отцы церкви содержали истинную вѣру, преданную апостолами, и что туже вѣру содержимъ и мы вмѣстѣ съ Греками, я сперва изложилъ имъ вѣроисповѣданіе четвертаго вселенскаго собора въ Халкидонѣ, и подробно сличивъ оное съ

изрѣченіями св. Кирилла Александрійскаго о лицѣ Богочеловѣка, открылъ, что отцы этого собора исповѣдали въ Спасителѣ не два лица, а одно, и не два естества раздѣльныя, а соединенныя, однако несліянныя; потомъ изъяснилъ истинный смыслъ любимаго всѣми Монофизитами изрѣченія святаго Кирилла Александрійскаго: «мы исповѣдуемъ едино естество слова воплощенное»,—изъяснилъ такъ, что Кириллъ, въ противоположность Несторію, сопоставлявшему во Христѣ два раздѣльныя естества и два лица, подобно тому какъ сопоставляются океанъ и берегъ его, исповѣдовалъ нераздѣльное единеніе естества Сына Божія съ душею и плотію Христовою, подобное единенію огня съ раскаленнымъ желѣзомъ. За симъ высказаны были мною тѣ изрѣченія именитыхъ учителей церкви, въ коихъ они единогласно различали два естества Богочеловѣка и по соединеніи ихъ, и замѣчено было, что ни одинъ изъ этихъ учителей никогда не употреблялъ слѣдующаго выраженія: «два естества по соединеніи стали одно естество». При томъ я не забылъ внушить, — какъ опасно выражаться такимъ образомъ: либо человѣка Христа Іисуса не узришь въ Богѣ — Словѣ, либо Безсмертному смерть усвоишь. Наконецъ, была рѣчь и о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствованіяхъ Богочеловѣка по сви-

дѣтельствамъ св. писанія и св. отцевъ церкви *). — Все это высказано было мною въ краткихъ предложеніяхъ и съ приличными сравненіями и подобіями для уясненія таинственнаго догмата. — Копты, выслушавъ меня, сначала, смотрѣли другъ на друга безмолвно, потомъ одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «о, глубина премудрости Божіей»! другой сказалъ: «не одинъ, и не два отца церкви, а всѣ они вмѣстѣ даютъ свѣтъ, подобный свѣту млечнаго пути»; третій примолвилъ: «но догматическія изрѣченія ихъ могутъ быть обсуживаемы и утверждаемы только соборомъ святителей».

— Такъ точно, соборомъ! — подвердилъ я. Но этотъ соборъ существуетъ. Множество православныхъ архипастырей въ разныхъ странахъ читаютъ творенія св. отцовъ и единогласно съ ними исповѣдуютъ два естества, двѣ воли, и два дѣйствія единого Господа Іисуса Христа. Присоединитесь къ нимъ и вы. Ночью свѣтло тамъ, гдѣ многія звѣзды сіяютъ.

— Но мы спимъ. Кто же пробудитъ насъ? Сказалъ игуменъ Даудъ.

— Не знаю, кто — будильникъ вашъ; отвѣчалъ я. Но желаю, чтобы сердце ваше бдѣло и во снѣ.

---

*) Читай во второй части сужденіе о вѣроисповѣданіи Коптовъ.

Начните помышлять о томъ, что истина Господня пребываетъ тамъ, гдѣ милліоны вѣрующихъ и ихъ духовные вожди слѣдуютъ апостольскому и отеческому ученію и преданію. Одно это начало, одно это помышленіе требуется теперь отъ васъ: все же прочее окончитъ благодать Божія всесовершительная. Спаситель сказалъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь». Слово Его непреложно. Воспрепайте оное чаще въ памяти вашей и судите: къ кому вы ближе по вѣрѣ, и по обрядамъ и правиламъ церковнымъ, — къ Грекамъ, или къ Франкамъ.

— Мы ближе къ Грекамъ; говорили Копты.

— Не уклоняйтесь же отъ нихъ далѣе. Не пріобщайтесь къ тѣмъ, которые обходятъ сушу и море, чтобы пріобрѣсть хотя единаго послѣдователя себѣ. Испытывайте ихъ ученіе и дѣла. Одинъ волкъ неузнанный губитъ все стадо. Одна разсѣлина пренебреженная рушитъ весь домъ. Одна капля яда умерщвляетъ цѣлое семейство». Рѣчь моя нравилась Коптамъ. Слушая ее, они неоднократно говорили, аминь. А одинъ изъ нихъ промолвилъ, что Протестантамъ никогда не удастся совратить ихъ съ пути истины, и представилъ въ примѣръ нынѣшняго митрополита Абиссинскаго, который хотя и учился у

Лидера, но вѣруетъ право, потому что долго жилъ подъ испытаніемъ въ монастырѣ св. Антонія.

Послѣ сего разговора я попросилъ гуммоса Дауда, чтобы онъ предложилъ монахамъ пропѣть что нибудь священное. Ибо мнѣ хотѣлось имѣть хотя не полное понятіе о Коптскомъ пѣніи церковномъ. Привели трехъ пѣвцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ слѣпой; и они начали пѣть, прочіе же Копты мѣрно ударяли въ два мѣдныя блюдца, въ колокольчикъ и стальный тріугольникъ. Ихъ пѣніе, не похожее ни на Греческое, ни на Армянское, весьма уныло. Голосъ хотя и извивается и повышается постепенно, не беря однако высокихъ нотъ и не дѣлая пронзительныхъ звуковъ, но по большой части держитъ только два рядовые тона, (діезъ и настоящую ноту) то ровные, то ломаные, такъ что пѣніе походитъ на равномѣрные размахи колыбели, поднимающейся и опускающейся умѣренно и медленно. Я пожелалъ, что бы пропѣли что-нибудь пріятнѣе. Слѣпецъ перемѣнилъ напѣвъ и ускорилъ движеніе голоса. Но слышались тѣже заунывные звуки. Вѣроятно, Коптское пѣніе не выражаетъ всѣхъ христіанскихъ чувствованій и восторговъ. Оно есть отголосокъ суроваго покаянія, отшельническаго успокоенія отъ дѣлъ житейскихъ, и эхо однообразной

пустыни. Думать можно, что Копты сохранили напѣвы своихъ предковъ и жрецовъ Озириса и Изиды и другихъ божествъ, символически представляемыхъ разными животными. Ибо по увѣренію ихъ церковные гласы понынѣ называются у нихъ, одинъ воловьимъ, другой коровьимъ, третій волчьимъ и проч. Любопытно было бы переложить ихъ осмогласіе на наши ноты. Кто сдѣлалъ бы сіе, тотъ возобновилъ бы пѣніе, употреблявшееся въ Египтѣ до христіанства.

Отцы Коптскіе угостили насъ радушно. Послѣ обѣда мы отдохнули не много. Въ четыре часа явился въ подворье шехъ Бедуиновъ, и условился со мною въ цѣнѣ за проводы до св. Антонія и Павла, и обратно. Онъ потребовалъ, и я далъ ему по пяти піастровъ за каждаго верблюда въ день. Мы ударили по рукамъ. Шехъ получилъ въ задатокъ 800 піастровъ и обѣщался привести горбатыхъ животныхъ на другой день рано утромъ. Потомъ мы возвратились въ свой станъ.

Жизнь моя подобна ткани, на которой выдѣлываются разные узоры. Время развиваетъ и свиваетъ ее.

2, Вторникъ.

Сего дня я слышалъ отъ Коптовъ и Бедуиновъ, что въ здѣшней странѣ перепадаютъ дожди, и что въ прошломъ году въ горахъ около монастыря св. Антонія выпалъ глубокій снѣгъ и завалилъ одного Бедуина. Въ станѣ моемъ все было въ порядкѣ. Спутники мои кормили говядиною стараго и недужнаго орла. Благодарный, онъ сидѣлъ на канджѣ спокойно. Когда кто затрогивалъ его, онъ отклевывался гнѣвно: когда же гладили его по сѣрымъ перышкамъ, у него смѣжались вѣщіе зѣницы. Богъ знаетъ, сколько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ сей царь пернатыхъ. Египетская орлица лелѣяла его птенчество: а Русскіе люди призрѣли его въ старости и немощи. Видно, и орламъ на долю выпадаетъ необыкновенная судьба. Можетъ статься, нашъ орелъ былъ великодушенъ, миренъ, воздержанъ. За то Богъ послалъ насъ въ утѣшеніе ему. Кромѣ сего пернатаго наше вниманіе занялъ одинъ молодой Бедуинъ, котораго прислалъ шехъ стеречь насъ ночью. Мы послали его въ Бушъ за молокомъ съ желѣзнымъ ведеркомъ, и велѣли ему сбѣгать туда, какъ можно проворнѣе. Онъ скрылся и явился, но у самой палатки нашей запнулся о камень, упалъ и пролилъ молоко; однако въ одно

мгновеніе всталъ и отъ сокрушенія одеревѣнѣлъ. Жалко было смотрѣть на него: такъ сильно онъ горевалъ, смотря неподвижно на пустое ведро. Значитъ, Бедуины способны чувствовать сильно; и въ нихъ есть та естественная доброта и правота души, которая не прощаетъ даже неумышленнаго вреда ближнему. Такое заключеніе о нихъ дороже мнѣ было благовоннаго молока Египетскаго. Однако и оно требовалось къ душистому кофе. Я приласкалъ печальнаго Бедуина, и снова послалъ его за бѣлою влагою. Онъ полетѣлъ и прилетѣлъ съ нею, миновавъ камень претыканія.

Человѣкъ есть существо разумно — нравственное. Въ основѣ бытія его глубоко положены доброта, правота, наклоность къ порядку, равновѣсію, мѣрности, раскаяніе, исправленіе и прозорливость. Его внезапныя чувствованія, вдохновенія и дѣйствія суть наилучшія доказательства присутствія въ немъ духовной и умной силы. Нужны повсемѣстныя наблюденія надъ нимъ, чтобы понять его основательно и многосторонно. Стало быть, преподавателямъ ученія о душѣ (психологамъ) надобно пожить и между Бедуинами. И эти чада пустыни послужили бы имъ *данными* для составленія понятія о человѣкѣ.

Завтра я начну знакомиться съ бытомъ Бедуинскимъ. Завтра перенесусь въ пустыню св. Антонія, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ Бога и природы. Преподобне Антоніе! Тебѣ поручаю себя и всѣхъ присныхъ моихъ и молю тя: спаси насъ отъ всякаго зла.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ПУТЬ ВЪ МОНАСТЫРЬ СВЯТАГО АНТОНІЯ.

3, Середа.

Минуло восемь часовъ по полуночи, когда мы переправились въ лодкѣ на другую сторону Нила прямо противъ Буша. Было холодно. Домочадцы мои стали наливать воду въ бочки и укладывать вещи въ сѣти, нарочно сплетенныя изъ толстыхъ веревокъ для грузовъ. Ихъ обыкновенно вѣшаютъ по бокамъ верблюдовъ. Я обратилъ вниманіе на мѣстность. Тутъ берегъ Нила каменистъ. Изъ черной земли торчатъ маленькія скалы и каменныя ребра, кои рядами стелются къ рѣкѣ. Цвѣтъ ихъ бѣложелтоватъ. Вся окрестность одичала. Плугъ земледѣльца давно не бороздилъ тутъ жирной почвы; и она подъ осокою плачетъ по ячменѣ и пшеницѣ. Народонаселеніе въ Египтѣ, нѣкогда питавшемъ

12-ть милліоновъ жителей, уменьшилось отъ чумы, многоженства, невольничества, отъ угнѣтеній и переселеній, и потому сія плодороднѣйшая въ мірѣ страна не вездѣ обработана. Здѣсь близко къ Нилу подходитъ горная цѣпь Аравійская. Въ ея ущелія посматривали верблюды, которыхъ перевезли для насъ черезъ рѣку. Тамъ ихъ родина, тамъ ихъ и чутье. Наконецъ переѣхалъ къ намъ и гуммосъ Даудъ съ своимъ бѣлымъ и нечистымъ конемъ. Верблюдовъ навъючили. Мы сѣли на нихъ, перекрестились и двинулись, за два часа до полудня. А другъ нашъ орелъ улетѣлъ, куда желалъ.

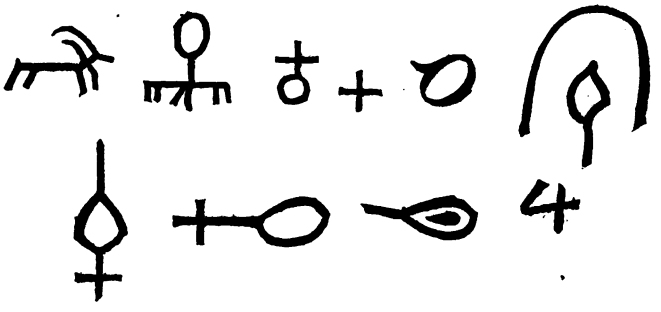
Отъ Нила до горнаго ущелія весьма близко. Наши верблюды скоро прошли поперекъ зеленаго поля, и одинъ за другимъ втянулись въ песчаную долину А́жбе, обставленную съ обѣихъ сторонъ горными отрогами, стелющимися къ Египетской водотечи. Не широка эта долина. Въ ней на желтомъ, глубокомъ пескѣ по мѣстамъ растутъ былія и колючки сладкія верблюжьей гортани. Дорога въ Ажбѣ поднимается непримѣтно. Рамы сей долины очень хороши. Отмѣнно живописенъ отрогъ правый, называемый Шебу́нъ. Онъ рѣзко отличается отъ лѣваго, валистаго кряжа, Ес-са́мра, своими вычурными вершинами. На немъ видишь то копны, то стоги, то

палатки, то домы, и въ добавокъ колоколенку, какъ будто цѣлая деревня съ церковію и со всѣмъ хозяйствомъ окаменѣла.

Шебунъ.

Когда мы поднялись выше, а Шебунъ понизился: взорамъ нашимъ представился направо отъ дороги высшій отрогъ горы, называемый Сауа̀рке. Мы направились къ нему и вошли въ юдоль Ля̀шіабъ. Она гораздо у̀же первой долины, но такъ же песчана и богата пажитію для верблюдовъ. Тутъ намъ было жарко отъ раскаленныхъ солнцемъ утесовъ.

Минули два часа́ по полудни. Поѣздъ нашъ сравнялся съ утесистою горою Аммаусу́мъ, что́ значитъ: мать знаковъ. Она окоймляетъ лѣвую сторону Ляшіабской юдоли. У подошвы ея лежатъ огромные камни. Или трясеніе земли сбросило ихъ туда; или они скатились по каплямъ дождевымъ. На нихъ вырѣзаны Бедуинами разные знаки. Я начертилъ нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ они:



На вопросъ мой, — для чего изсѣчены всѣ эти знаки, — проводники отвѣчали: «точь въ точь такіе знаки мы нажигаемъ на нашихъ верблюдахъ. Каждая семья у насъ имѣетъ свою мѣтку, и по ней узнаетъ своихъ животныхъ въ случаѣ ихъ покражи. Когда отыщется у кого пропавшій верблюдъ: соперники и свидѣтели являются къ шеху, и вмѣстѣ съ нимъ идутъ къ этому камню. Тутъ онъ по мѣткамъ узнаетъ, кому принадлежитъ верблюдъ, и такимъ образомъ рѣшаетъ сомнѣніе и споръ». Умное, простое и вѣрное средство придумано Бедуинами для узнанія правды. Своимъ мѣткамъ они не придаютъ никакого таинственнаго значенія. Серны, кресты, кружки, дуги, глазки, черты вырѣзаны ими, очевидно, потому что эти знаки очень просты. Напрасно ктобы по крестамъ заключалъ, что чертившіе ихъ были когда-то христіанами. Не вѣра, а смышленость придумала сей знакъ простѣйшій и легчайшій для

нажиганія на тѣлѣ существа живаго и горячо любимаго человѣкомъ кочевымъ.

Отъ Аммаусума мы поднимались незамѣтно еще сорокъ пять минутъ, и вошли въ верхнюю часть долины Ажбе. Здѣсь правая сторона ея обрамлена горою, похожею на крѣпостный валъ, а лѣвая обставлена обыкновеннымъ горнымъ кряжемъ, у подошвы котораго разстилалась наша дорога. Тутъ мы шагали еще часъ и пять минутъ, и начали опять подниматься на склонъ, называемый Жбей, который врѣзывается въ средину помянутой долины. У обоихъ боковъ его глубятся безобразныя рытвины, по коимъ дождевыя воды стекаютъ къ Нилу. Съ самой средины Жбея на западѣ видѣнъ внизу одинъ острый верхъ Шебуна. Стало быть, мы направляясь къ востоку, подались не много къ югу.

По Жбейскому склону, примыкающему къ самой вершинѣ горной цѣпи Аравійской, наши верблюды шагали въ теченіи сорока пяти минутъ. Тамъ вдали представилась намъ горная высь, стелющаяся съ юга на сѣверъ, ровная какъ площадь, и усѣянная черными кремешками. Средину ея въ томъ-же направленіи обозначалъ приземистый гребень, который Бедуины называютъ Гу́таръ ель-Бакара́тъ. Та́къ какъ у верховья Жбея въ рытвинѣ хранится дожде-

вая вода; то поѣздъ нашъ остановился у ней на ночлегъ въ половинѣ пятаго часа по полудни. Воды было много; но она мутна и нечиста. Этотъ верблюжій водопой доказываетъ, что въ здѣшней сторонѣ каплетъ съ неба.

Итакъ мы въ теченіи шести съ половиною часовъ поднимались отъ Нила постепенно въ направленіи къ юго-востоко-востоку по Ажбейской долинѣ, и взобрались на равнинную высь Аравійскую, вдоль разграниченную низкимъ гребнемъ Бакаратскимъ. Ежели мы въ часъ проходили три тысячи саженъ; то всего сдѣлали около сорока верстъ. Возвышеніе Бакарата надъ уровнемъ Нила и Средиземнаго моря должно быть значительно.

Трудъ мой въ настоящій день вознагражденъ былъ не много. Я полюбовался вычурными видами Шебуна и узналъ, какъ далеко и высоко отъ Нила до темени Аравійскаго горнаго кряжа, и какъ здѣшніе Бедуины чинятъ судъ и расправу по мѣткамъ, вырѣзаннымъ на каменной горѣ.

Не съ поводу ли такихъ мѣтокъ придуманы первыя письмена? Не знаю; но переходъ отъ мѣтки къ буквѣ естественъ, какъ переходъ отъ печати съ буквами къ изобрѣтенію книгопечатанія. Мѣтка уже означаетъ извѣстную мысль человѣка объ извѣст-

номъ предметѣ. Мысль есть внутреннее слово. Если же это слово можно выражать условными чертами; то и внѣшнюю рѣчь удобно означить чѣмъ-нибудь подобнымъ. Всего естественнѣе съ перваго раза означить ее изображеніями предметовъ, нарѣкаемыхъ внѣшнимъ словомъ. Если это вѣрно; то первыя буквы были рисованыя дерева, камни, рѣки, птицы, животныя, люди, звѣзды и пр. Стало быть іероглифъ предшествовалъ обыкновенной азбукѣ. Да и по памятникамъ самое древнее письмо есть іероглифическое.

Такія мысли занимали меня, когда я ночью лежалъ на своей походной кровати лицемъ къ небу, въ которомъ ярко горѣли звѣзды, эти буквы въ книгѣ всемірнаго бытія, которую величайшіе мудрецы читаютъ по складамъ.

Мысли — лучи души. А молитва теплота ея. Согрѣтый ею, я заснулъ сладко и крѣпко на Аравійской горной выси, въ таборѣ бедуинскомъ, подъ небомъ открытымъ.

4, Четвертокъ.

Меня разбудили предъ разсвѣтомъ. Утро было прохладно и тихо. Когда Бедуины начали вьючить

верблюдовъ; я пошелъ впередъ по торной тропинкѣ. Оканчивался шестый часъ.

Иду, подпираясь посошкомъ, и смотрю вокругъ. Горная песчаная равнина разстилается словно коверъ, протканный смурыми и черными мушками по темнобагряной канвѣ. Нигдѣ нѣтъ ни росинки, ни былинки, ни деревца, ни одного существа живаго. Одинъ Бакаратскій гребень, и тотъ каменный, мечется въ глаза. Онъ пересѣкаетъ дорогу къ св. Антонію.

Прошло сорокъ пять минутъ: я вперилъ взоръ мой въ даль предъ собою, и тамъ подъ небосклономъ увидѣлъ синюю полосу, протянутую съ запада къ востоку. Синева похожа была на ту, которая отсвѣчиваетъ отъ горъ вѣчныхъ. Я догадался, что вижу гору св. Антонія и въ восторгѣ запѣлъ: Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ, или кто вселится во святую гору твою? Ходяй непороченъ и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ, иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла.

Иду впередъ, подпираясь посошкомъ, и припоминаю мудрыя поученія богомудраго Антонія:

«Богъ есть единъ; посему и человѣкъ долженъ служить ему въ единствѣ и полнотѣ духа своего.

Если даже и многіе люди соединяются для служенія ему; они должны имѣть одинъ духъ и одно сердце».

«Добродѣтель, находящаяся въ насъ, требуетъ только произволенія человѣческаго. Лишь бы человѣкъ не осквернялъ того, что̀ даровала ему благодать божественная».

«Кузнецъ, взявъ кусокъ желѣза, наперед̀ъ смотритъ, что изъ него сдѣлать, косу, мечь, или топоръ. Такъ и мы наперед̀ъ должны помышлять: къ какой намъ приступить добродѣтели, чтобы не напрасно трудиться».

«Незлобіе — источникъ жизни вѣчной. Незлобивый подобенъ Богу. Онъ жилище Духа святаго».

«Дѣвство есть печать совершенства, подобіе чистоты ангельской, духовная и святая жертва».

Иду впередъ, подпираясь посошкомъ. Бакаратъ сталъ ближе и ниже. Видъ пустыни немного измѣнился. По крайнѣй мѣрѣ я замѣтилъ, что у самаго гребня горы ложбинами начинаются долины, спускающіяся къ Нилу. На руслахъ ихъ видна была зелень, но уже изсыхающая. Стало быть, отсюда дождевые потоки сбѣгаютъ въ водотечь Египетскую и питаютъ ее собою. Вотъ гдѣ поясняется не много, почему эта водотечь, не принимающая въ себя ни одной рѣчки на огромномъ протяженіи, не испа-

рается и не пересыхаетъ. Хотя замѣченныя мною русла не оставляли никакого сомнѣнія о перепаданіи здѣсь дождя; но по нимъ нельзя было судить ни о количествѣ, ни о времени его. Посему я спросилъ о томъ догнавшихъ меня проводниковъ. По увѣренію ихъ въ нынѣшнемъ году дождь три раза шелъ не только въ здѣшней пустынѣ и надъ Нилomъ, но и въ городахъ и деревняхъ Египетскихъ, и однажды съ утра до вечера.

Спустя два часа по отъѣздѣ съ ночлега мы переѣхали, или точнѣе сказать, перешагнули поперегъ Бакарата, который издали представлялся низкою каменною оградою, а вблизи оказался гребнемъ въ полномъ смыслѣ сего слова. Такъ какъ равнины, по обѣимъ сторонамъ его, походятъ на округлые бока чреватой коровы; то отъ сего подобія онъ и названъ, Бакарà: что́ значитъ, корова. Доколѣ мы двигались на низменной части округлой покатости его; дотолѣ хребетъ его издали, естественно, казался выше: а какъ скоро подошли къ нему, онъ почти сравнялся съ землею. По другую сторону его ясно обозначилась вправо гора св. Антонія. Она длинна, какъ молитва сего угодника Божія. А синева ея казалась подобоцвѣтною мантіею его. Вотъ видъ ея съ Бакарата:

Я начертилъ его, сидя на горбу верблюда, котораго держалъ за поводъ Бедуинъ. Очеркъ мой не изященъ, но вѣренъ.

По другую сторону Бакаратскаго хребта съ сѣвера на юго-востокъ тянется ложбина съ дождевымъ русломъ, называемая Нѣгэ. По сей сторонѣ мы непримѣтно спускались такъ же, какъ и поднимались по ту сторону, въ теченіи двухъ часовъ, въ направленіи къ юго-востоко-востоку, и неожиданно очутились въ кустистой долинѣ, называемой Снениръ. Было очень жарко. Кой-какая зелень манила насъ отдохнуть тутъ. Бедуины развъючили верблюдовъ и пустили ихъ пастись: а мы у одного тощаго куста подъ зонтиками расположились вкусить хлѣба и вина. Въ этотъ разъ я отъ усталости былъ молчаливъ и угрюмъ, какъ пустыня. Словоохотный же гуммосъ думая, что я чѣмъ-нибудь не доволенъ, такъ же молчалъ. Послѣ завтрака всѣ разбрелись по кустамъ и легли на зыбучемъ пескѣ. А мнѣ не хотѣлось и отдыхать. Я подозвалъ къ себѣ одного Бедуина и съ нимъ пошелъ по Снениру.

Эта долина, усыпанная желтымъ пескомъ, пріо-

сѣненная по мѣстамъ разными кустами, въ ростъ по грудь и плеча человѣку, и произращающая быліе травное, обставлена каменистыми кряжами и холмами. Лѣвый рядъ ихъ называется Сненѝръ, а правый Саннѹръ. Подъ кочками и кокорами въ долинѣ водятся змѣи. Жаръ въ ней при безвѣтріи былъ несносный. Палимый ею, я не могъ уклониться далеко отъ своего табора, и скоро воротился къ своимъ, ринулся на песокъ и началъ думать:

«Сненѝръ, Саннуръ, Сеннааръ — названія схожія. Онѣ означаютъ равнину. Сколько же Сенааровъ теперь я знаю? Три. Одинъ находится смѣжно съ Абиссиніею и Кордофаномъ и простирается вдоль восточнаго берега бѣлаго Нила, другой — здѣсь на пути въ монастырь св. Антонія, третій — въ Месопотаміи, гдѣ Немвродъ исполинъ построилъ города Вавилонъ, Орехъ, Архадъ и Халáнни. Вѣроятно, по Месопотамскому Сеннаару, названъ и Африканскій какимъ-нибудь царемъ, который вышелъ съ порубежья междорѣчія и завоевалъ Кордофанъ. Завоеватели, обыкновенно, даютъ вновь занятымъ мѣстамъ имена тѣхъ областей, городовъ и даже селеній, кои состояли въ ихъ прежнемъ владѣніи. Всѣ эти Сеннаары доказываютъ разселеніе Ноева племени по передней Азіи и Африкѣ».

Спустя часъ по прибытіи нашемъ на поле Сеннаарское, безводныя облака закрыли насъ отъ палящаго солнца. Подъ ихъ отрадною сѣнію мы отдохнули еще минутъ девяносто, и ровно въ двѣнадцать съ половиною часовъ снялись съ мѣста, и скоро опять взъѣхали на высь почти равную прежней. По ней поѣздъ нашъ тянулся къ юго-востоко-востоку черезъ три или четыре ложбины съ дождевыми руслами, въ теченіи трехъ часовъ, и остановился на ночлегъ въ пустомъ мѣстѣ, который Бедуины называютъ Абурйшъ. На сѣверо-западѣ были видны темныя облака. А по захожденіи солнца онѣ обложили все небо. Мы ждали дождя.

5, Пятница.

Однако его не было. Ночь въ Абуришѣ прошла тихо. Утромъ въ пять часовъ я по обыкновенію своему пошелъ пѣшій впередъ. Смотрю туда, гдѣ высится гора св. Антонія. Ее накрыло густое облако. Изъ-за одного края его восходило солнце, и поднимаясь, какъ бы запуталось въ немъ. Ядро и лучи небеснаго свѣтила вмѣстѣ съ клочками облака образовали лице человѣка съ бородою.

«Видимая природа есть великолѣпный чертогъ,

украшенный разными картинами, изъ коихъ однѣ стоятъ неподвижно и вѣчно, а другія являются и исчезаютъ, видоизмѣняясь поминутно. Но тѣ и другія равно очаровательны и многознаменательны». Это записано мною въ шесть часовъ утра въ Уади эн-Шашъ, гдѣ я, сидя на камнѣ, поджидалъ спутниковъ своихъ.

Они приближались; и я опять пошелъ впередъ съ бедуиномъ Аэшемъ. Чрезъ полчаса онъ обратилъ мое вниманіе на одну пещеру въ землѣ, налѣво у дороги, и велѣлъ мнѣ всунуть въ нее голову и послушать. Эта пещера, или точнѣе сказать, разсѣлина подъ уровнемъ земли очень мала, а отверстіе ея съ откосною ложбиною еще менѣе. Въ ней слышенъ былъ шумъ, какъ на мельницѣ, и извнутри ея вѣялъ вѣтерокъ. Очевидно, тутъ есть подземельная пустота, въ которой шумно обращается воздухъ. Бедуины называютъ эту пещеру Эн-Нешàшъ Ель-Мутелѐбъ: что́ значитъ, вѣяніе лисичье. На вопросъ мой, — не замѣчательно ли чѣмъ-нибудь это мѣсто, — они отвѣчали отрицательно.

Тутъ я сѣлъ на лошадь гуммоса Дауда. Она весьма бойко шла впереди нашего поѣзда, такъ что порой мнѣ надлежало поджидать его. Въ семь часовъ небо помрачилось, и съ запада подулъ рѣзкій сухій

вѣтеръ, предшественникъ палящаго и зловреднаго Хамсина. Бедуины окутали тряпицами свои головы и зажали ими уста; и я платкомъ обвязалъ свои уши и накинулъ на себя Арабскую шерстяную Абаю для защиты отъ вѣтра, который проникалъ до костей.

Въ восемь часовъ мы достигли до Уади Ахе́дыръ и по этой ложбинѣ, имѣющей дождевое русло, потянулись въ направленіи къ юго-востоко-востоку, понижаясь непримѣтно. Вѣтеръ усилился и возметалъ крупный песокъ. Кругомъ ничего не было видно въ бѣложелтоватомъ сумракѣ. Лишь привычные и зоркіе глаза одного Бедуина замѣтили дикую серну, перебѣжавшую намъ дорогу. Онъ помчался за нею во всю прыть, согнувшись въ дугу и держа подъ мышкою ружье съ зажженнымъ фитилемъ. Серна исчезла. Стрѣлецъ воротился съ обманутой надеждой.

Наступилъ десятый часъ дня. Удушливый вѣтеръ обратился въ вихрь. Тогда шехъ посовѣтовалъ мнѣ своротить съ большой дороги къ первымъ возвышенностямъ ближняго горнаго кряжа Ель-Аре́йда, и тамъ между холмами проѣхать до одного родника воды. Я, увидѣвъ позади себя нѣкоторыхъ навьюченныхъ верблюдовъ нашихъ и полагая, что и всѣ прочіе пойдутъ за шехомъ, своротилъ съ нимъ на лѣво въ первую горную дебрь, тянущуюся вдоль

помянутаго кряжа къ югу. Она узка, камениста и ухабиста. Тутъ было тише. Но порой палящій вихрь прорывался сквозь ущелія, и ударяясь о лѣвыя скалы дебри, отражался отъ нихъ, кружился и засыпалъ насъ крупнымъ пескомъ. У меня въ глазахъ изсохла вся влага, а въ уши, ноздри и уста набился песокъ. Въ теченіи ста двадцати минутъ я мучился такимъ образомъ, и въ самомъ концѣ одиннадцатаго часа спѣшился у родника воды, называемаго Ель-Арѣйда по имени горы, у подошвы которой онъ укрытъ въ ямѣ подъ осокою. Вода въ немъ чиста, прозрачна и холодна, но пахнетъ сѣрою. А осока зелена, густа и высока. Подъ нею у самой воды я укрылся отъ палящаго Африканскаго вѣтра, этого бѣса полуденнаго, и освѣжился не много.

Сижу тутъ, поджидая дружину свою, и порой поглядываю на бойную дорогу. Ничего и никого не видать тамъ. Прошло полчаса. Дружины моей нѣтъ. Минулъ полдень. Дружины моей нѣтъ. А Хамсинъ такъ и воетъ и реветъ и ходенемъ ходитъ по пустынѣ, песокъ мечетъ въ небо, пламень льетъ на землю, мракомъ повиваетъ горы. Я дрогнулъ. Сердце мое сжалось отъ мысли: не случилось-ли что-нибудь недоброе съ присными моими. Спросилъ шеха: гдѣ же наши? Онъ только пожалъ плечами. Въ эту ми-

нуту молніею блеснула во мнѣ ужасная мысль: не жертва ли я коварныхъ и кровожадныхъ Бедуиновъ. У меня подрало по кожѣ. Но молитва къ Богу успокоила мое сердце. Шехъ, казалось, понялъ тревогу души моей, и усѣвшись подлѣ меня, началъ показывать маніями рукъ своихъ, что мои-де спутники или тихо ѣдутъ, или гдѣ нибудь пережидаютъ бурю, и что они непремѣнно прибудутъ къ источнику, потому что онъ находится на пути. Въ лицѣ его выражались кротость и увѣренность. Въ эти минуты у меня немного отлегло отъ сердца. Но когда прошелъ еще часъ, и дружина моя не появлялась: я опять встревожился и оробѣлъ. Къ отрадѣ моей эта тревога была минутная. Ибо жданные прибыли.

Сердечные! Въ четыре часа они почернѣли, какъ головни. Глаза ихъ налились кровью; уста запеклись и истрескались; кожа на рукахъ сморщилась; вода въ мѣхахъ ихъ вскипѣла; а песку на нихъ, песку! Истомленные жаждою, они напали на воду, какъ олени. Она хоть и смрадна, но показалась слаще меда. Я къ нимъ съ вопросами: а они и отвѣчать не могутъ. До того замучилъ ихъ злой Хамсинъ.

Послѣ краткаго роздыха мы объяснились. Я открылъ имъ свое горе и предъ ними самъ себя пожурилъ за то, что уклонился въ сторону, не заста-

вивъ шеха посмотрѣть: всѣ ли ѣдутъ за мною. А они не безъ огорченія высказали мнѣ свои тревоги, страхи и опасенія. Оказалось, что они, потерявъ меня изъ виду въ песочномъ дождѣ и предполагая, что я ѣду впереди, шли по большой дорогѣ ускореннымъ ходомъ, чтобы догнать меня въ часъ страшной непогоды; но когда вожатые потеряли слѣдъ мой и объявили имъ, что меня нѣтъ на этомъ пути: тогда они пріостановились и начали стрѣлять изъ пистолетовъ, чтобы дать мнѣ знать о себѣ, истративъ же нѣсколько зарядовъ напрасно, двинулись впередъ, и въ полдень, когда Хамсинъ страшно свирѣпствовалъ въ пустынѣ, опять остановились и разослали Бедуиновъ въ четыре стороны отыскивать меня. Сыщики воротились къ нимъ одни. Это встревожило дружину мою. Родились недоумѣнія, подозрѣнія, опасеніе, огорченіе, скорбь и робость. Но проводники догадались, что я съ шехомъ долженъ быть у Арейдскаго источника, и повели злополучныхъ туда.— Послѣ этого объясненія рѣшено было никогда, нигдѣ, и ни въ какомъ случаѣ неразлучаться въ дорогѣ.

Около двухъ часовъ по полудни Хамсинъ началъ утихать. Шехъ предложилъ намъ отъѣхать до широкой долины Арабы и тамъ провести ночь, дабы

завтра ранѣе поспѣть въ монастырь св. Антонія. Мы, не смотря на утомленіе, рѣшились отправиться. Пока въючили верблюдовъ; я присмотрѣлся къ лицевой линіи горы Арейды, обращенной къ западу. Тутъ она невысока, но скалиста, отвѣсна и гола. Въ цѣпи скалъ нѣкоторые холмы имѣютъ видъ пирамидъ, другіе походятъ на крѣпостныя башни и стѣны. А сложены они изъ известковаго песчаника.

Въ два часа и тридцать минутъ поѣздъ нашъ тронулся съ мѣста, и въ половинѣ пятаго остановился на ночлегъ въ широкой долинѣ Ель-Араба́.

Велика была злоба настоящаго дня. Мы узнали, что такое Хамсинъ. Ежели онъ страшенъ въ первыхъ порывахъ его; то въ полномъ разгарѣ долженъ быть ужасенъ. Гдѣ-то намъ придется терпѣть отъ него? А хочется испытать его грозную силу. Ибо души сокрушить онъ неможетъ.

6, Суббота.

Есть цвѣтокъ, который не вянетъ и въ знойной пустынѣ. Это—надежда. Благовоніе его я ощущалъ сегодня утромъ, и въ радости говорилъ своимъ: «съ нами Богъ; и мы будемъ у св. Антонія».

Въ пять часовъ четвероногіе корабли понесли насъ поперекъ открытой долины Ель-Арабы, направляясь къ юго-юго-востоку. Сидимъ на нихъ и качаемся. У насъ четки въ рукахъ, молитва въ устахъ, пустыня предъ глазами: что болѣе нужно? Молись и наблюдай, а когда есть письмоводитель-карандашъ, то и сказуй ему, что видишь. Но что наблюдать тамъ? Какъ что? — вся красная пустыня.

Долина Ель-Араба, т. е. колесничная, узко начинается у гребня горнаго кряжа Аравійскаго, и между двумя высокими горами, изъ которыхъ лѣвую называютъ Гала̀лъ, а правую Араба̀, растилается къ Чермному морю, понижаясь и разширяясь такъ, что образуетъ собою тріугольникъ, котораго основаніе весьма широко. Въ этомъ основаніи она уставлена отдѣльными приземистыми буграми, которые издали походятъ на палатки Бедуиновъ. По намѣренію премудраго Зодчаго, который все зиждетъ по мѣрѣ и числу, и который предвидѣлъ, кто будетъ обитать въ сей долинѣ, дождевыя воды съ высотъ горныхъ сбѣгаютъ въ нее въ перекрестныхъ направленіяхъ, и орошая ее обильно, способствуютъ произрастенію тучной пажити для верблюдовъ. Тутъ весною Бедуины кочуютъ и пасутъ свой скотъ. Тутъ имъ такое приволье, что они почитаютъ и называютъ это мѣсто

своимъ раемъ. Перекрестныя русла, зеленые кочки и кусты, въ разныхъ мѣстахъ высящіеся холмы, разнообразные бока и вершины горъ, издали придаютъ сей долинѣ видъ узорчатый. А освѣщеніе ея отъ солнца такъ художественно, что я отказываюсь описывать его. Невозможно выразить перомъ всѣ тончайшіе переходы свѣта къ тѣнямъ, и разные отливы и игру его. Верблюдъ въ такой пустынной юдоли кажется красавцомъ. Ломаныя линіи тѣла его весьма пригожи къ ломанымъ изгибамъ окрестныхъ горъ. Въ немъ видишь словно холмъ ходящій. Безмолвіе пустыни, рѣдко нарушаемое или ревомъ животныхъ, или шумомъ вѣтра, или однотоннымъ свистомъ какой-нибудь птички отшельницы, утишаетъ помыслы и настроиваетъ душу къ молитвѣ и къ успокоенію въ Богѣ. Замѣчательно, что въ пустыняхъ пернатые и люди не умѣютъ пѣть кудряво. Стало быть, мѣстность имѣетъ вліяніе на образованіе голоса и напѣва. Нѣжная и тонкая трель не была бы слышна въ обширной степи песчаной. Тамъ пристойны и нужны ревъ, рыканіе, свистъ, дикій голосъ бедуина, и простые звуки, отъ которыхъ бываетъ полное эхо.

Проводники наши говорили, что по Арабайской долинѣ прошелъ Еврейскій народъ изъ Египта къ

Чермному морю. Если бы это была правда; то Гессемская земля, данная фараономъ Іакову для обитанія, пришлась бы въ нынѣшнемъ Фаюмѣ: это многоводный и плодороднѣйшій околотокъ на западѣ отъ Бенисефа. Но нынѣшнимъ Бедуинамъ вѣрить въ этомъ нельзя, потому что сами они очень недавно пришли сюда изъ счастливой Аравіи. При томъ Библейское повѣствованіе о изходѣ Израильтянъ изъ Египта и о трехдневномъ путешествіи ихъ къ Чермному морю никакъ не можетъ быть приложено къ помянутой мѣстности. Ибо отъ Фаюма до сего моря, при переправѣ чрезъ Нилъ, многочисленному народу со скотомъ и имуществомъ невозможно было достигнуть въ три дни.

Въ ель-Арабѣ у насъ случилось несчастіе. Когда мы въ третьей четверти девятаго часа проѣхали Уади-ель Буэ́ратъ: іеродіаконъ нашъ вздремнулъ на верблюдѣ, и упавъ съ него, вывихнулъ кисть правой руки. Здоровый и сильный, онъ скоро перемогся и продолжалъ путь. А то пришлось бы бѣдствовать съ нимъ въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ костоправовъ.

За полтора часа до полудня мы остановились на короткое время въ Уади А'схаръ у отдѣльнаго каменнаго холма, называемаго Глебъ ер-Ра́хебъ, т. е. сердце монаховъ, и вкусили хлѣба и соли. Не знаю,

почему сей холмъ получилъ такое названіе. Легко вздумать, что подлѣ него происходило сердечное прощаніе древнихъ отшельниковъ, когда они на великій постъ расходились въ окрестныя горы, и что сами они наименовали его такъ. Легко предположить и то, что на семъ холмѣ древле водруженъ былъ крестъ въ показаніе, что эта грань въ отношеніи къ разнымъ жилищамъ монаховъ въ окрестныхъ мѣстахъ есть тоже, что сердце въ отношеніи къ прочимъ частямъ тѣла. Но вѣроятно, холмъ съ какой нибудь стороны кажется похожимъ на сердце. А такъ какъ въ окрестностяхъ его жили монахи; то и назвали его сердцемъ монашескимъ. Какъ бы то ни было, но сіе названіе знаменательно и прилично. Ибо сердце истиннаго монаха крѣпко, какъ холмъ. Отверженіе его отъ міра, діавола и себя самаго непоколебимо, какъ холмъ. Разные прилоги вражіи не губятъ его, присно пребывающаго въ Богѣ, какъ вѣтры, вихри, бурные потоки не сокрушаютъ холма, утвержденнаго на незыблемомъ основаніи. Житіе монашеское сурово и жестоко, какъ холмъ каменный.

Отъ Глебъ ер-Рахеба до монастыря св. Антонія разстояніе измѣряется двухчасовою ѣздою на верблюдѣ. Двинувшись оттуда, мы чрезъ тридцать ми-

нутъ достигли до глуби русла дождеваго потока, называемаго Уа̀ди Ра́біа, т. е. весенняго, и переѣхали поперекъ его. Тутъ стоитъ большой камень красноватый, на которомъ вырѣзаны верблюжьи мѣтки. Еще прошло полчаса, и вдали у подошвы горы показалась обитель перваго христіанскаго отшельника въ бѣловатомъ туманѣ. Я возрадовался, перекрестился и вперилъ въ нее взоръ свой, но не могъ различить ни ограды, ни келлій, ни церквей ея. Ибо вся она, такъ сказать, повита была дрожащимъ свѣтомъ и мерцаніемъ Хамсина, какъ бѣлою пеленою, и казалась призрачнымъ ма́ревомъ, въ которомъ отражались зеленыя финичія, а не осязаемымъ жилищемъ людскимъ.

Напротивъ ея у подошвы горы Галалской, по словамъ Бедуиновъ, находятся развалины монастыря Бе́рда, и именно, часть ограды и церкви, у родника сладкой воды, пріосѣненнаго финичіями. Разстояніе сихъ развалинъ отъ обители св. Антонія измѣряется четырьмя часами ходьбы. Слѣдовательно Арабайская долина тутъ простирается въ ширину на двадцать верстъ. Ничего болѣе не могъ я узнать о Бердѣ отъ проводниковъ моихъ. Бедуины называютъ по именамъ всѣ свои горы и долы, холмы и дорожки, родники и дождевые потоки; а повѣство-

ванія о временахъ минувшихъ отъ нихъ не ожидай. Человѣкъ полудикій живетъ въ настоящемъ.

Поминутно мы приближаемся къ монастырю св. Антонія; и онъ постепенно вырастаетъ предъ нами, отдѣляется отъ смѣжной горы и обозначается въ полномъ составѣ своемъ. Вотъ видна ограда монастырская, словно полотняный, четвероторонній и многоребристый щитъ, подвязываемый къ походному шатру. Переднія и боковыя линіи ея пересѣкаются подъ прямыми углами, а одна задняя у горы закруглена. Главныхъ зданій внутри еще нельзя различать, потому что онѣ тонутъ въ зелени разныхъ деревъ. Мы еще ближе, и вотъ видно: монастырь стоитъ на равнинѣ Арабайской у подошвы высокой и крутоярой горы; за нимъ бѣлѣетъ небольшая полоса земли, какъ будто тамъ пролито верблюжье молоко; на сѣверной сторонѣ его замѣтенъ подъемный входъ; изъ-за ребристой ограды желтаго цвѣта выказываются зубчатая башня, полукуполы церквей и верхи прочихъ строеній. Мы еще ближе. Гора св. Антонія мечется въ глаза. Вершина ея усѣчена отвѣсно. Ниже этого усѣка, съ западной стороны монастыря, безчисленныя отсыпи камней и наплывы глины, пепловиднаго цвѣта, въ видѣ островерхихъ кучекъ, рядами тянутся съ половины горы къ подошвѣ ея;

и издали кажется, будто несчетные лики монаховъ въ острыхъ кукуляхъ и въ сѣрыхъ мантіяхъ вышли изъ монастыря и усѣлись на скатѣ горы, въ неподвижномъ и безмолвномъ ожиданіи набожныхъ гостей. А съ восточной стороны обители, позади ея, водружены какъ бы палатки для странниковъ, окрашенныя цвѣтомъ желтой глины и покрытыя пепловымъ лоскомъ: это холмики у подошвы горы. Вдали, къ морю, разноголовые утесы отвѣсно стоятъ у Арабайскаго поля, повитые бѣловатымъ туманомъ Хамсина. Все это вмѣстѣ свивается, развивается, соединяется, раздробляется, освѣщается, тускнетъ, словомъ, выказывается въ такой постепенности, въ такомъ разнообразіи и единствѣ, и подъ столь измѣнчивыми личинами, что перо мое не въ состояніи изобразить всѣ эти перемѣны и оттѣнки, кои вѣрно отражались въ глазахъ моихъ. Одно главное впечатлѣніе могу я высказать кратко. Обитель св. Антонія издали казалась мнѣ маревомъ, поближе картиною подъ лакомъ, случайно положенною на землю наклонно; и наконецъ вмѣсто картины явился предо мною образъ, составленный изъ крупнѣйшей мозаики, т. е. изъ камней, холмовъ, утесовъ и деревъ. Минуты, въ кои совершалось это превращеніе обители картинной въ рукозданную у подошвы

горы нерукотворенной, были минуты восхитительныя. Надобно быть на мѣстѣ и въ часы мерцанія Хамсина, чтобы имѣть живое понятіе о томъ, какъ въ пустыняхъ отдаленные предметы сперва кажутся маревомъ, потомъ картиною, и наконецъ существенностію. Надобно видѣть отливы, переливы, переходы и игру свѣта и тѣней въ Арабайской долинѣ, обрамленной двумя длинными горами, чтобы насладиться очаровательными превращеніями мнимыхъ призраковъ въ дѣйствительность.

У ограды обители очарованіе смѣнилось радостію, какая обыкновенно чувствуется по многотрудномъ достиженіи цѣли вожделѣнной. Тутъ мы спѣшились и стали въ тѣни, отбрасываемой высокими стѣнами, складенными изъ тесаныхъ камней. Воротъ въ нихъ нѣтъ. Монаховъ и пришельцовъ поднимаютъ на веревкѣ, какъ въ обители Синайской. Пустынные отцы не ожидали нашего пріѣзда, и потому долго не показывались у подъема. А постучаться было не во что. Въ это время изъ за восточнаго угла монастыря показалась Бедуинка въ рубищахъ съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, подозвала къ себѣ одного изъ нашихъ вожатыхъ и поцѣловала его, а у шеха нашего облобызала руку. Она мать сего вожатаго. Это зрѣлище умилило меня. Материнское сердце

вездѣ одинаково. Оно любитъ и въ пустынѣ; и тамъ, какъ и вездѣ, поцѣлуй матери есть нѣжная на устахъ встрѣча души ея съ душею родною. Такая встрѣча семейная смѣнилась гостепріимною. Монахи появились на стѣнѣ у навѣснаго подъема и тотчасъ спустили къ намъ толстую веревку съ петлею на концѣ. Нашъ переводчикъ, первый, ступилъ въ эту петлю лѣвою ногою, схватился обѣими руками за веревку, и такъ на одной ногѣ былъ поднятъ наверхъ воротомъ, утвержденнымъ на толстой стѣнѣ подъ навѣсомъ. Потомъ такимъ же способомъ подняли дружину мою, и наконецъ меня. Вожделѣнно восходить къ небесамъ, хотя и трудно. Однако надобно крѣпко держаться за благодать вѣрою: иначе, упадешь и погибнешь. У ворота стоялъ игуменъ съ братіею, и было поставлено церковное кресло для меня. Какъ только я переодѣлся пристойнѣе и сѣлъ на приготовленное сѣдалище: мнѣ и о. Ѳ. дали въ руки по мѣдному кресту, потомъ окадили всѣхъ насъ по чину храмовому, и за тѣмъ начался крестный ходъ. Всѣ монахи въ темносинихъ рясахъ и черныхъ завивалахъ на головѣ, съ предлинными вѣтвями масличными и финиковыми, пошли впередъ попарно, и спустившись со стѣны по уступамъ лѣстницы, продолжали шествіе до церкви, воспѣвая какой-то свя-

щенный стихъ. За ними и мы въ облакахъ θvміама, воскуряемаго молодыми vподіаконами, шли между тѣсными зданіями монастырскими. Когда крестный ходъ нашъ приблизился къ церквамъ: начали благовѣстить въ колоколъ. Отъ чистыхъ звуковъ его зазвучала въ насъ чистая радость. Насъ привели, сперва, въ древнѣйшій храмъ св. Антонія, а потомъ въ смѣжный съ нимъ соборъ прямо въ алтарь. Тутъ всѣ мы обошли кругомъ престола, цѣлуя углы его, и вышедши изъ царскихъ вратъ, продолжали шествіе по всему собору около стѣнъ, снова входили въ алтарь, опять лобызали четыре угла престола, и еще разъ прошли по всей церквѣ. Послѣ сего меня посадили на убранное шелковыми пеленами кресло предъ алтаремъ на лѣвой сторонѣ, и дали мнѣ въ руки возженный трикирій. Монахи же столпились предо мною, кадили меня поочередно, цѣловали мои руки, и пѣли, ударяя мѣдныя блюдца одно о другое, звоня въ колокольчикъ и стуча въ стальной тріугольникъ. Я престепенно сижу на креслѣ и только посматриваю на постныя и желтыя лица пустынниковъ и прислушиваюсь къ тихому пѣнію ихъ. Они жужжали, какъ пчелы.

Этотъ обрядъ ихъ былъ такъ продолжителенъ, что спутники мои потеряли терпѣніе и вышли изъ собора.

Наконецъ, одинъ іеромонахъ спросилъ мое имя, и разогнувъ большую книгу, началъ читать привѣтствіе на Арабскомъ языкѣ. Изъ всего я понялъ только часто повторяемыя слова: «радуйся, авва Порфиріе». Слышно было, что они ублажали меня разными привѣтами. Терпѣніе мое въ этотъ разъ не истощилось, хотя я былъ истомленъ въ дорогѣ, и съ меня лился потъ градомъ.

Привѣтствіемъ кончился обрядъ принятія поклонниковъ; и я успокоился въ палаткѣ, поставленной въ саду подъ огромными финичіями близъ собора, послѣ заботъ о несчастномъ іеродіаконѣ, который много страдалъ отъ ушиба и отъ растиранія вывихнутой кисти ручной надъ парами.

Предъ захожденіемъ солнца, по желанію моему, принесли мнѣ списокъ помянутаго привѣтствія. Вотъ переводъ его слово въ слово:

Привѣтствіе и похвальное слово Коптскихъ монаховъ, обитающихъ въ монастырѣ Великаго Антонія въ пустынѣ Египетской.

«Съ любовію начинаю говорить честности твоей, блаженнѣйшій отецъ нашъ N. Какой языкъ человѣческій можетъ изрѣчь добродѣтели твои, друже христовъ N, отче нашъ святый? Ты сохранилъ

стадо христово отъ кровожадныхъ волковъ, да нерасхитятъ оное. Ты насадилъ и напоилъ виноградъ христовъ; и онъ принесъ плодъ сторичный, и шестидесятный и тридесятный. О, величайшій изъ православныхъ митрополитовъ, отче святый авва... пастырю вѣрный, проповѣдниче истины, водящій овцы свои на водные источники жизни и спасенія, избранный богомъ отъ чрева матери твоея и поставленный отъ него архистратигомъ необоримымъ и страшнымъ! Радуйся отче нашъ, авва..., подвизавшійся добрымъ подвигомъ апостоловъ, пришедшій днесь къ намъ и напоившій насъ отъ источниковъ словесъ твоихъ святыхъ. Радуйся отче нашъ авва..., законоположившій и утвердившій апостольскія правила и заповѣди монахамъ и мірянамъ. Радуйся отче нашъ, авва..., стяжавшій неувядаемый и небесный вѣнецъ христа, котораго возлюбилъ ты. Моли господа о насъ, да проститъ грѣхи наши. Возвеличилась хвала твоя, отче нашъ авва... и крестъ твой простерся до краевъ земли, и всѣ народы отъ востока солнца до запада вѣдаютъ славу твою. Добро пожаловалъ къ намъ днесь, отче нашъ святый, да исправишь насъ животворными ученіями твоими. Добро пожаловалъ къ намъ отче нашъ, авва..., новый іоаннъ по дѣйству твоему. Добро по-

жаловалъ къ намъ отче нашъ, авва.... Давидъ царь съ сердцемъ твоимъ. Радуйся духоносне отче нашъ, авва..., ближній богу ради преосвященства твоего. Радуйся отче нашъ, авва..., звѣзда сіяющая во вселенной благочестіемъ твоимъ. Радуйся отче нашъ, авва..., зиждущій на незыблемомъ камени. Радуйся отче нашъ, авва..., преемниче великаго законоположника іисуса христа господа нашего.

Молитвами святаго отца нашего аввы..., господи іисусе христе помилуй насъ. Аминь.

Это привѣтствіе пустынные отцы читаютъ патріархамъ своимъ.

Ночь проведена была мною безпокойно отъ усталости, удушья и отъ Семума, изсушившаго воздухъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ СВ. АНТОНІЯ.

7, Воскресенье.

Въ два часа по полуночи раздался благовѣстъ къ утренѣ. У меня не было силъ приподняться съ постели. Я слышалъ пѣніе монаховъ, и то засыпалъ, то пробуждался, то молитву творилъ: святый Антоніе, моли Бога о насъ.

КОПТСКАЯ ЛИТУРГІЯ.

Съ разсвѣтомъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. Всѣ мы пошли въ соборную церковь. Монахи чинно стояли у стѣнъ ея, опираясь на костыли свои. Я съ о. Ѳ. вошелъ въ алтарь, чтобы наблюдать ходъ обѣдни. Служащій игуменъ Павелъ одѣтъ былъ въ бѣлый полотняный хитонъ съ краснымъ крестомъ на

спинѣ, безъ по́ручей. А голова его накрыта была бѣлымъ убрусомъ съ длиннымъ полотенцемъ, которое низпадало по спинѣ. Точно такое облаченіе было и на діаконѣ. Уподіаконы же прислуживали въ своихъ ежедневныхъ рясахъ, поверхъ которыхъ на персяхъ и спинѣ перекрещивался параманъ, сплетенный изъ ремешковъ красной кожи.

Служили литургію Василія великаго. Она началась возношеніемъ ѳуміама въ алтарѣ. Весь этотъ обрядъ состоялъ въ молитвахъ и въ частомъ кажденіи надъ дискосомъ и чашею, кои подъ покровами стояли въ ковчегѣ на престолѣ. Кадили и по всей церквѣ. Замѣчательно, что Копты описываютъ кадиломъ крестъ въ воздухѣ большими и смѣлыми размахами. Когда же священникъ подходитъ къ братіямъ; то не помаваетъ предъ ними кадильницею, а только держитъ ее въ лѣвой рукѣ, правою же дѣлаетъ рукобитіе, прилагая ладонь къ ладони и мгновенно поворачивая ее: такой же поворотъ къ ней дѣлаетъ и тотъ, кого онъ кадитъ. У Коптовъ такъ же, какъ и у насъ, святый престолъ въ алтарѣ есть четвероугольникъ равносторонній, а не продолговатый, какъ у Грековъ.

За возношеніемъ ѳуміама послѣдовала проскомидія. Предъ начатіемъ ея принесли къ царскимъ

вратамъ на блюдѣ односоставныя просфоры и вино въ стклянице. Неслужившій игуменъ Даудъ осмотрѣлъ хлѣбцы, отвѣдалъ лознаго, и нашелъ ихъ уставными. Послѣ сего эти принадлежности были внесены въ алтарь и положены на престолѣ. Ибо у Коптовъ особаго жертвенника нѣтъ. На срединѣ престола стоялъ деревянный ковчегъ четвероугольный. Его открыли. На немъ видны были лики святыхъ, а въ немъ стояла позлащенная чаша. Позади его лежалъ крестъ на подушкѣ, а спереди стоялъ серебреный дискосъ въ родѣ вогнутаго круглаго блюда, съ звѣздицею; на углахъ же св. трапезы положено было нѣсколько паръ шелковыхъ покрововъ. Проскомидія состояла въ потираніи одной просфоры ладонью и пальцами: при чемъ воспоминались имена живыхъ и умершихъ. Потомъ игуменъ Павелъ влилъ вино и воду въ потиръ, накрылъ Дары большимъ, шелковымъ, штучнымъ покровомъ, и окадилъ ихъ, всю церковь и всѣхъ монаховъ крестообразными размахами. Старцы же предъ окончаніемъ проскомидіи что-то говорили тихо. Вѣроятно, они воспоминали имена, или читали какой-нибудь псаломъ.

Я чаялъ, что игуменъ Павелъ возгласитъ: благословенно царство, а діаконъ, миромъ Господу помолимся. Но не то было. У Коптовъ въ началѣ литургіи нѣтъ ни

ектеній, ни стихословій. Вскорѣ послѣ проскомидіи началось чтеніе апостола на языкахъ Коптскомъ и Арабскомъ. Одинъ изъ ѵподіаконовъ, не облаченный, сталъ у правой стороны царскихъ дверей лицемъ къ западу, и на распѣвъ прочелъ по Коптски два или три стиха изъ посланія ап. Павла. А діаконъ служащій и одѣтый въ бѣлый хитонъ помѣстился за средохрамною рѣшеткою, и зря къ западу, прочелъ тотъ же апостолъ по Арабски, но весь. Послѣ него тотъ же ѵподіаконъ пропѣлъ не большое зачало изъ соборнаго посланія Іоанна на Коптскомъ языкѣ: то же самое, но все сполна повторилъ діаконъ по Арабски. Наконецъ оба они, одинъ за другимъ, на тѣхъ же языкахъ прочитали рядовое зачало изъ дѣяній апостольскихъ, одинъ не все, а другой все.

Весьма замѣчательна такая преемственность чтенія на двухъ языкахъ, священномъ и народномъ. Она, во первыхъ, показываетъ, что Копты имѣютъ величайшее уваженіе къ своему древнѣйшему языку и переводу на немъ св. писанія, во вторыхъ, напоминаетъ исконный обычай христіанскихъ церквей читать напередъ подлинный текстъ апостола и евангелія, и потомъ переводъ его. Начинаніе же и недоконченность чтенія рядовыхъ зачалъ на Копт-

скомъ языкѣ я объясняю такъ. Должно быть, первые основатели христіанской церкви въ Египтѣ во время богослуженія читали апостолъ и евангеліе на Греческомъ языкѣ точь въ точь, какъ у насъ читаютъ въ пасху т. е. по два или по три стиха, и въ тоже время дозволяли знающимъ сей языкъ переводить эти стихи на народное нарѣчіе слово въ слово. Когда такимъ образомъ весь новый завѣтъ былъ переведенъ по Коптски; тогда хотя уже и не было нужды въ Греческомъ подлинникѣ, но благоговѣніе къ нему осталось; впрочемъ дабы отъ полнаго чтенія его не длилось долго богослуженіе, начали возглашать только первые стихи Греческихъ рядовыхъ апостоловъ и евангелій, сполна же читали переводъ ихъ. Постоянный обычай укоренилъ это. Когда же Копты, заразившись монофизитскою ересію, отдѣлились отъ православной Греческой церкви, и забывъ свой матерній языкъ, начали говорить по Арабски; тогда клиръ ихъ совсѣмъ оставилъ Греческій подлинникъ новаго завѣта, и вмѣсто его сталъ читать древнѣйшій текстъ свой Коптскій какъ священный, а для народа — переводъ Арабскій, но удержалъ старинный обычай, по которому текстъ первоначальный читаемъ былъ не весь, переводный же и народный — весь сполна.

Когда діаконъ кончилъ чтеніе зачала изъ дѣяній апостольскихъ; пѣвцы пропѣли, аллилуія. Потомъ игуменъ Даудъ, ставъ лицемъ къ югу, прочелъ изъ Арабскаго сѵнаксаря краткое житіе св. Іоанна златоустаго, потому что въ настоящій день совершалась память его по Коптскому мѣсяцослову. Почему же онъ обратился къ югу, когда всѣ зрѣли на востокъ? Думаю, что поученія и житія святыхъ, по особенному мѣстному уставу, древле читались здѣсь попеременно предъ правымъ и лѣвымъ ликомъ старцовъ, слѣдовательно чтецъ обращался лицемъ то къ югу, то къ сѣверу, и что по этому древнему уставу нынѣ сѵнаксарь прочтенъ былъ какъ бы лику правому.

Умолкъ игуменъ Даудъ. Начался крестный ходъ изъ алтаря по всей церквѣ съ иконою сошествія Христа во адъ. Ее несли два монаха на рукахъ своихъ. Ѵподіаконы кадили предъ нею, а всѣ предстоящіе цѣловали ее. Этотъ обрядъ совершается у Коптовъ только съ Пасхи до Пятьдесятницы.

По окончаніи его икону поставили въ уголъ алтаря, а пѣвцы запѣли: святый боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, воскресый изъ мертвыхъ, помилуй насъ.

Послѣ трисвятой пѣсни, о. Даудъ прочелъ еван-

геліе по Коптски на налоѣ, обратясь лицемъ къ алтарю, а служащій игуменъ во все время чтенія онаго стоялъ впереди у праваго угла налоя и кадилъ.

Окончено евангеліе. Послышалась молитва о мирѣ. «Просимъ и молимъ благость твою, человѣколюбче: помяни господи миръ единыя, святыя, соборныя и апостольскія церкве твоея.... миръ оный небесный ниспосли въ сердца наша, обаче и миръ жизни сея милостивно намъ даруй и пр.» Эта молитва очень длинна. У насъ въ томъ видѣ, какъ у нихъ, ее нѣтъ.

За нею послѣдовало чтеніе символа вѣры Никейскоцареградскаго, и началось такъ называемое Возношеніе по чину св. Василія Великаго.

Діаконъ возгласилъ: Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ.... вонмемъ.

Пѣвцы отвѣчали: Милость мира, жертва хваленія.

Священникъ. Господь со всѣми вами.

Пѣвцы. И со духомъ твоимъ.

Священникъ. Горѣ вознесите сердца ваша.

Пѣвцы. Имамы ко господу.

Священникъ. Благодаримъ господа.

Пѣвцы. Достойно и праведно есть.

Всѣ эти возгласы и отвѣты произнесены были на Греческомъ языкѣ грубымъ Коптскимъ выгово-

ромъ, напр: а̀ксыонъ кѐ дыкэонъ эстѝ. Агыосъ, а́гьюсъ, а́гыосъ кю̀ріосъ... Копты помнятъ, что ихъ предки приняли христіанскую вѣру отъ Грековъ, и удерживаютъ многія греческія рѣченія въ своемъ богослуженіи, но просвѣтителей своихъ не любятъ.

Далѣе литургія продолжалась, какъ у насъ, съ малою разницею въ словахъ, которая нисколько не измѣняетъ сущности сего тайнодѣйствія.

Послѣ призыванія св. Духа на Дары, игуменъ Павелъ обмакнулъ свой указательный перстъ въ кровь Христову, и ею помазалъ средину цѣльной просфоры, преложенной въ тѣло Христово, потомъ тѣмъ же перстомъ, еще обагреннымъ пречистою кровію, повелъ кругомъ по нижней сторонѣ этой просфоры, и отломилъ отъ нея, сперва, кусочикъ вверху, потомъ внизу, за тѣмъ справа обломилъ весь край ея до средоточнаго креста, и тоже сдѣлалъ слѣва, и наконецъ вынялъ среднюю часть (по нашему агнецъ), намазанную кровію, и вложилъ ее въ чашу, вкусилъ малую часть тѣла Христова, и такую же преподалъ діакону, потребилъ еще частицу: а діаконъ кругомъ обошелъ св. трапезу слѣва направо и тамъ вкусилъ еще одну частицу. Въ этомъ порядкѣ причащеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока оба они потребили все тѣло Христово. Потомъ священ-

нодѣйствующій причастилъ діакона изъ чаши кровію Христовою въ три пріема, какъ у насъ, и далъ ему употребить всю часть св. тѣла, вложенную въ потиръ, самъ же пріобщился святой крови, по видимому, въ одинъ пріемъ.

Послѣ причащенія дискосъ и потиръ тщательно омыты были водою, которою служащій игуменъ брызнулъ вверхъ надъ престоломъ, незнаю, для чего. За симъ послѣдовало отпустное благословеніе предстоящихъ. Оно преподано было такъ: монахи благоговѣйно подходили къ царскимъ вратамъ, а священникъ, ничего не говоря, обѣими руками своими прикасался къ подбородку и къ ланитамъ каждаго изъ нихъ.

Наконецъ по предложенію гуммоса Дауда я роздалъ монахамъ Антидоръ, не кусочками, а цѣлыми просфорами. Онѣ были еще теплыя.

МОНАСТЫРЬ СВ. АНТОНІЯ.

Послѣ завтрака я подробно осмотрѣлъ монастырь *). Всѣ зданія въ немъ такъ же, какъ и въ прочихъ обителяхъ Египетскихъ, расположены въ

*) Смотри чертежъ его.

одномъ углу сѣверозападномъ. Остальное же мѣсто внутри обширной ограды занято садомъ. Кромѣ келлій монашескихъ, мрачныхъ, тѣсныхъ и неопрятныхъ, кои размѣщены безъ всякаго порядка, главныя зданія суть: соборная церковь съ примыкающимъ къ ней храмомъ св. Антонія, ризница и вмѣстѣ книгохранилище въ зубчатой башнѣ, братская трапеза и келарня въ три яруса вышиною, домикъ для патріарха, отдѣльная церковь во имя св. Марка въ сѣверовосточномъ краю сада, и водоемъ.

СОБОРЪ.

Соборная церковь во имя Петра и Павла составляетъ собою юговосточный уголъ сплошныхъ зданій монастыря. Размѣры ея среднія. Не большая, но и не малая, не свѣтлая, но и не темная, она раздѣлена двумя деревянными, сквозными перегородками на три части, изъ коихъ въ первой, со входу въ церковь, становятся монахи, во второй богомольцы, а въ третьей предъ алтаремъ чтецы и пѣвцы. Алтарь же, обращенный на востокъ, отдѣленъ деревянною глухою перегородкою, которая покрыта барьяною краскою. Хотя въ срединѣ ея и устроены царскія врата; но ее нельзя назвать иконостасомъ,

потому что на ней нѣтъ св. образовъ. Копты ставятъ ихъ въ другихъ мѣстахъ церкви, и очень высоко. На верху первой сквозной перегородки водруженъ образъ св. Аѳанасія великаго въ позлащенной рамѣ. Онъ писанъ въ Италіи кистію художною. Рядомъ съ нимъ стоитъ образъ Божіей Матери и св. Іосифа обручника, такъ же Италіанской живописи, и той же кисти. Сіе святое семейство отдыхаетъ на пути въ Египетъ. Іосифъ принесъ въ платкѣ разные плоды, и развернувъ его, подаетъ ихъ предвѣчному Младенцу, который простеръ къ нимъ свою ручку, и смотритъ на нихъ весело, стоя у колѣна пречистой матери своей. Прекрасная живопись! Оба эти образа подарены какимъ-то путешественникомъ изъ числа тѣхъ, которые обходятъ сушу и море съ ласковымъ словомъ о папѣ Римскомъ. Прочія иконы Коптской живописи, развѣшенныя на стѣнахъ церкви, чрезвычайно неблагообразны и даже страшны. Алтарь ничѣмъ не украшенъ, и ничего въ немъ нѣтъ, кромѣ престола, одѣтаго поношеными шелковыми пеленами. Утварь весьма бѣдна. О времени построенія собора никто ничего не зналъ положительно. А надписи, гласящей о томъ, въ немъ нѣтъ.

ХРАМЪ СВ. АНТОНІЯ.

Къ западной стѣнѣ его примыкаетъ древнѣйшій храмъ св. Антонія. Входъ въ него устроенъ съ сѣверной стороны. Онъ, по Коптскому обычаю, раздѣленъ на три части каменными стѣнками, кои возвышаются отъ полу не болѣе, какъ на два аршина. Въ первой части на западной стѣнѣ видна Латинская подпись имени Бернарда Феруленскаго, Сицилiанца, бывшаго въ монастырѣ въ 1626 году, а на лѣвой стѣнѣ изображенъ желѣзный шлемъ какъ бы съ четырьмя зелеными змѣями на немъ, изъ коихъ первыя двѣ высятся надъ нимъ полудугами, а вторыя еще выше закругляются и, ниспадая, пересѣкаютъ первыя поперекъ *). Думать надобно, что этотъ шлемъ написанъ тутъ въ память какого-нибудь древняго воителя, который здѣсь сложилъ съ себя бранные доспѣхи, и, можетъ быть, принялъ ангельскій образъ. Во второй части храма подъ тремя ступенями, по коимъ восходятъ въ предолтарное отдѣленіе, будто находится гробница св. Антонія, по словамъ Коптовъ. Но сами они не знаютъ: есть ли въ ней мощи сего угодника Божія. Третія часть

*) Смотри рисунокъ шлема на плитѣ монастырской.

ASHMOLEAN OXFORD MUSEUM

предъ самымъ алтаремъ, назначенная для чтецовъ и пѣвцовъ, весьма темна. Потолокъ въ ней устроенъ изъ финиковыхъ брусьевъ въ видѣ маловогнутаго свода. Тутъ на обѣихъ окраинахъ высокой арки начертана надпись на Коптскомъ языкѣ. Буквы ея, похожія на наши церковнославянскія, весьма крупны *). Думаю, что тутъ написанъ какой-либо стихъ священный. Я отподобилъ только одну половину его, потому что весьма трудно было держаться на лѣстницѣ, кое-какъ подставленной, и писать въ темнотѣ. Самый алтарь, малый и темный, раздѣленъ на три части каменными стѣнами, въ коихъ продѣланы ходы для сообщенія. Онъ весьма слабо освѣщается чрезъ маленькія и тусклыя окна въ небольшемъ куполѣ. Почти весь храмъ этотъ росписанъ въ разныя времена. На стѣнахъ и подъ арками его видны почернѣлые лики пророковъ, апостоловъ, преподобныхъ, и мучениковъ на коняхъ. Живопись весьма нехороша. По мѣстамъ начертаны Копскія надписи. Монахи говорили мнѣ, что сей храмъ древле освященъ былъ во имя Панагіи, т. е. Всесвятой. — Къ югозападной части его примыкаетъ малый и совершенно темный придѣлъ во имя четырехъ живот-

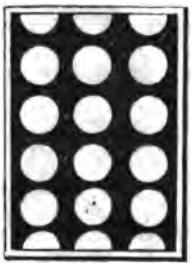
*) Смотри подобенъ сей надписи.

ныхъ, символически изображающихъ у пророка Іезекіиля четырехъ евангелистовъ. Въ алтарѣ его за престоломъ на стѣнѣ написанъ Господь Іисусъ Христосъ сѣдящій. По лѣвую сторону его стоятъ орелъ, волъ, и пророкъ Іезекіиль, а по правую Богоматерь, человѣкъ и левъ, всѣ въ молитвенномъ, благоговѣйномъ обращеніи къ нему. Вотъ ликъ многоочитаго орла, по которому можно судить и о прочихъ:

Подъ изображеніемъ Спасителя въ углубленіи видѣнъ крестъ, нарисованный разноцвѣтными красками, безъ лика Распятаго. На аркѣ, подъ которою входятъ въ помянутый придѣлъ, есть Коптская надпись, вѣроятно, стихъ изъ св. писанія *).

*) Смотри подобенъ ея.

Весьма замѣчательно зодчество храма св. Антонія. Первыя два отдѣленія его и алтарь вывершены тремя куполами, которые точь въ точь походятъ на опрокинутую воронку. На крышѣ храма они заострены, но подняты не болѣе, какъ на два аршина отъ уровня ея, внутри же его утверждены, каждый, на широкомъ каменномъ обручѣ, въ которомъ продѣланы маленькія окна съ оконницами, составленными изъ стекольчатыхъ кружковъ. Алтарный куполъ менѣе



другихъ. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ здѣсь воронкообразные куполы.

Такъ какъ алтарь и хоросъ предъ нимъ устройствомъ своимъ, кромѣ купола, совершенно походятъ на алтарь и хоросъ въ Бѣломъ монастырѣ Онвандскомъ, основаніемъ при Константинѣ Великомъ; то я думаю, что описываемое мною святилище весьма древне. Копты признаютъ его современнымъ св. Антонію. Но въ житіи сего великаго угодника

Божія не сказано, чтобы на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ подвизался и умеръ, была какая-нибудь церковь во дни его. Думать надобно, что помянутый храмъ построенъ былъ вскорѣ по смерти его, послѣдовавшей въ 17 день января 356 года, и освященъ во имя Божіей матери.

РИЗНИЦА И КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

Напротивъ храма св. Антонія высится крѣпкая башня четвероугольная. Въ одномъ ярусѣ ея устроенъ малый придѣлъ во имя архангела Михаила, а въ другомъ помѣщены книги и утварь церковная. Тутъ гуммосъ Даудъ показалъ намъ большой и широкій серебряный крестъ, какой обыкновенно выносятъ въ ходахъ, надѣвая его на длинную рукоять. Три края его круглы. На немъ начертаны надписи на языкахъ Коптскомъ и Арабскомъ, а распятія нѣтъ. Видѣли мы еще одинъ крестъ въ родѣ католической дароносицы, окруженный чеканнымъ сіяніемъ, съ частицею животворящаго древа и съ мощами Петра и Павла. Онъ подаренъ Римскими католиками. Изъ числа книгъ, хранящихся въ шести сундукахъ, замѣчательны двѣ огромныя рукописи на Коптскомъ языкѣ, содержащія Пасхальную служ-

бу, (онѣ тщательно берегутся въ пристойныхъ влагалищахъ деревянныхъ), словарь новаго завѣта Коптско-арабскій въ листъ, рукопись драгоцѣнная, и лѣтопись на Арабскомъ языкѣ отъ созданія міра до седьмаго вселенскаго собора. Она переписана шехомъ Насра̀ллою въ 1327 году эры мучениковъ (1611 год.). На одномъ полѣ ея замѣчено: «доселѣ (т. е. до Халкидонскаго собора) составлена сія лѣтопись св. Іоанномъ златоустымъ.» Стало быть, она переведена по Арабски съ Греческаго языка. Прочія рукописи суть евангелія, апостолы, псалтири, часословы, минеи, житія святыхъ и т. п.

БРАТСКАЯ ТРАПЕЗА И КЕЛАРНЯ.

Башня соединяется подъемнымъ мостомъ съ однимъ большимъ домомъ въ три яруса. Внизу его находятся разныя службы и столовая, а вверху кладовыя клѣти. Туда всходятъ по хорошей каменной лѣстницѣ. Столовая есть длинная и узкая комната съ круглымъ сводомъ, перекинутымъ со стѣны на стѣну. Въ ней во всю длину ея простирается столъ, сдѣланный изъ камней, или гипса, съ такими же двумя скамьями, кои съ нимъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Онъ гораздо выше подобныхъ

столовъ, которые я видѣлъ въ Нитрійскихъ монастыряхъ. Въ челѣ его лежали четыре Арабскія рукописи, изъ коихъ въ одной содержатся двадцать наставленій св. Антонія. Кладовыя клѣти для жизненныхъ припасовъ не стоятъ вниманія и описанія.

КЕЛЛІИ ПАТРІАРХА И МОНАХОВЪ.

Въ самомъ углу сѣверозападномъ построенъ не большой домъ для патріарха. Предъ нимъ зеленѣетъ садикъ. Оттуда я зашелъ въ келлію игумена Павла. Ничего въ ней нѣтъ, кромѣ рогожки, имъ же сплетенной, и бараньей кожи, на которой онъ сидитъ и спитъ. По жилищу его должно судить и о прочихъ келліяхъ монаховъ, которые ведутъ жизнь суровую и въ бдѣніяхъ, пощеніяхъ, и произвольной нищетѣ не уступаютъ древнимъ отшельникамъ.

САДЪ МОНАСТЫРСКІЙ.

Осмотрѣвъ обитель, я походилъ по саду. Онъ разведенъ на неровномъ мѣстѣ, понижающемся отъ горы къ долинѣ, или отъ юга къ сѣверу. Въ немъ красуются финичія, абрикосы, персики, гранаты,

масличныя дерева, виноградники, и воспитываются разные овощи, даже ростетъ пшеница на грядахъ, или для птицъ небесныхъ, или на потребу въ храмѣ. Смотря на нее я вспомнилъ, что св. Антоній своими руками воздѣлывалъ этотъ кусокъ земли, садилъ на немъ овощи и сѣялъ пшеницу, дабы не питаться чужими трудами. Здѣсь-то дикіе ослы топтали и пожирали огородныя былія его, и когда онъ запретилъ имъ это, болѣе не дотрогивались до нихъ. Трудолюбію сего великаго подвижника подражаютъ и нынѣшніе Коптскіе монахи. Они прилежно ухаживаютъ за деревами, и потому онѣ — очень хороши. Гранаты цвѣли. Абрикосы уже созрѣли. Финики и маслины выростали. Весь садъ ежедневно увлажается водою посредствомъ жолобовъ, по которымъ животворная влага ручьями течетъ къ деревамъ изъ подгорнаго источника. Въ нижней, сѣверной части сада, отдѣльно стоитъ церковь во имя преподобнаго Марка, который, по счету Коптовъ, жилъ за 500 лѣтъ назадъ, а по нашему спустя 1065 лѣтъ по рождествѣ Христовѣ. Въ ней показываютъ гробъ Абиссинскаго митрополита Марка, который одинъ возвратился изъ Еѳіопіи: всѣ же прочіе тамъ скончались и погребены. При сей церкви есть двѣ — три келліи. На одной стѣнѣ ея написано имя Бернарда

Ферулеискаго въ 1626 году; значитъ, она построена ранѣе семнадцатаго вѣка.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Во время прогулки по саду я обращалъ вниманіе на ограду монастырскую. Сѣверная стѣна, снаружи каменная, внутри облицована кирпичами, обмазанными желтою глиною. А южная новая стѣна сложена изъ дикихъ камней, немного подалѣе отъ старой, довольно толстой, въ которой еще видны развалины нѣсколькихъ гостиныхъ комнатъ. Стѣны, восточная и западная, такія же, какъ и тѣ, только не много короче. Вся ограда монастырская — высока, толста, крѣпка, и по угламъ и въ срединѣ перехвачена узкими башнями, кои едва возвышаются надъ гребнемъ ея. Подлѣ нихъ къ стѣнамъ пристроены каменныя лѣстницы.

ВОДОЕМЪ.

За южною стѣною изъ-подъ скалы вытекаетъ сладкая вода. Оттуда она проведена въ глубокій, широкій и длинный ёмъ, устроенный у этой стѣны внутри сада подъ купольнымъ сводомъ; такъ что

два ливня ея втекаютъ въ него съ двухъ противоположныхъ сторонъ, восточной и западной, изъ двухъ боковыхъ купольныхъ башенокъ, въ коихъ сдѣланы изъ тесанаго камня круглыя ямы для накопленія влаги: а въ эти ямы она доходитъ по жолобамъ. Такое устройство сего ёма придумано, очевидно, для прохлажденія воды, весьма близко вытекающей изъ горы, и для большаго накопленія оной. Въ этомъ ёмѣ можно купаться и даже плавать. Однако глубь накопленной воды не превышаетъ двухъ аршинъ. Ее выпускаютъ оттуда въ садъ, приподнявъ желѣзною цѣпью скрытые ворота. Тогда она журчащимъ ручейкомъ течетъ по жолобамъ, открытымъ и подземельнымъ, куда ее направляетъ садовникъ.

Не далеко отъ сего водоема въ западной части монастыря помѣщены маслобойня и мельница, приводимая въ движеніе конемъ. Вообще вся обитель св. Антонія довольно благоустроена, но внутри загромождена нелѣпыми зданіями, кои поставлены безъ всякаго порядка.

СЕМУМЪ, ИЛИ ХАМСИНЪ.

Во время обозрѣнія монастыря душилъ и сушилъ насъ ужаснѣйшій Семумъ. Я наблюдалъ его на крышѣ

зубчатой башни, съ которой видна Арабайская долина. Принимаюсь описывать это страшное и неизвѣстное намъ Русскимъ явленіе въ природѣ, но сознаю несовершенство моей кисти и недостаточность красокъ моего слова.

Сему́мъ есть палящій вѣтеръ, который съ величайшею быстротою несется съ песчаныхъ степей западной Африки. Такъ его называютъ въ пустыняхъ, а въ Египтѣ Хамсиномъ. Онъ на пути своемъ высоко поднимаетъ пески, мчитъ, кружитъ ихъ въ воздухѣ, и брызжетъ ими на землю, такъ что видишь проливной песочный дождь. Промежутками порывы и напоры его бываютъ такъ сильны, что ломаютъ и исторгаютъ дерева, и переносятъ цѣлые холмы песчаные съ мѣста на мѣсто. Жаръ его сухій и вредный разливается повсюду, и порой пробѣгаетъ пламеннымъ разгаромъ, который сильнѣе всякаго пожара. Когда отъ него издохнетъ какое животное, или умретъ человѣкъ; то тѣла и кости ихъ усыхаютъ такъ, что становятся тоньше и легче сравнительно съ естественнымъ объемомъ и вѣсомъ ихъ. Въ часы бушеванія Семума дыханіе стѣсняется, пульсъ бьется сильно и неровно, глаза сохнутъ, въ устахъ ощущается горечь, а во всемъ тѣлѣ — неизъяснимая истома. Однако духъ человѣческій выше и крѣпче сего ужас-

наго дѣятеля природы. Онъ скрѣплялъ мое истомленное тѣло, чтобы посредствомъ сего орудія наблюдать Семумъ въ полномъ его разгарѣ.

Послѣ полудня сей вѣтеръ, сперва, завылъ въ широкой долинѣ и въ горахъ, потомъ забушевалъ, и бушуя сдѣлался вихремъ. Въ два часа съ половиною выказалась вся страшная сила его. Тогда-то я наблюдалъ его съ башни. Гляжу въ поле Арабайское и не вижу ни неба, ни земли, ни горъ противоположныхъ. Тутъ былъ мракъ, окрашенный подъ цвѣтъ желтой мѣди, и въ этомъ мракѣ, невыразимо непріятномъ для зрѣнія, песочный дождь, нѣтъ, не дождь, а какъ бы желтая мука, возмущенная сильно дующими кузнечными мѣхами, кружилась, мутилась, слипалась, разлипалась, опускалась, поднималась, уносилась, возвращалась, столпами сшибалась, лучами разлеталась, и брызгами падала на землю. Слушаю и слышу шумъ, вой, зыкъ, свистъ, ревъ палящаго вѣтра. Вижу и слышу дрожжаніе, шипѣніе, бѣжаніе, хрустѣніе и сшибки песковъ и камешковъ и кремешковъ. А жаръ, а зной, а пламень такъ и обдаетъ, какъ изъ раскаленной печи. Къ большему изумленію моему падали на лице мое крупныя и горячія капли воды — слезы страдавшей природы. Не знаю, какъ объяснить промежуточное появленіе сихъ капель

при палящемъ вѣтрѣ. Ужели онъ, переносясь черезъ Нилъ, пьетъ изъ него, и потомъ брызжетъ?

Я подольше бы наблюдалъ надъ Семумомъ, если бъ не утащилъ меня съ башни гуммосъ Даудъ, замѣтивъ мнѣ, что ядовитость сего вѣтра повредитъ мое здоровье на высотѣ. Мы оба сошли оттуда и укрылись въ палаткѣ подъ деревами. И тутъ было душно и знойно, но несравненно менѣе. Въ четыре часа Семумъ пріутихъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ПАЛАТКѢ.

Послѣ вечерняго обѣда я удержалъ у себя въ палаткѣ о. Дауда, желая узнать отъ него о здѣшнемъ монастырѣ кое-что существенное, и завелъ рѣчь издалека.

— Отче! обозрѣвая ваши церкви, я видѣлъ въ нихъ много св. образовъ, но не замѣтилъ иконы святителя и чудотворца Николая.

— Мы не почитаемъ его.

— Святитель Николай былъ великій угодникъ Божій, и чрезъ него Господь сотворилъ многія и великія знаменія и чудеса. Какъ же не ублажать сего друга Божія и нашего? Мы Русскіе съ любовію ве-

личаемъ и чтемъ святую память его; и у насъ весьма многія церкви освящены во имя его.

— А сколько въ Россіи церквей и монастырей?

— Тридцать три тысячи церквей, и болѣе пяти сотъ монастырей мужескихъ и женскихъ.

— Довольно. Должно быть и народу у васъ много.

— Да, много. Кромѣ римскихъ-католиковъ, лютеранъ, евреевъ и магометанъ, однихъ православныхъ христіанъ считается 45 милліоновъ душъ.

— У—у—у! прозвучалъ игуменъ протяжно, расширивъ вѣки очей своихъ.

Я говорилъ о нашемъ благоденствіи подъ мудрымъ управленіемъ Государя, о процвѣтаніи у насъ земледѣлія, торговли и промышленности, о благоустройствѣ нашихъ училищъ, о военной силѣ сухопутной и морской, и о путяхъ сообщеній нашихъ.

— Авва слушалъ, слушалъ меня и наконецъ сказалъ: все въ Московіи благоустроено; но есть ли у васъ страсти и смерть?

— Этотъ неожиданный вопросъ привелъ меня въ восхищеніе; и я, цѣлуя любезнаго авву, твердилъ ему: есть, есть.

— У васъ нѣтъ каравановъ, но есть страсти, и, вѣрно, такія же, какъ и у насъ. Наши страсти тянутся одна за другою,

какъ верблюды въ дорогѣ. Сперва показываются ихъ головы, потомъ туловища, и наконецъ хвосты, а за хвостами слѣдуетъ смерть. Такъ-ли у васъ?

— Сравненіе твое, отче, какъ нельзя лучше, идетъ и къ намъ.

— Чтожъ ты хвалишься?

— Я показалъ тебѣ лице, а ты открылъ изнанку.

— Монахъ видитъ все вокругъ и проникаетъ въ сокровенныя глубины жизни.

— Слушая тебя, отче, ощущаю вѣяніе душеполезныхъ наставленій великаго Антонія, который здѣсь спасался самъ и другихъ назидалъ словомъ и примѣромъ своимъ:

— Ахъ! Мы недостойны произносить даже имя сего подвижника, въ которомъ Богъ былъ дивенъ, по слову псаломскому: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ».

— Скажи намъ, отче: гдѣ родился св. Антоній?

— Въ при-Нильскомъ селеніи Гемáнѣ ель-Аруcѣ, которое отстоитъ отъ Буша на три часа пути, ниже по теченію рѣки.

— Мы знаемъ житіе и наставленія его; но намъ неизвѣстна исторія монастыря, носящаго имя его. Пожалуй, повѣдай намъ все, что знаешь о немъ.

— Св. Антоній построилъ здѣсь небольшой монастырь съ церковію для учениковъ своихъ. По смерти его, онъ мало по малу

увеличивался въ теченіи столѣтій, не отъ царскихъ щедротъ, а отъ поданній христіанъ благочестивыхъ. Мусульмане пощадили его. Султанъ Ель-Хакемъ Дагеръ, разрушившій весьма многія обители *), не коснулся его. За 350 лѣтъ назадъ нашъ монастырь былъ разоренъ, и въ теченіи 70-ти лѣтъ оставался въ запустѣніи. Но девяносто-первый патріархъ Гавріилъ принудилъ Нитрійскихъ монаховъ обновить его и поселиться въ немъ, напомнивъ имъ, что они — духовные потомки св. Антонія. Эти чернецы неохотно перешли сюда, и даже прибили Гавріила, такъ что онъ скончался отъ ихъ побоевъ. Но съ тѣхъ поръ понынѣ сей монастырь постоянно былъ обитаемъ, и процвѣталъ молитвами великаго угодника Божія.

— Кто же разорилъ его, и по какому поводу?

— Его разорили грѣхи. Діаволъ внушилъ монахамъ дѣлать тайно золото; и они накупили рабовъ, и съ помощію ихъ занимались этимъ запрещеннымъ ремесломъ. Но рабы взбунтовались противъ нихъ, и всѣхъ умертвили, а обитель разорили. Тридцать лѣтъ назадъ, одинъ епископъ нашъ сжегъ книги, учившія дѣлать золото, и истребилъ всѣ орудія потребныя къ тому.

— Не случилось ли здѣсь еще чего нибудь замѣчательнаго? Спросилъ я.

— Какой ты пытливый! сказалъ мнѣ авва, шутя. Домогаешься знать: кто, да когда устроилъ нашу обитель, да что въ ней случи-

*) Въ началѣ XI вѣка.

лось, да отъ чего. Ее строили и учреждали люди, а не духи. Монахи въ ней жили и умирали. Вотъ тебѣ и все!

— Друже, не сердись. Любопытство не грѣшно, когда оно невинно, и у духовнаго просить лица знанія.

Эти слова мои, высказанныя умилительнымъ тономъ, возвеселили добродушнаго авву, и онъ сказалъ мнѣ:

— Отъ тебя не скроешь и сердца своего.

— Помышленія и тайны сердца твоего, отче, не нужны мнѣ. Побереги ихъ для духовника твоего; а мнѣ повѣдай то, что́ я желаю знать о здѣшнемъ монастырѣ

— Авва засмѣялся и весело спросилъ меня: чтожъ тебѣ хочется знать?

Я началъ спрашивать его:

— Сколько монаховъ спасается здѣсь о Господѣ?

— Сто тридцать. Но изъ нихъ только тридцать четыре живутъ здѣсь: всѣ же прочіе находятся, частію въ Бушѣ, частію въ Каирѣ, частію въ Іерусалимѣ, и въ странствіяхъ по Египту за сборомъ милостыни.

— Монастырь вашъ общежительный?

—У насъ все общее. Каждый монахъ получаетъ отъ монастыря одѣяніе, обувь и пищу. Трапеза у насъ также общая. Во

время столованія одинъ инокъ читаетъ поученія, или уставъ, въ которомъ изложены правила наказанія за проступки.

— Скажи хотя одно правило.

— Если монахъ ударитъ брата своего; то лишается общей трапезы въ теченіи сорока дней, и питается только хлѣбомъ и водою; кромѣ сего въ церквѣ каждый братъ свѣтитъ ему предъ лицемъ свѣчкою. За блудодѣяніе налагается эпитимія по приговору духовника и игумена, а за воровство не бываетъ и наказанія. Ибо вора совсѣмъ изгоняютъ изъ монастыря.

— Пускаете ли вы сюда женщинъ?

— Ни въ одинъ мужескій монастырь нашъ не пускаютъ ихъ, по правилу. Нѣсколько лѣтъ назадъ, семейство одного шеха, гонимое Мегметомъ-Али пашею, укрылось было въ здѣшней обители; но вскорѣ померли двое изъ дѣтей его, и потому онъ и жена его удалились отсюда: а монахи выкопали ту землю въ саду, на которой кочевало это семейство, и наносили другую.

— Есть ли у васъ женскіе монастыри, и чѣмъ они содержатся?

— Кромѣ Каира во всемъ Египтѣ нѣтъ такихъ монастырей. А тамъ ихъ пять; и въ нихъ найдется до пятидесяти монахинь изъ дѣвицъ и вдовъ. Они зависятъ отъ Александрійскаго епископа, который впрочемъ не посѣщаетъ ихъ, потому что черницы недовольны имъ. Всѣ эти монастыри содержатся доходами съ принадлежащихъ имъ лавокъ и домовъ, да и монахини занимаются кое-какими рукодѣліями.

— Въ какихъ лѣтахъ вы постригаете въ монашество желающихъ сподобиться сего ангельскаго образа, и сколько времени держите ихъ подъ искусомъ?

— Мы постригаемъ и старыхъ, и пожилыхъ, и юношей, по усмотрѣнію ихъ способностей и нрава, послѣ искуса трехлѣтняго, двухлѣтняго, и того менѣе, или болѣе.

— Вносите-ли вы подати?

— Мы освобождены отъ нихъ, и только ежегодно платимъ пашѣ 15,000 піастровъ за 300 феддановъ пахатной земли около Буша, кои мы нанимаемъ у него.

— Кто же обработываетъ эту землю!

— Мѣстные феллахи.

— На какихъ условіяхъ?

— Они получаютъ за труды свои сорокъ паричекъ въ день (6 коп. сер.), или хлѣбъ, смотря по договору.

— Ѣдите ли вы мясо въ монастыряхъ?

— Ѣдимъ только въ рождество Христово и въ пасху: а внѣ монастыря, какъ вы видѣли, употребляемъ и мясное.

— Отсюда близко до моря. Ловите ли вы въ немъ рыбу?

— Было когда-то: старцы держали тамъ сѣти, но покинули это занятіе, потому что оно есть прихоть, а прихоть — грѣхъ. Да и трудно было кочевать у моря, гдѣ нѣтъ близко ни одного родника воды. Надлежало кипятить морскую воду и изъ паровъ ея добывать сладкую влагу капельками.

— Услышавъ сіе такъ нечаянно, я удивился, что здѣшнимъ монахамъ извѣстенъ способъ добыванія сладкой воды изъ горькой, и спросилъ о. Дауда: давно ли, и какимъ образомъ чернецы ваши узнали способъ обращать морскую воду въ потребную?

— Онъ отвѣчалъ мнѣ: это уже давно здѣсь извѣстно. Старцы, занимаясь рыбною ловлею на морѣ, по осадкѣ соли на прибрежныхъ мѣстахъ заключили, что соль остается, потому что вода испаряется отъ солнца; а ежели она въ парахъ поднимается на воздухъ, стало быть, въ этомъ состояніи бываетъ легка и прѣсна; если же солнце дѣлаетъ ее прѣсною, то можетъ ее сдѣлать такою и человѣкъ, вскипятивъ ее и принявъ пары ея въ сосудъ, въ которомъ они по охлажденіи обратятся въ чистую воду. Старцы такъ думали, такъ и сдѣлали, и добыли сладкую влагу.

— Въ Европѣ недавно сдѣлали подобное открытіе. Но этимъ способомъ на кораблях добывается хорошей воды немного, а времени тратится много; и потому онъ оставленъ.»

Этимъ кончился разговоръ нашъ. Почтенный игуменъ ушелъ въ свою келью, а я легъ на постелю. Но во всю ночь мнѣ было тяжело отъ злаго Хамсина, такъ что я терялъ надежду видѣть горную пещеру св. Антонія.

8, Понедѣльникъ.

Въ три часа за полночь сонъ мой прервался. Въ саду четыреста финиковъ мужескаго и сто женскаго рода сильно колебались и шумѣли отъ вѣтра. Однако я опять заснулъ, и опять пробудился отъ шума деревъ. Еще разъ сонъ овладѣлъ мною, и еще разъ вѣтеръ одолѣлъ его. Минула половина пятаго часа. Вѣтеръ утихъ. Воздухъ былъ свѣжъ. На небѣ носились облака. Я разбудилъ свою дружину.

Всѣ мы кромѣ іеродіакона, который страдалъ отъ ушиба, скоро снарядились въ путь къ пещерѣ св. Антонія. Игумены Даудъ и Павелъ поохотились идти съ нами, и взяли съ собою трехъ монаховъ и четырехъ Бедуиновъ съ однимъ осломъ. Онъ первый спущенъ былъ со стѣны въ веревочной сѣти; и его навьючили мѣхами съ водою. За нимъ спустились мы благополучно, и въ пять съ половиною часовъ пошли вдоль западной ограды монастырской къ крутоярой горѣ. Идемъ, поднимаемся выше, восходимъ на плоскій склонъ одного горнаго отрога, и приближаемся къ мѣсту, на которомъ, по преданію Коптовъ, подвизался ученикъ св. Антонія Павелъ простый. Минули тридцать минутъ послѣ выхода нашего изъ обители; и мы остановились на этомъ

мѣстѣ у огромнаго камня, когда-то отвалившагося отъ горы. Сей камень и прикладенная къ нему маленькая ограда изъ дикаго камня обозначаютъ жилище преподобнаго простеца.

Отдохнувъ тутъ минутъ семь, и вспомнивъ примѣрное самоотверженіе и послушаніе Павла, мы пошли далѣе въ направленіи къ востоку. Съ дороги Копты указали мнѣ пещеру св. Антонія подъ челомъ горы. Издали она походитъ на славянскую букву Д. По обѣимъ сторонамъ ея верхъ горы отвѣсенъ, какъ крѣпостная стѣна. Чѣмъ ближе мы подходили къ колыбели монашества; тѣмъ круче и стропотнѣе становилась стезя, ведущая къ ней. Во многихъ мѣстахъ надлежало взлѣзать съ уступа на уступъ, и цѣпляться руками. Я четыре раза немного отдыхалъ на камняхъ. Жажда измучила меня. Чѣмъ болѣе пью воду изъ кожанаго мѣха; тѣмъ болѣе сгараю и томлюсь отъ горечи во рту. Не понять бы мнѣ, какъ столѣтній старецъ Антоній сходилъ и восходилъ по такому стропотному мѣсту, если бы вѣра не сказала мнѣ, что его носила всемощная благодать Божія. Ровно полчаса я поднимался до пещеры отъ разрушенной кельи преподобнаго Павла. Спутники же мои взошли туда ранѣе.

Оказалось, что у св. Антонія были двѣ пещеры,

одна побольше и ниже, а другая рядомъ выше и меньше. Въ нижнюю пещеру я прошелъ чрезъ междустѣніе, искусно изсѣченное въ горѣ, длиною въ шестнадцать шаговъ, и слабо освѣщенное съ запада. Оно было продѣлано еще въ то время, когда строились пирамиды, для обшивки которыхъ брали хорошій камень всюду, гдѣ только находили его. Самая же пещера съ перваго взгляда показалась мнѣ естественною. Въ срединѣ ея сложенъ изъ дикихъ камней круглый престолъ низменный для богослуженія. На немъ нѣтъ ни доски, ни одеждъ. Окрестъ его можно ходить. Тутъ я преклонилъ колѣна мои, и приникши челомъ къ святой трапезѣ, помолился Богу о царѣ и отечествѣ, о матери и о себѣ, о мирѣ всего міра и благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и поручилъ всѣхъ и вся и себя самаго предстательству св. Антонія. Въ душѣ моей царствовало неизрѣченное веселіе, — это знаменіе нашей близости къ Богу и къ святымъ угодникамъ Его. Послѣ молитвы осмотрѣна была мною подробно священная колыбель монашества.

Она имѣетъ видъ лжицы съ узкою рукоятью *), темновата и прохладна, не низка, но и не высока. Естественный сводъ ея, треснувшій, походитъ на

*) Смотри чертежъ ея.

островерхую кровлю сельской избы. На немъ виденъ какъ бы драконъ ребристый и черный. Онъ напомнилъ мнѣ явленіе діавола св. Антонію въ зракѣ сего чудовища. Въ одной стѣнѣ пещеры изсѣчена полочка для поклажи хлѣба, или книгъ. Такъ какъ слой горы въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ стекловиднаго хряща, похожаго на бѣлый мраморъ, окрашенный легкою желтизною; то я думаю, что древніе Египетскіе каменосѣчцы извлекли оттуда нѣсколько кусковъ сего мрамора для убранства палатъ, или капищъ фарасоновыхъ; и отъ того осталась тутъ пещера съ искуственнымъ междустѣніемъ. Она въ послѣдствіи послужила колыбелію монашества. Всѣ мы отбили тутъ по куску мрамора съ намѣреніемъ сдѣлать ихъ него образъ св. Антонія въ память посѣщенія мѣста дивныхъ подвиговъ его.

Рядомъ съ сею пещерою, но не много выше и правѣе ея, изсѣчена другая, малая. Я съ величайшимъ трудомъ достигъ до ней, прижимаясь спиною къ отвѣсу горы. Пещерка сія такъ низка и узка, что въ ней можно только сидѣть и спать, а стоять нельзя. Изъ ней видна долина Арабайская съ противоположнымъ хребтомъ горнымъ. Но бѣлесоватый туманъ помѣшалъ мнѣ любоваться оттуда видами здѣшней пустыни.

Когда я вылѣзъ изъ этой язвины и началъ сходить по наклонному усѣку отвѣсной горы шириною въ пядень: оробѣлъ такъ, что не могъ двинуться съ мѣста, и непонималъ, какая сила втащила меня туда. Ибо все тѣло мое висѣло надъ стремниною. Уже цѣпкіе Бедуины помогли мнѣ слѣсть оттуда. Святый Антоній не жилъ въ этой язвинѣ.

Немного ниже большей пещеры къ горѣ примыкаетъ узенькая площадка, подпертая стѣною, сложенною изъ дикаго камня. На ней росла трава, и можно бы воспитывать овощи. Но тутъ нигдѣ нѣтъ воды.

По обозрѣніи нами мѣста подвиговъ великаго отшельника, Бедуины начали стрѣлять. Студентъ Соловьевъ принялся рисовать видъ пещеръ *). А я сѣлъ на камнѣ и начертилъ слѣдующіе строки:

«Истинно преданіе, которое указываетъ, здѣсь въ горѣ, и у подошвы ея, два мѣста подвиговъ св. Антонія. Ибо онѣ точно таковы, какими ихъ изобразили древнѣйшіе писатели житія сего великаго угодника Божія. По словамъ блаженнаго Іеронима,— «Антоній, когда услышалъ на берегу Нила нѣкій голосъ, повелѣвавшій ему идти съ Сарацинами въ глубь

*) Смотри его на планѣ монастырскомъ.

пустыни, чрезъ три дня достигъ того мѣста, которое Богъ назначилъ ему въ обитаніе». — И мы дошли сюда въ три дня. — «Преподобный мужъ поселился у каменистой горы, изъ подошвы которой вытекала вода и образовала ручеекъ». — Она струится оттуда и нынѣ. — «Около сего ручейка росло много финиковъ, которые дѣлали мѣсто удобнымъ для жизни и пріятнымъ». — Эти пальмы красуются тутъ и теперь. — «Близъ ихъ Антоній поселился въ такой малой пещерѣ, что въ поперечникѣ ея заключалось столько пространства, сколько можетъ занять человѣкъ, протянувъ свои ноги». — На мѣстѣ ея, вѣроятно, стоитъ церковь Панагіи-Всесвятой. — «Подвижникъ насадилъ виноградъ и разныя дерева, воспитывалъ овощи, и самъ выкопалъ водоемъ для поливки своего огорода». — Водоемъ его существуетъ и теперь. — «Кромѣ помянутой пещеры были еще двѣ, изсѣченныя въ горѣ у вершины ея; и туда всходили съ величайшимъ трудомъ по извилистой и стропотной стезѣ». — Тоже и нынѣ. — «Въ одну изъ нихъ святый удалился, когда узнано было подгорное жилище его у потока; но и тамъ онъ не укрылся отъ чадъ своихъ духовныхъ» *). — Сія пещера цѣла и теперь. —

---

*) Hieronym. Vita S. Hilarionis. cap. 24 — 26.

«Итакъ я видѣлъ священную колыбель монашества. Она мала, темна и жестка. Но изъ малаго является великое, изъ желудя — дубъ, изъ лунки — рѣка, изъ предложенія — проповѣдь, изъ пещеры — ликъ преподобныхъ. Изъ темноты же изходитъ свѣтъ, изъ огнива — искра, изъ облаковъ — молнія, изъ ощущеній — понятія, изъ подземельныхъ келлій —свѣтильники церкви. А все твердое есть опора бытія: горы защита отъ рѣкъ и морей, грозный царь — твердыня противъ враговъ и неправдъ, строгія правила монашескія — спасеніе отъ вѣчной погибели».

«Удивительно вліяніе евангелія на общество человѣческое и на нѣкоторыя избранныя души. Оно имѣетъ силу зиждительную. Въ немъ Богъ Слово проглаголалъ: оставите дѣтей приходити ко мнѣ, тацѣхъ бо есть царствіе божіе; еще: блажени милостивіи яко тіи помиловани будутъ; еще: болѣнъ бѣхъ и посѣтисте мене, въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ: и эти глаголы Его создали человѣколюбивыя общества и домы призрѣнія дѣтей, вдовицъ, сиротъ, убогихъ, болящихъ и заключенныхъ. Однажды въ церквѣ Египетскаго селенія Гомáны читали евангеліе, въ которомъ сказано: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди во слѣдъ мене. Христіанинъ Антоній услышалъ эти слова, принялъ

ихъ къ сердцу, и раздавъ имѣніе свое нищимъ, оставилъ міръ и сдѣлался отшельникомъ въ Арабайской пустынѣ ради Христа. Здѣсь благодать святаго духа обогатила его неистощимыми сокровищами духовными. Нашлись искатели этихъ сокровищъ изъ числа тѣхъ многихъ христіанъ, которые въ городахъ и деревняхъ вели жизнь подвижническую, и потому называемы были Аскетами. Они составили ликъ духовныхъ чадъ св. Антонія, или, по его примѣру пошли въ другія пустыни для спасенія душъ своихъ. Число ихъ непрестанно увеличивалось не столько отъ гоненій язычниковъ на церковь христіанскую, сколько отъ презрѣнія къ соблазнамъ и мерзостямъ тогдашняго общества, и отъ увлеченія высокими понятіями вѣры евангельской и правильнымъ и чистымъ житіемъ подвижниковъ. Тогдашнее правительство не обращало вниманія на ихъ убыль изъ городовъ и селеній, и на размноженіе въ пустыняхъ, безъ сомнѣнія, потому что нѣкоторые изъ нихъ, по праву Римскаго гражданства, могли жить, гдѣ и какъ хотѣли, а многіе были не въ податномъ сословіи, какъ рабы и какъ безземельные люди. Спокойное же и добродѣтельное житіе ихъ, трудолюбіе, и великое уваженіе къ нимъ народа, удаляли отъ нихъ всякое подозрѣніе тѣмъ болѣе, что въ ихъ связомъ

обществѣ и худые люди дѣлались добрыми. Когда при Константинѣ Великомъ и ближайшихъ преемникахъ его христіанство восторжествовало надъ язычествомъ: тогда церковь благословила тройственный обѣтъ отшельниковъ, обѣтъ дѣвства, послушанія и произвольной нищеты, и приняла монашество въ число своихъ священныхъ установленій. А провидѣніе Божіе избрало и употребило оное орудіемъ къ искорененію язычества и къ насажденію истинной вѣры въ человѣческомъ родѣ. Пещера св. Антонія послужила питомникомъ и разсадникомъ распространителей сей вѣры. Ученики его основали монастыри на Синаѣ, въ Палестинѣ, Сиріи и Месопотаміи. Св. Аѳанасій Великій, которому Антоній предъ смертію завѣщалъ свою мантію, съ Аммоніемъ и Исидоромъ возжегъ любовь къ монашеству въ христіанахъ Римскихъ. Съ востока и запада оно проникло въ глубь сѣвера. Благочестивые и трудолюбивые иноки, по особенному внушенію Божію, съ благословенія епископовъ, всюду проповѣдовали язычникамъ евангеліе, разрушали идольскія капища и на мѣстѣ ихъ строили храмы и обители, не рѣдко увлажая основанія ихъ кровію своею; искореняли волшебство и чары жрецовъ силою имени Іисуса Христа, своими молитвами и благотворными чудесами; перево-

дили ветхій и новый завѣтъ на разные языки; сочиняли бытописанія народовъ; даже сохранили всѣ лучшія умственныя произведенія язычниковъ, неутомимо переписывая ихъ изъ послушанія».

Послѣ такихъ размышленій я еще разъ входилъ въ пещеру св. Антонія, и еще разъ молился въ ней и испрашивалъ у Бога освященія и укрѣпленія внутренняго человѣка, который въ глубинѣ бытія моего утаенъ такъже, какъ колыбель монашества укрыта въ горѣ. Оттуда всѣ мы сошли скорѣе и легче, и освѣжились купаньемъ въ монастырскомъ водоемѣ. Къ завтраку монахи подали намъ свѣжіе абрикосы изъ сада своего. Вкусенъ и сладокъ намъ былъ сей плодъ, благословенный молитвами св. Антонія.

Послѣ вечерни совершенъ былъ обрядъ увѣщанія двумъ молодымъ Коптамъ, приготовленнымъ къ принятію ангельскаго образа. Усталость воспрепятствовала мнѣ присутствовать при семъ обрядѣ, который, по словамъ гуммоса Дауда, состоялъ въ томъ, что сподобляющіеся монашества ссылались на свою молодость и неопытность, а старцы говорили имъ: мы будемъ учить и руководить васъ.

Господи! сподоби ихъ достигнуть вѣчнаго спасенія, а наши стопы направи заутра въ обитель св. Павла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПУТЬ ВЪ МОНАСТЫРЬ СВЯТАГО ПАВЛА.

9, Вторникъ.

Въ пять часовъ по полуночи всѣ мы воспрянули отъ сна и съ благодушнымъ веселіемъ начали готовиться въ путь къ св. Павлу Ѳивейскому. Сборы продолжались сто двадцать минутъ — такъ долго, не отъ растерянности, или небрежности нашей, а отъ того, что надлежало переносить разную рухлядь и бочки съ водою изъ сада на стѣну монастырскую, и оттуда спускать ихъ осторожно и навьючивать на верблюдовъ хозяйскимъ образомъ. Съ нами поѣхали игумны Павелъ и Даудъ. А больный іеродіаконъ остался въ кельѣ подъ присмотромъ добрыхъ старцовъ. Поѣздъ нашъ потянулся вдоль горнаго кряжа въ прямомъ направленіи къ Чермному морю. Чѣмъ далѣе уходили мы отъ обители; тѣмъ красивѣе

казался видъ ея съ восточной стороны. Не разъ я оборачивался къ ней, и не разъ любовался ея пальмами, сквозь кои проглядывали бѣлые полукуполы церквей, зубцы средоточной башни и кровли келлій. Съ этой стороны желтая ограда ея перехвачена частыми столпами, мало выдающимися снаружи и заостренными къ верху. Отъ сего она казалась похожею на старинный обрубъ. Послѣ обители въ глазахъ рисовалась гора св. Антонія. Она гола и скалиста. Близь подошвы ея дорога пролегаетъ чрезъ частыя рытвины и высохшія русла горныхъ потоковъ. Посему ѣхать тутъ на верблюдѣ не ловко и безпокойно.

Спустя четыре часа по выѣздѣ изъ монастыря мы достигли до глубокаго, сухаго русла, называемаго Арриждэ, которое какось перерѣзываетъ Арабайскую долину и тянется къ морю. По этому руслу въ дождливое время вода съ горъ течетъ рѣкою. — Минулъ еще часъ въ пути: стезя привела насъ къ невысокому отрогу горы, ел-Расъ ет-Тарефъ ес-Сумемáтъ ел-Биръ, холмисто оканчивающемуся почти у самаго моря. Мы въ полдень переѣхали чрезъ узкій хребетъ его, поворотивъ съ востока на югъ подъ прямымъ угломъ. Это мѣсто песчано и дико. Крѣпкій вѣтеръ дулъ намъ сзади, однако не мѣшалъ распрашивать проводниковъ объ окрестно-

стяхъ и слушать ихъ вѣсти. По словамъ ихъ: отъ помянутаго острога, или мыса, весьма далеко въ море тянется отмель подъ названіемъ, Джисръ-Фараунъ, т. е. мостъ Фараоновъ, а по другую сторону Арабайской долины отъ противоположнаго мыса горы Галалъ параллельно стелется въ морѣ другая длинная отмель, называемая Джисръ Муса, т. е. мостъ Моусеевъ; обѣ эти отмели обсыхаютъ при сильныхъ отливахъ, производимыхъ луною; не далеко же отъ моста Моусеева находится холмикъ Зафаране, изъ темени котораго вытекаетъ обильно соленоватая вода, которая будто бы изведена Моусеемъ для Израильтянъ». — Достойны вниманія эти сказанія мѣстныхъ Бедуиновъ. Не здѣсь-ли на Синайскую сторону перешла одна часть Евреевъ, тогда какъ другіе переправились туда у Суэса и ниже его? И не здѣсь ли потонуло воинство фараона? Въ 135 псалмѣ ст. 13 сказано, что Богъ раздѣлилъ Чермное море въ раздѣленія. Не должно ли понимать сіи слова такъ, что когда онъ возгналъ воду сего моря сильнымъ южнымъ вѣтромъ (Исход. 14, 21.), тогда оказалось нѣсколько сушей для перехода многочисленныхъ Израильтянъ: сушь у Суэса, сушь противъ долины, находящейся между Атагою и Галаломъ, и суши называемыя, мостъ Моусеевъ и мостъ Фарао-

новъ? Но я въ другое время особо займусь разсужденіемъ о переходѣ народа Божія чрезъ Чермную пучину. А теперь спѣшу описать свое путешествіе къ св. Павлу. — Когда мы, переѣхавъ Тарефскій мысъ, поворотили на югъ: взорамъ тотчасъ представилось Чермное море. Голубою лентою оно извивалось между Синайскимъ полуостровомъ и Африканскимъ материкомъ. Лазуревая синева его пріятна была очамъ, утомленнымъ угрюмою пустынею. Въ теченіи двухъ часовъ мы незамѣтно понижались къ нему, въ косвенномъ направленіи, по лукоморью, покрытому кочками и разными тощими быліями, и на берегу его расположились ночевать въ виду высокой и отвѣсной горы Фàраель А'хмаръ.

Сребристая луна освѣтила горныя скалы, наше кочевье и Чермное море. Я сѣлъ на берегу. Тихія волны, просвѣтленныя луннымъ сіяніемъ, докатывались до ногъ моихъ. Безчисленныя сребренозолотистыя блестки искрились на поверхности моря и, казалось, соперничали съ звѣздами, ярко горѣвшими въ безднахъ неба. Я сперва погрузился въ безотчетное созерцаніе велелѣпія природы, потомъ воспѣлъ, Тебе бога хвалимъ, и по окончаніи сего пѣснопѣнія укрылся въ палаткѣ.

10, Середа.

Во всю ночь пустынный вѣтеръ выл и наносилъ къ намъ песокъ.

Утро было холодное и ясное. Въ пять часовъ солнце показалось изъ-за Синайской горы Хаммамъ Фараонъ. Въ яркихъ лучахъ его исчезъ тамошній полуостровъ. Такъ въ волѣ Бога исчезаетъ воля того человѣка, котораго Онъ избираетъ и посылаетъ въ міръ пророкомъ, или апостоломъ, преобразователемъ, или бичемъ.

Въ половинѣ шестаго часа поѣздъ нашъ двинулся съ мѣста, и долго тянувшись вдоль моря въ юго-западномъ направленіи къ горной цѣпи, вступилъ въ долину, называемую Уади Деръ, т. е. монастырскую. Эта долина устьемъ своимъ обращена къ сѣверо-востоку, а у средины поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на западъ къ горному кряжу. Послѣ поворота холмы и утесы ея становятся выше, толще, слоистѣе, угрюмѣе и смугляе. Они сгромождены изъ песчаника, какъ глыбы и скалы въ долинѣ Мукаттебъ на Синайскомъ полуостровѣ. Уади Деръ чѣмъ ближе подходитъ къ монастырю преподобнаго Павла, тѣмъ болѣе подобится огненной юдоли св. Саввы. Въ ней, какъ и тамъ, видишь тѣ же острые

углы ихъ, тѣже слои и тотъ же обожженный цвѣтъ ихъ. Разница въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ здѣшней долины встрѣчаются большіе наплывы глины, то у русла, то высоко межъ скалъ, камни же, одни торчатъ стоймя, другіе плашмя, иные скатились къ дорогѣ и покоятся мертвыми исполинами, а многіе разбились въ дребезги. Видно, тутъ работали двѣ силы, сперва огненная, и потомъ водная. Гора, къ которой ведетъ Уади Деръ, имѣетъ видъ вогнутаго полукруга. Темнѣетъ увѣнчано огромною, отвѣсною скалою, которая издали кажется укрѣпленіемъ, пошатнувшимся отъ ветхости. А туловище ея подперто многими отсыпями бѣлопепловиднаго цвѣта, ком вверху уже, а внизу шире.

Смотря на эту обнаженную гору и на смутную долину Деръ, я думалъ: точно, таковъ былъ міръ языческій во время преподобнаго Павла Ѳивейскаго. Еще величественный, но уже пошатнувшійся, скудный добродѣтелями, омраченный и изъязвенный пороками, онъ уже разрушался. Отъ суетъ и соблазновъ сего міра Павелъ ушелъ сюда для покаянія и молитвъ въ предощущеніи явленія міра новаго. Выборъ сего мѣста обнаруживаетъ наклонность души его къ самоотверженію и уединенію глубокому. Св. Антоній водворился на лучшемъ мѣстѣ,

съ котораго видны Чермное море, Арабайскіе потоки и кочевья Арабовъ, и имѣлъ учениковъ. А преподобный Павелъ, одинъ, безмолвствовалъ въ ущелии самомъ дикомъ и угрюмомъ, изъ котораго ничего отраднаго не видно.

Въ самомъ верховьѣ Уади Деръ, на лѣвой сторонѣ ея, близь монастыря, у одной скалы стоятъ три высокія глыбы наносной глины, какъ три муміи, будто въ память міра языческаго, погибшаго при Павлѣ и Антоніи въ борьбѣ съ христіанствомъ.

Монастырь намъ показался на плоской и незначительной привыси уже тогда, когда мы подъѣхали къ нему весьма близко. Сперва открылась вся южная стѣна его съ келейками на ней, словно птичьими клѣтками, потомъ обозначилась восточная сторона его съ подъемомъ между двумя маловыступными башенками четвероугольными. Спускъ отъ него въ Уади Деръ изрытъ дождевыми потоками. Когда мы поднялись на эту привысь и спѣшились у самой ограды, за часъ до полудня: монахи явились у подъема на стѣнѣ и спустили къ намъ толстую веревку, запетлеванную въ концѣ. Я велѣлъ поставить палатки немного ниже обители у источниковъ сланой воды, пріосѣненныхъ дикими финичіями, переодѣлся, и послѣ переводчика первый былъ поднятъ на вы-

сокую стѣну. За мною втащены были спутники мои. Послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, Коптскіе отцы съ финиковыми вѣтвями въ рукахъ начали сходить попарно въ монастырь, при благовѣстѣ въ колоколъ, и, по желанію моему, провели насъ въ облакахъ ѳѵміама въ пещеру преподобнаго Павла, обращенную въ церковь. Тутъ мы поклонились гробу его и прошли въ пріемную горницу для вождѣленнаго отдыха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Послѣ вечерни я подробно обозрѣлъ весь монастырь и начертилъ планъ его. Описываю этотъ укромникъ, достойный вниманія, не смотря на бѣдность и невзрачность его зданій, потому что въ немъ была первая колыбель монашества. *)

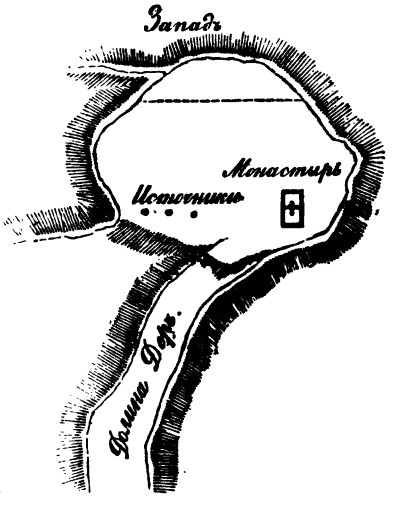
МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ МОНАСТЫРЯ.

Монастырь преподобнаго Павла Ѳивейскаго стоитъ при высокой и дугообразной горѣ, которой отвѣсная вершина кажется угрюмою крѣпостію, немного пошатнувшеюся и подпертою частыми пирамидальными откосными устоями. Впрочемъ эти устои — не скалы, а отсыпи. Юговосточный рукавъ сей

---

*) Смотри чертежъ его.

горы оканчивается отлогимъ утесомъ, какъ бы бастіономъ, отъ котораго горный кряжъ протягается на югъ прямолинейно, какъ крѣпостная стѣна. А рукавъ сѣверовосточный, весьма обрывистый, у подошвы котораго поставлена обитель, оканчивается у ограды ея ребристою скалою съ вычурнымъ камнемъ на ней въ родѣ обезображеннаго сфинкса. Оба эти рукава, или отрога, простираются къ долинѣ. Деръ.



Близь южной ограды монастырской, немного ниже, есть не большая поляна. Тутъ рядомъ глубятся три источника слано́й воды. Ихъ устья закрыты густыми вѣтвями дикихъ приземистыхъ финичій.

ПОДЪЕМЪ ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Въ монастырѣ преподобнаго Павла, какъ и въ Антоніевомъ, нѣтъ ни однихъ воротъ. Людей, животныхъ, и вещи поднимаютъ въ него воротомъ, устроеннымъ подъ навѣсомъ на стѣнѣ, обращенной въ долину Деръ, между двумя маловыступными башнями. Навѣсъ немного выдвинутъ впередъ сей стѣны; и чрезъ отверстіе въ немъ спускается и поднимается толстая веревка. Опасеніе отъ грабежа Бедуиновъ обратило сей монастырь въ глухой затворъ.

КЕЛЛІИ МОНАШЕСКІЯ.

Спустившись съ подъема внутрь обители, вступаешь на длинную площадь, обставленную съ обѣихъ сторонъ сплошными зданіями. Она чѣмъ далѣе тянется, тѣмъ уже становится. По лѣвую сторону ея къ южной оградѣ примыкаютъ монашескія келліи, а по правую стоятъ такъ же келліи, и среди ихъ, но въ связи съ ними, высится соборный храмъ. Всѣ эти жилища пустынныхъ отцовъ, построенныя ломанными линіями и обмазанныя глиною, — бѣдны, тѣсны, неопрятны, и некрасивы. *)

*) Смотри видъ внутренности обители.

СОБОРНЫЙ ХРАМЪ.

Соборъ во имя Іоанна предтечи съ придѣломъ архангела Михаила построенъ въ $\frac{1443}{или\ 48}$ году эры мучениковъ (по нашему въ $\frac{1727}{или\ 82}$ г.), по благословенію сто-пятаго патріарха аввы Іоанна, зодчимъ Георгіемъ Абу Юсефомъ: какъ это видно изъ Арабской надписи на срединномъ столпѣ церкви, что̀ съ правой стороны. Сей храмъ, подъ плоскою крышею съ осмью безшейными полукуполами въ ней, по Коптскому обычаю, раздѣленъ сквозными перегородками на три части: алтарь же его отгороженъ глухимъ, деревяннымъ иконостасомъ кроваваго цвѣта. Размѣры сего святилища — средніе. Свѣта въ немъ не много. Наилучшимъ украшеніемъ его служитъ образъ евангелиста Марка, писанный въ Европѣ художною кистію. Сей провозвѣстникъ спасенія въ Египетской странѣ сидитъ и размышляетъ. У ногъ его лежатъ двѣ книги въ пергаминномъ переплетѣ. Вдали видна пирамида.

ХРАМЪ ВО ИМЯ АПОКАЛИПСИЧЕСКИХЪ СТАРЦЕВЪ СЪ ПРИДѢЛАМИ ПРЕПОДОБНЫХЪ АНТОНІЯ И ПАВЛА, И ЦЕРКОВЬ СВ. МЕРКУРІЯ.

Въ сѣверовосточномъ углу монастыря сооружена небольшая церковь во имя двадцати четырехъ

Апокалипсическихъ старцовъ. Въ нее сходятъ по каменной, многоступенчатой лѣстницѣ чрезъ паперть, вывершенную полукуполомъ, въ которомъ есть Коптскія и Арабскія надписи и изображенія ликовъ святыхъ. Коптская надпись, довольно большая, начинается у восточнаго оконца словомъ ⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ и продолжается по всему окружію полукупола въ двухъ строкахъ. Въ ней видѣнъ 1420 годъ эры мучениковъ (ⲛⲣⲟⲙⲡⲓⲛ ⲩⲟ ⲯⲕ, *промбъ-годъ, шу-тысяча*, ⲯⲕ-420) который соотвѣтствуетъ нашему 1704 году. Я отподобилъ эту надпись всю сполна *) Но никто изъ Коптовъ не понималъ содержанія ея. Надъ нею въ красномъ полѣ по Арабски написаны имена мучениковъ, изображенныхъ тутъ весьма неблаголѣпно. Всѣ они на коняхъ. Въ самой вершинѣ полукупола видится другая Коптская надпись; но она полуизгладилась. Паперть — выше самой церкви нѣсколькими ступенями. Когда сойдешь по нимъ и переступишь за рѣшетчатую перегородку: то едва при свѣтѣ возженныхъ свѣчей замѣтишь расположеніе святилища. Оно длинно и узко, но довольно высоко. Въ алтарѣ его, отдѣленномъ каменнымъ иконостасомъ, на которомъ

*) Смотри снимокъ ея.

видны полинялые лики святыхъ, за престоломъ высоко на стѣнѣ изображенъ стоящій Спаситель. Какъ надъ алтаремъ, такъ и надъ церковію высятся два малые полукупола. Смѣжно съ нею находится темный придѣлъ во имя св. Антонія. Алтарь его вывершенъ воронкообразнымъ и весьма узкимъ куполомъ, а предалтарная часть, вдоль придѣла, отдѣлена отъ вышеописанной церкви деревянною низкою рѣшеткою. Къ этому святилищу непосредственно примыкаетъ естественная пещера, въ которой спасался преподобный Павелъ. Она отдѣлена отъ него такою же рѣшеткою. Когда переступишь за нее лицемъ къ югу и ощупью пройдешь шаговъ двенадцать: очутишься у каменной раки сего перваго отшельника. Она подъ скалистымъ навѣсомъ пещеры стоитъ вдоль южной стѣны, и мало возвышается надъ уровнемъ пола. Облицовка ея известковая. Ничего нѣтъ на ней, ни покрова, ни креста. Не горитъ предъ нею и лампада. Тутъ на лѣвой, или, восточной стѣнѣ изображенъ преподобный Павелъ, во весь ростъ, въ финиковомъ хитонѣ; руки его воздѣты къ небу; воронъ несетъ ему круглый хлѣбецъ, а два льва лижутъ его стопы. Изъ пещеры входятъ прямо въ алтарь, освященный во имя сего угодника Божія. Низкій, малый, длиною въ пять шаговъ, шириною же

въ четыре, почти весь занятый св. трапезою, онъ сообщается съ побочнымъ алтаремъ посредствомъ двери. Въ немъ темно, какъ въ гробѣ; купола нѣтъ, потому что пещеру оставили неприкосновенною.

Стѣнная живопись во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ апокалипсическаго храма не хороша. Лица безобразны и даже страшны. Въ югозападномъ углу его есть потаенная лѣстница, по которой восходятъ въ смѣжную

ЦЕРКОВЬ СВ. МЕРКУРІЯ.

Въ этомъ святилищѣ маломъ, но свѣтленькомъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ прекраснаго образа св. Кирилла Александрійскаго, Италіанской живописи. Онъ присланъ сюда какимъ-то католикомъ.

БАШНЯ.

Напротивъ апокалипсическаго храма и церкви св. Меркурія высится зубчатая башня четвероугольная съ подъемнымъ мостомъ, перекинутымъ на крышу помянутой церкви. Въ ней устроенъ при-

дѣлъ во имя Божіей матери. Тутъ хранятся монастырская ризница, утварь и нѣсколько церковныхъ книгъ. Съ сей башни хорошо видны прибрежныя высоты Синайскаго полуострова и остроконечная вершина тамошней горы, носящей имя св. Екатерины.

КОЛОКОЛЕНКА.

Близь западнаго входа въ церковь св. Меркурія, къ братской трапезѣ пристроена колоколенка въ Коптскомъ вкусѣ. Она походитъ на пролетное дупло, въ верху котораго колоколъ повѣшенъ на перекладинѣ. Въ него благовѣстятъ, какъ на Аѳонѣ, качая его за уши веревкою, спущенною до земли.

БРАТСКАЯ ТРАПЕЗА.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колокольни, къ востоку, находится узенькій переулокъ. На лѣвой сторонѣ его ширится братская трапеза съ кухнею, а на правой расположены кладовыя клѣти. Близь ихъ отдѣльно устроена хлѣбопекарная печь.

САДЪ МОНАСТЫРСКІЙ.

Весь монастырь есть длинный четвероугольникъ, раздѣленный на двѣ не равныя половины. Большая половина, южная, застроена сплошными зданіями, а меньшая, сѣверная, занята садомъ и отчасти храмомъ во имя апокалипсическихъ старцовъ, съ придѣлами его. Въ саду ростутъ виноградныя лозы и разныя плодовитыя дерева, какъ то: финичія, маслины, гранаты и абрикосы. Этотъ садъ пустынные отцы воздѣлываютъ тщательно.

ИСТОЧНИКЪ ПРЕП. ПАВЛА.

За садомъ ширится большой дворъ, обнесенный каменными стѣнами. Въ сѣверо-западномъ углу его устроенъ крытый водоемъ. Онъ наполняется прѣсною влагою изъ того самаго источника, струями котораго утолялъ свою жажду преподобный Павелъ. Въ его время этотъ источникъ протекалъ въ долину Деръ мимо пещеры, осѣненной развѣсистымъ финичіемъ.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Высокія и крѣпкія стѣны монастыря складены изъ тесаныхъ камней пополамъ съ дикаремъ. Всѣ онѣ, кромѣ восточной, прямолинейны.

Обозрѣвъ обитель, я спустился съ подъема ея и въ своей палаткѣ провелъ вечеръ и ночь мирно. Хвала Богу за все!

11, Четвертокъ.

Въ половинѣ пятаго часа по полуночи послышался благовѣстъ къ обѣднѣ. Было холодно. Мы поднялись въ монастырь и вошли въ соборную церковь предъ самымъ началомъ священнодѣйствія. Игумны Даудъ и Павелъ, и діаконъ Ѳеодоръ, уже облачились въ бѣлые хитоны и такіе же наглавники. Четыре же уподіакона предстояли у престола въ своихъ рясахъ.

По возношеніи ѳуміама началась проскомидія. Авва Павелъ поднесъ къ царскимъ вратамъ пять просфоръ и стклянницу съ краснымъ вицомъ на блюдѣ. А авва Даудъ, стоя въ тѣхъ же вратахъ лицемъ къ западу, взялъ одну изъ просфоръ, благословилъ ее крестообразно указательнымъ перстомъ,

потомъ обонялъ лозное и далъ обонять его аввѣ Павлу и діакону Ѳеодору. Оно признано было ими уставнымъ. Послѣ сего всѣ служащіе обнесли эти дары кругомъ престола, молча: только одинъ діаконъ тихо возглашалъ по гречески: ἅγιον καὶ τίμιον δῶρον — т. е. святый и честный даръ. Проскомидія состояла въ потираніи просфоры пальцами и въ безмолвномъ воспоминаніи именъ живыхъ и умершихъ у престола.

По окончаніи ея послышалось чтеніе изъ дѣяній апостольскихъ, изъ соборнаго посланія Іоаннова, и изъ рядоваго апостола, на языкахъ Коптскомъ и Арабскомъ. Ихъ читали діаконы точно такъ же, какъ и въ монастырѣ св. Антонія.

По семъ былъ торжественный ходъ по церквѣ съ иконами распятія и сошествія Христа во адъ, съ хоругвями, съ кажденіемъ и стройнымъ пѣніемъ подъ оглушительные звуки стальнаго тріугольника, звонца и мѣдныхъ блюдъ, ударяемыхъ одно о другое. Къ нижнимъ рамамъ предносимыхъ иконъ прилѣплены были восковыя, горящія свѣчи. Сей обрядъ конченъ былъ въ алтарѣ однократнымъ хожденіемъ кругомъ престола и положеніемъ иконъ въ одномъ углу.

Когда было прочтено евангеліе по коптски и

арабски; оба служащіе игумны и діаконы вышли изъ алтаря и у царскихъ вратъ совершили обрядъ святаго лобзанія. Они прилагали руку къ рукѣ ладонями и задними сторонами ихъ, и цѣловались, не касаясь губъ.

Литургія Василія Великаго продолжалась по чину Коптской церкви. Необлаченные діаконы прислуживали, держа возженныя свѣчи, и говорили возгласы, скрестивъ руки на груди, но не причащались. Св. тайны преподаны были только облаченнымъ собратіямъ ихъ. Когда сіи приняли тѣло Христово; закрыли уста свои воздухами, и такъ неоднократно обходили кругомъ св. трапезы для принятія другихъ частицъ таинственнаго тѣла. Такъ же поступалъ и авва Павелъ. Копты причащаются съ примѣрнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Первенствующій игуменъ пріобщился крови изъ чаши, по видимому, однажды, а всѣмъ прочимъ преподалъ ее на ложицѣ трижды.

Послѣ литургіи игумны, почетные старцы, и всѣ мы пошли въ пріемную горницу. Она устлана была рогожками, кожами и коврами. Подали воду, водку и кофе. Кто хотѣлъ, пилъ. Я управлялъ разговоромъ и вызнавалъ, что̀ можно и нужно. На вопросъ мой о числѣ священнодѣйствуемыхъ литургій отцы

отвѣчали, что они служатъ только четыре, именно: св. Кирилла Александрійскаго въ великую субботу, св. Григорія Богослова въ Господскіе праздники, какъ то, въ Благовѣщеніе, въ недѣлю Ваій, въ Пасху, Вознесеніе, Пятьдесятницу, рождество Христово и Богоявленіе, и Василія Великаго, одну по коптски, другую по гречески, въ прочіе дни года. Выѣдывалъ я у нихъ и о преждеосвященной литургіи и о временахъ освященія воды, и узналъ, что сей литургіи давно не служатъ Копты въ слѣдствіе патріаршаго запрещенія, по случаю пожранія Даровъ зміемъ, воду же святятъ въ Богоявленіе, въ великій Четвертокъ, и въ день Петра и Павла. Взаимно старцы узнали отъ меня число нашихъ литургій и наши водосвятные дни. Была рѣчь и объ иконопочитаніи. Разсуждая о немъ, я примолвилъ пустынникамъ: «вы, какъ видится, чествуете св. образа. Но иконное писаніе у васъ не художественно. Отправьте въ Россію двухъ — трехъ молодыхъ послушниковъ для обученія сему священному искуству». — Пустынные отцы отговаривались отъ сего, поставляя на видъ свою скудость. А одинъ изъ нихъ повѣдалъ, что онъ въ бытность свою въ Іерусалимѣ видѣлъ св. образа, писанныя въ Россіи, и восхищался нашею церковною живописью. При этомъ онъ припом-

нилъ, что «лѣтъ девять назадъ, одинъ Русскій монахъ въ Іерусалимѣ увѣрялъ его, что когда мусульмане овладѣли Египтомъ (641 г.), тогда Мареотскіе инока, подвизавшіеся близъ Александріи, ушли въ Русскія страны». Это извѣстіе породило во мнѣ желаніе посѣтить Мареотскую пустыню. Авось, въ тамошнихъ опустѣлыхъ скитахъ я найду какой нибудь слѣдъ Русскій.

Высказавъ это желаніе Коптскимъ отцамъ, я заговорилъ о заслугахъ монашества въ отношеніи къ распространенію христіанской вѣры у разныхъ народовъ, перечислилъ знаменитыхъ учениковъ св. Антонія, основавшихъ св. обители въ разныхъ странахъ, какъ путеводныя свѣточи, и кстати попросилъ старцовъ повѣдать мнѣ исторію ихъ монастыря и настоящее состояніе его. По словамъ ихъ, преподобный Павелъ родился въ Александріи. *) Однажды онъ на похоронахъ сильно почувствовалъ суету и ничтожность сей кратковременной жизни, и блаженную вѣчность и славу жизни будущей, и подъ вліяніемъ этого чувства рѣшился покинуть міръ и всѣ утѣхи его, и ушелъ въ здѣшнюю пустыню, гдѣ и спасался безмолвно въ пещерѣ до тѣхъ поръ,

*) А по житію — въ верхней Ѳиваидѣ.

когда Богъ вселилъ душу его въ рай сладости. Св. Антоній похоронилъ его здѣсь съ помощію двухъ львовъ, и на мѣстѣ его подвиговъ основалъ малую обитель. Со временемъ она увеличилась и украсилась щедротами благочестивыхъ христіанъ. Когда же былъ раззоренъ монастырь св. Антонія; тогда и она подверглась той же участи и долго оставалась въ запустѣніи. Но патріархъ Гавріилъ возстановилъ ее и населилъ Нитрійскими монахами. Потомъ сто-третій патріархъ Іоаннъ *) во второй разъ собралъ въ нее иноковъ; и она служила училищемъ. Ибо изъ Антоніева монастыря посылали въ нее молодыхъ послушниковъ обучаться церковной грамотѣ. Случились разгласія между братіями обѣихъ обителей. Павлиты удержали питомцовъ своихъ, отдѣлились отъ Антоніанъ, и поступили въ непосредственное вѣдомство Коптскаго патріарха. Нынѣ въ обители спасаются тридцать два монаха, да въ оборахъ трудаются шестьдесятъ старцовъ. Ихъ игуменъ Аклодіосъ (Клавдій) пребываетъ въ Бушѣ и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Однако его хотятъ смѣнить. Обитель, при всей бѣдности своей, дѣлится насущ-

*) Онъ святительствовалъ въ началѣ XVIII-го вѣка, и въ 1703 году освятилъ муро, котораго не готовили лѣтъ 200. Historia patriarch. Alexandr. Jacobitarum. 1713.

нымъ хлѣбомъ съ окрестными Бедуинами. До Мегмета Али паши она кормила ихъ по страху, а теперь дѣлаетъ это по милосердію.

Сколь ни кратко было сіе повѣствованіе, безъ означенія времени событій; но я былъ доволенъ и этимъ подаяніемъ пустынныхъ отцовъ, и поблагодаривъ ихъ за братское общеніе, ушелъ въ свою палатку.

Въ четыре часа по полудни любознательность опять повела меня въ обитель. Мнѣ хотѣлось узнать: нѣтъ ли тамъ какихъ древнихъ рукописей, достойныхъ вниманія. Желаніе мое отчасти удовлетворили пустынные отцы. Они показали мнѣ арабскую рукопись въ листъ, въ двухъ частяхъ, содержащую жизнеописанія Александрійскихъ патріарховъ ихъ, начиная отъ евангелиста Марка, до семдесятъ четвертаго владыки Іоанна. Онъ послѣдній описанъ во второй части. При видѣ сей книги любопытство мое разгорѣлось. Но по краткости времени невозможно было пересмотрѣть ее всю. Посему я велѣлъ переводчику своему найти житіе Коптскаго патріарха Веніамина, при которомъ Египетъ завоеванъ былъ Арабами, и перевести его мнѣ.

Вотъ содержаніе его:

«Веніаминъ въ юности своей оставилъ отца и

мать, и ушелъ въ пустыню спасаться. Тамъ явился ему ангелъ и сказалъ: «ты достоинъ пасти овцы Христовы.» Въ самомъ дѣлѣ его сдѣлали патріархомъ, послѣ того какъ Персы овладѣли Египтомъ при Греческомъ царѣ Иракліи. Но когда сей государь въ свою очередь изгналъ оттуда поклонниковъ огня, ангелъ опять явился Веніамину и сказалъ ему: «бѣги отсюда.» Патріархъ убѣжалъ въ Маріутъ въ Уади Хабибъ, въ монастырь св. Макарія. А Ираклій и исполнитель воли его Могигасъ принуждали Египетскихъ христіанъ принять Халкидонское вѣроисповѣданіе. Одни изъ нихъ приняли оное, а другіе отвергли. Ираклій сожегъ Бока, брата Веніаминова, за упорство въ монофизитствѣ, другихъ заточилъ, прочимъ угрожалъ потопленіемъ въ морѣ и въ Нилѣ, а единовѣрцовъ своихъ ласкалъ, награждалъ, и назначилъ имъ единомысленныхъ епископовъ. Однажды ему приснилось, что *обрѣзанные* отнимутъ у него Египетскую область. Онъ подумалъ о Евреяхъ и велѣлъ крестить ихъ. Но явился Магометъ. Обрѣзанные почитатели сего *лжепророка*, еще при Ираклiи, завоевали Сирію. А въ 357 году мучениковъ (641 нашемъ) Халифъ Омаръ письменно объявилъ ему войну, разорилъ крѣпости въ Египтѣ и сожегъ Греческій флотъ въ пристани Александріи.

Жители сего города признали власть побѣдителя; и онъ далъ имъ большія льготы. Однако Арабы сожгли церковь евангелиста Марка, что у моря. Во время пожара одинъ корабельщикъ судна, христіанинъ, тайно взялъ главу сего евангелиста и отплылъ съ нею. Омаръ пожелалъ знать, гдѣ находится Веніаминъ, и приказалъ возвратить его въ Александрію. Патріархъ явился туда послѣ тринадцатилѣтняго бѣгства, и былъ представленъ Халифу. Завоеватель принялъ его благосклонно, и сказавъ, что онъ еще не видывалъ подобнаго ему человѣка Божія, просилъ его помолиться, чтобы Богъ помогъ ему завоевать Византію, и прибавилъ: «когда это сбудется, тогда проси у меня, чего хочешь.» Веніаминъ помолился въ присутствіи Халифа. Молитва его понравилась ему вопервыхъ; и онъ двинулъ свои полчища къ Византіи. Между тѣмъ патріархъ успѣлъ отклонить нѣкоторыхъ епископовъ отъ Халкидонскаго вѣроисповѣданія; остальные же пребыли тверды и непреклонны въ немъ. — Что же случилось съ тѣмъ христіаниномъ, который взялъ къ себѣ на судно главу евангелиста Марка? Онъ никакъ не могъ удалиться отъ берега Александріи, и возвратившись въ пристань повѣдалъ сіе чудо правителю Египта, а сей возвѣстилъ оное Веніамину, который и взялъ

съ корабля св. мощи. Тогда правитель далъ сему патріарху кучу денегъ для обновленія церкви евангелиста»....

Тутъ игуменъ Даудъ прервалъ чтеніе наше и съ усмѣшкою сказалъ: «если бы я зналъ Московскій языкъ, то перевелъ бы всѣ ваши книги». Я понялъ, что въ душу его закралось подозрѣніе насительно моей любознательности, и отвѣчалъ ему: «чтожъ? пошлите въ Россію молодыхъ монаховъ; они въ два—три года научатся тамъ говорить по русски, и принесутъ вамъ знанія и искуства» — «Но они у насъ сдѣлаются православными?» возразилъ авва. Я отвѣчалъ ему: «вольному воля, спасенію рай! Однако знайте, что мы никого не принуждаемъ перемѣнять вѣру».

Водворилось молчаніе. Переводчикъ мой еще держалъ въ рукахъ любопытную рукопись; и я попросилъ у Коптскихъ отцовъ позволенія прочесть житіе 74 патріарха Іоанна.

«Онъ избранъ былъ въ 905 году эры мучениковъ (1189 г.) епископами и жителями Каира противъ воли его. Ученый, добродѣтельный, набожный, дѣвственникъ, но не монахъ. Іоаннъ любилъ нищихъ и подавалъ имъ щедрыя милостыни, церковію же управлялъ въ теченіи четырехъ годовъ при султанѣ Саладинѣ, скончавшемся въ Дамаскѣ».

Возвративъ старцамъ рукопись, я спросилъ ихъ: есть ли продолженіе исторіи остальныхъ патріарховъ?

— Есть въ Каирѣ у нашего владыки; отвѣчали они.

— Не помните ли вы именъ предшественниковъ его?

— Помнимъ не многія. Предъ нимъ святительствовалъ Маркъ, предъ симъ Іоаннъ, предъ этимъ другой Маркъ. Прочихъ не помнимъ.

Этимъ кончилась наша бесѣда. Вечерѣло. Я воротился въ свой станъ.

Ночь была свѣтлая и тихая. Луна, ученица солнца, занималась своимъ дѣломъ, отливомъ Чермнаго моря. Наши проводники варили себѣ кофе и разговаривали по своему. Я съ о. Ѳеофаномъ долго прогуливался близь своего кочевья и разсуждалъ съ нимъ о томъ, что непремѣнно въ здѣшнемъ мѣстѣ подвизался преподобный Павелъ Ѳивейскій. Сличеніе этого мѣста съ житіемъ сего угодника Божія поселяло въ обоихъ насъ твердую увѣренность, что мы видѣли и почтили первую колыбель монашества. Въ помянутомъ житіи сказано, что Павелъ нашелъ у одной горы пещеру, которой устье заслонено было вѣтвями дикаго финичія, и что она находилась близъ родника воды, протекавшаго малое простран

ство, и теряшагося въ землѣ не далеко отъ своего истока. Въ самомъ дѣлѣ естественная пещера, включенная въ монастырскій храмъ апокалипсическихъ старцовъ, находится подлѣ скуднаго источника. Дерево у ней срублено: но за то другія дикія финичія, закрывающія своими верхними и нижними вѣтвями другіе сосѣдніе источники внѣ обители, живо напоминали намъ, что подобнымъ образомъ пріосѣнялась и заслонялась и пещера Павлова. — Около нея онъ нашелъ развалины домиковъ и въ нихъ — рѣзцы, наковальни и молоты; ибо тутъ въ царствованія Клеопатры и Марка Антонина дѣлали фальшивую монету. Замѣчательно, что и въ послѣдствіи въ монастырѣ первѣйшаго отшельника монахи занимались этимъ запрещеннымъ ремесломъ: что́ и подало поводъ къ раззоренію его вмѣстѣ съ обителію Антонія Великаго. — Въ житіи преподобнаго Павла упомянуто, что когда св. Антоній, по откровенію свыше, пошелъ изъ своей пещеры отыскивать жилище сего праведника, то достигъ до него въ два дни. И мы оттуда же доѣхали сюда въ два дни. — Эти вѣрные признаки не оставляли въ насъ и тѣни сомнѣнія о подлинности мѣста подвиговъ и успенія человѣка Божія, носившаго хитонъ финиковый. Намъ пріятно было находиться на этомъ мѣстѣ; и радость

наша увеличилась еще болѣе, когда мы надъ самымъ теменемъ сосѣдней горы увидѣли двѣ звѣзды рядомъ. Онѣ напоминали намъ Павла и Антонія. Любуясь яркимъ свѣтомъ ихъ, мы говорили другъ другу: и въ насъ долженъ сіять свѣтъ Христовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

ПРОЩАНІЕ СЪ ПУСТЫННИКАМИ И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ МОНАСТЫРЬ СВ. АНТОНІЯ.

12, Пятница.

Жизнь наша подобна кристалищу. Достигнешь предуставленной цѣли и съ побѣдною радостію отходишь, оставивъ у нея или имя свое, или даръ обѣтный, и унесши съ собою пріятныя и поучительныя воспоминанія.

Достигъ я своей цѣли: видѣлъ первѣйшую колыбель монашества, укрытую въ скалистыхъ горахъ, далеко, весьма далеко отъ Петрополя, гдѣ въ Академической церкви облекли меня, еще молодаго, въ мантію, куколь и сандалія. Свѣтло мнѣ было у этой колыбели. Здѣсь я лучше понялъ, что истина есть святое житіе, и оплакалъ ложную жизнь свою. Здѣсь я лучше понялъ, что житіе свя-

тыхъ есть чистое зеркало, въ которомъ видно неземное достоинство души, и возжелалъ даровъ небесныхъ. Здѣсь я лучше понялъ, что единственное благо, какое намъ дано, благо драгоцѣннѣйшее, есть наша душа, и сокрушаясь о томъ, что мы всего менѣе заботимся о ней, пламенно просилъ у Бога благодати, побуждающей ее къ спасенію.

Утро у слаыхъ источниковъ пр. Павла.

Написавъ эти строки, я приказалъ готовить верблюдовъ въ обратный путь и поднялся въ монастырь. Тамъ пустынные отцы совершали Божію службу. Душа моя возжадала.... молитва въ темной пещерѣ преподобнаго Павла утолила жажду ея.

Оттуда я прошелъ въ соборъ, освященный воимя Предтечи, обитавшаго въ пустынѣ Іорданской. Тутъ старцы, съ костылями подъ мышками, чинно стояли у стѣнъ на молитвѣ. Старшему изъ нихъ я вручилъ 300 піастровъ. Онъ безмолвно принялъ мой вкладъ и немедленно положилъ его на полъ, вдали отъ себя, дабы собратія видѣли пѣнязи, и дабы никто изъ нихъ не заподозрилъ его въ утайкѣ ихъ части. Такая тонкость иноческой нестяжательности, такая осторожность, такое обнаруженіе общежительнаго братства крѣпко понравились мнѣ. Я пере-

крестился, помолился на востокъ, обратился къ западу, въ поясъ поклонился пустыннымъ и строгимъ отцамъ, и они поклонились мнѣ въ поясъ. Таково было наше прощаніе!

Въ семь часовъ поѣздъ мой двинулся въ Уади Деръ. Прохладный вѣтеръ дулъ намъ съ сѣвера; и въ немъ каждый изъ насъ ощущалъ родное вѣяніе, кто Костромское, кто Орловское, кто Петербургское, кто Днѣстровское. Такъ духъ Божій, идѣже хощетъ, дышетъ: но дыханіе его пріемлется разно по разному настроенію душъ крещенныхъ.

Спустя три часа ѣзды, при сліяніи долины Деръ съ Уади-Родъ-иль-Ефенди, налѣво отъ дороги и вблизи отъ нея, Арабы указали мнѣ въ ряду бугровъ одинъ холмъ и повѣдали, что въ немъ ископаны большія пещеры. Неугомонное любопытство понудило меня видѣть ихъ въ чаяніи найти затворы древнихъ подвижниковъ. Я пошелъ туда пѣшкомъ и осмотрѣлъ пять пещеръ, изъ коихъ одна, высокая и широкая, простирается въ длину на 53 шага, прочія же — гораздо ниже ея, однако не узки и не коротки. Съ перваго взгляда замѣтно было, что онѣ изсѣчены недавно. А одинъ кусокъ блестящаго камня, въ родѣ желтобѣлаго мрамора, ясно доказывалъ, что въ этой каменоломнѣ добывали колонны

или плиты для мечетей и домовъ Египетскаго паши. Да и проводники мои говорили, что тутъ работали франки. Понятно, что работами распоряжался какой-то европеецъ Родъ; и его прозваніемъ именованъ весь пещерный холмъ съ сосѣднею долиною. И такъ чаяніе мое не сбылось.

Прежняя дорога, какъ знакомая, кажется короче, но проходится не безъ скуки. Я, ѣдучи по ней, чувствовалъ то веселіе, то уныніе.

Миновавъ прежній ночлегъ, гдѣ бедуины потѣшались своими играми, мы поднялись на ет-Тарефскій мысъ. Утомителенъ переходъ чрезъ хребетъ и взволнованные склоны его. Тутъ отраженіе свѣта отъ песку производитъ воспаленіе въ глазахъ.

Въ три съ половиною часа по полудни поѣздъ нашъ расположился ночевать на чистомъ полѣ, Рàжбэ, подъ яснымъ небомъ. Шатры водружены. Всѣ утомлены. Покой, бездумье и безмолвіе наше ладили съ угрюмою пустынею.

Когда солнце закатилось; я воспѣлъ хвалу всевышнему Владыкѣ.

13, Суббота.

Съ разсвѣтомъ дня на мѣстѣ нашего кочевья остались одни слѣды людскіе и звѣриные, но и тѣ вѣ-

теръ занесетъ пескомъ. Суетно было бы путешествіе, если бы послѣ него не оставались другія неизгладимыя напечатлѣнія, т. е. воспоминанія и описанія его. Въ котомкѣ путника, кромѣ хлѣба и соли, неотмѣнно должно быть перо. Тлѣнно это орудіе, но не таковы черты его. Имъ надолго изображается все, что видитъ око, слышитъ ухо, чувствуетъ сердце и познаетъ разумъ.

Въ концѣ девятаго часа по полуночи мы благополучно прибыли къ монастырю св. Антонія и у подъема его поставили свои кущи въ надеждѣ уѣхать завтра во свояси. Тутъ я еще разъ распрашивалъ о. Дауда о Коптахъ и узналъ, что:

1) Нынѣшній владыка ихъ Петръ до патріаршества былъ митрополитомъ Абиссинскимъ, однако не ѣздилъ въ Эѳіопскія страны.

2) У Коптовъ соборовъ помѣстныхъ нынѣ не бываетъ.

3) Народъ и священники избираютъ себѣ епископа и въ Каирѣ у патріарха своего испрашиваютъ утвержденія и рукоположенія избраннаго, по большой части, изъ монаховъ.

4) Всѣ епископы, кромѣ Абиссинскаго митрополита, въ каждые два или три года, пріѣзжаютъ въ Каиръ, и дарятъ патріарху, кто 70, кто 80, кто сто

ардебовъ пшеницы, *) и каждый жертвуетъ ему двадцать овецъ, десять кувшиновъ скоромнаго масла, и постольку же сыра и елея.

5) Епископы суть судіи народа. Они приводятъ въ исполненіе духовныя завѣщанія, раздѣляя имущества покойныхъ между ихъ родными.

6) Рукополагая священниковъ, они дуютъ имъ въ уста, въ знаменіе преподанія имъ Духа святаго.

7) Копты, мущины, пріобщаются порознь тѣла и крови Христовой, а женщины и дѣвицы — одного тѣла, орошеннаго таинственною кровію, потому, что строгій обычай не позволяетъ имъ открывать лица даже и въ церквѣ.

8) Св. Тайны преподаются возрастнымъ послѣ исповѣди.

9) Грудныхъ младенцовъ священникъ причащаетъ, влагая имъ въ уста конецъ указательнаго перста своего, омоченнаго въ кровь Христову, и вливая нѣсколько капель воды.

10) Копты воздаютъ боголѣпное поклоненіе Божіей матери, и ублажаютъ ее обрадованіями. Акаѳистами).

11) Много у нихъ напѣвовъ, или гласовъ церков-

*) Въ каждомъ ардебѣ девять пудовъ.

ныхъ: а главные два — радостный и печальный. Первый называется, коровій.

Таковы прибытки знанія моего въ настоящій день. Не велики они, но цѣнны. Я простился съ наслѣдниками пустыни Антонія Великаго братолюбно, и вручилъ имъ 1200 турецкихъ пѣнязей на нужды ихъ обители. Они приняли вкладъ мой съ благодарностію и снабдили меня хлѣбомъ, водою и угольями. За то спаси ихъ Отецъ щедротъ и всякія утѣхи.

Ночь свѣтла. Пустыня тиха. Земля холодна. Освѣщенныя горы бросаютъ длинныя тѣни. Мой таборъ спитъ, а я бодрствую. Мнѣ пріятно смотрѣть въ небо. Тамъ звѣзды горятъ и дрожатъ. Горите вы звѣзды, горите какъ свѣчи предъ ликомъ Ветхаго деньми. Съ вами и духъ мой разгарается, какъ пламень, и несется къ престолу Божества.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ БУШЪ.

14, Воскресеніе,

Утромъ въ половинѣ шестаго часа мы отправились въ обратный путь. Спустя тридцать минутъ по отъѣздѣ, я оглянулся назадъ и замѣтилъ, что монастырь св. Антонія какъ бы сравнялся съ землею. Видны были однѣ зеленыя вершины финиковыхъ деревъ.

Ѣду и думаю: все суета суетъ подъ солнцемъ. Итакъ неудивительно, что нѣкоторые люди уходятъ въ пустыни, чтобы жить тамъ для Бога.

Ѣду и припоминаю: авва Антоній однажды видѣлъ всѣ сѣти врага, распростертыя по землѣ, и вздохнувъ сказалъ: кто же избѣгнетъ ихъ? но услышалъ гласъ говорящій ему: «смиренномудріе».

Ѣду и припоминаю: преподобный Павелъ Ѳивейскій, свидѣвшись съ аввою Антоніемъ предъ кончиною своею, говорилъ ему: «Ты видишь предъ собою человѣка, который скоро обратится въ прахъ. Но такъ какъ любы вся терпитъ; то прошу тебя, повѣдай мнѣ: въ какомъ состояніи находится родъ человѣческій; въ древнихъ городахъ строятся ли новыя кровли; какая власть управляетъ міромъ; есть ли въ живыхъ такіе люди, которые еще обманываются прельщеніями демоновъ».

Ѣду и думаю: пустынникъ, молясь о всемъ мірѣ, иногда чувствуетъ въ себѣ неодолимое желаніе знать, что́ дѣлается въ немъ; торжествуетъ ли тамъ истина надъ заблужденіями и добродѣтель надъ порокомъ.

Ѣду и думаю: авва Антоній ощущалъ въ себѣ силы неизъяснимыя, слышалъ гласы таинственные, имѣлъ видѣнія божественныя, и учился и училъ жить для одного неба. За то ликъ его найдешь даже на островѣ Бѣлаго моря, гдѣ читаютъ наставленія его, и подражаютъ житію его.

Ѣду и думаю: какъ ткомое полотно не остается все въ рукахъ ткача, и большая часть его свивается на навой: такъ душа избранника Божія по той мѣрѣ, какъ пріобщается къ сонму прочихъ душъ, даруя

имъ свое слово и свой образъ бытія, ввивается въ исторію всемірную.

Ѣду и думаю: въ царствѣ духовномъ есть законъ, по которому, какъ только сообщится людямъ новое вѣрованіе, оно немедленно устремляется въ новыя страны, и тамъ укореняется. Какъ родникъ воды, произникшій изъ скалы, или изъ чащи лѣсной, течетъ оттуда къ отдаленному морю, или озеру, котораго не знаетъ; какъ перелетная птица, оперившись, улетаетъ изъ гнѣзда своего въ другое поднебіе, котораго не вѣдаетъ: такъ новое вѣрованіе не ограничивается мѣстомъ своего перваго появленія, а распространяется, сколько можно, далѣе, и въ самой природѣ вещественной находитъ себѣ такія мѣста, а въ искуствахъ человѣческихъ — такіе образы, какія соотвѣтствуютъ ея духу. Христіанство въ началѣ сосредоточивалось у Тиверіадскаго озера въ двѣнадцати рыбаряхъ; а потомъ? во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ. И эта вѣра проникла въ дремучіе лѣса, въ угрюмыя пустыни, въ неизходимыя горы, въ невѣдомыя страны, гдѣ никакое образованіе не предваряло ее. Не столько подъ пламеннымъ небомъ Азіи и Африки, сколько въ лѣсистой Европѣ и Америкѣ она соорудила свои храмы всезиждительному Богу Спасителю и Мла-

дѣцу пренепорочныя Дѣвы въ непочатыхъ лѣсахъ, на цѣликовыхъ степяхъ, у прозрачныхъ источниковъ, изъ которыхъ пили лишь елени и врабіи, и тамъ, гдѣ бываютъ пламенныя, но не жгучія сіянія на небѣ, гдѣ падаютъ бѣлѣйшіе снѣги, и гдѣ не таютъ незапятнанные льды. Всѣ высшія силы и стремленія человѣческаго духа и добродѣтели сердца,—тяготѣніе къ Богу, прозрѣнія, видѣнія и чудодѣйствія, самоотверженіе, презрѣніе міра и суетъ его, покаяніе, успокоеніе въ вѣрѣ и надеждѣ, ангелоподобную жизнь, она развивала, настроивала и усовершала въ неблазненныхъ пескахъ Ливіи и Месопотаміи, въ безмятежныхъ горахъ богошественнаго Синая, въ плачевныхъ юдоляхъ и пустыняхъ Іордана и Мертваго моря, въ неискусительной чащѣ неприступнаго Аѳона, въ спасительныхъ пещерахъ горъ Кіевскихъ, благословенныхъ десницею первозваннаго апостола. Христіанская вѣра, принесенная съ неба и призывающая насъ къ небу, воздвигла на высокихъ горахъ и холмахъ св. обители, какъ свѣточи людямъ, ходящимъ во тмѣ, а на храмахъ утвердила высочайшіе стрѣльчаты, какъ бы персты указывающіе намъ путь вознесенія душъ въ небесныя обители. Она подъ звуки пророческой арфы и подъ глаголы апостольской проповѣди настроила рѣчи полудикихъ народовъ».

Эти думы настроили мою душу къ славословію Бога; и я воспѣлъ священную пѣснь: Тебе бога хвалимъ, тебе господа исповѣдуемъ. Тебе превѣчнаго отца вся земля величаетъ. Тебе вси ангели, тебе небеса и вся силы и проч.

Приближался полдень. Было весьма жарко. Вся Арабайская долина бѣлѣла подъ маревомъ; и въ этой призрачной водѣ кочки и кусты казались рослыми деревами.

Послѣ полудня вдругъ забушевалъ крѣпкій западный вѣтеръ, и отъ поры до поры набѣгалъ на насъ, возметая зыбучій песокъ. По его палящему зною и порывистымъ напорамъ мы догадались, что насъ провожаетъ тотъже Семумъ, который встрѣтилъ поѣздъ нашъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Быстрота его ни съ чѣмъ несравнима. Его не обогнали бы Аравійскіе кони, и не опередили бы Нильскія ласточки. Быстрѣе его лишь полетъ нашей мысли. А сила его крѣпка изумительно. Сей вихрь пустынный, шумя, завывая, зыча и бушуя, прижимаясь къ горамъ и отражаясь отъ скалъ, устремлялся впрямь и вкось, омрачая и обливая все небо какъ бы растопленною мѣдью, шевелилъ придорожные камни, и отъ поры до поры схватывалъ цѣлые холмы песчаные и бросалъ ихъ, гдѣ ни попало. Въ эти

страшныя минуты всѣ верблюды подъ нами быстро повертывались задомъ къ налетавшимъ напорамъ Хамсина, и склонивъ головы къ землѣ, останавливались и стояли, какъ вкопанные. Тогда я понялъ: какъ въ Африканскихъ пустыняхъ погибали отъ Семума цѣлыя арміи и большіе караваны. Они гибли отъ того, что животные не шли впередъ и умирали отъ ядовитаго дыханія сего палящаго вѣтра. И во время нашего переѣзда чрезъ Арабайскую долину были минуты, въ которыя цѣлыя кучи песку обрушивались надъ нами, стоявшими неподвижно, и въ мгновеніе ока засыпали ноги нашихъ верблюдовъ почти до колѣнъ. Тогда мы робѣли, блѣднѣли, молчали. Каждый изъ насъ Богу исповѣдовалъ свои тайны. Такая остановка отъ такихъ устрашеній грозной силы природы повторялась нѣсколько разъ. На насъ падали крупныя и горячія капли; и мнѣ то казалось, что небо проливало горькія слезы, то представлялось, что Семумъ зачерпывалъ воду изъ Нила, и вскипятивъ ее въ своихъ пламенныхъ устахъ, брызгалъ ею по трепетной пустынѣ. Къ счастію, такой страшный мятежъ въ природѣ продолжался не болѣе ста минутъ. Разгаръ его смѣнился жаромъ, а жаръ удушьемъ, удушье же длилось до вечера.

Въ половинѣ четвертаго часа по полудни мы достигли до прежняго ночлега нашего въ Уади Арабѣ, и тутъ остановились. Истомленные, изсушенные и загорѣлые, мы долго не могли говорить.

Предъ закàтомъ солнца облака закрыли небо, и началъ накрапать дождь, но скоро пересталъ. Мы поотдохнули.

Послѣ ужина нашлось полезное занятіе. Такъ какъ игуменъ Даудъ взялъ съ собою Арабскую лѣтопись, кажется, ту самую, которую показывали мнѣ въ монастырѣ св. Павла; то я у него выпросилъ ее на нѣсколько минутъ и велѣлъ переводчику прочесть, что̀ первое откроется. Онъ развернулъ рукопись и перевелъ мнѣ слѣдующее сказаніе:

«Въ царствованіе Константина Великаго многіе Евреи сдѣлались христіанами. Одинъ изъ нихъ, ученый, представился сему государю и повѣдалъ ему, что раввины попортили Еврейскій подлинникъ книги Бытія, убавили много лѣтъ у допотопныхъ патріарховъ, дабы время пришествія Мессіи не совпадало съ явленіемъ Іисуса Христа, что греческій переводъ ветхаго завѣта, сдѣланный въ Египтѣ седьмидесятью толковниками при Птоломеѣ Филадельфѣ, есть самый вѣрный, и что одинъ изъ первоначальныхъ списковъ съ него обрѣтается у старѣйшинъ

еврейскихъ и скрывается ими. Константинъ приказалъ привести ихъ къ себѣ; и они признались ему, что первосвященники Анна и Каіафа истребили этотъ списокъ, и что копія его находится въ Египтѣ. Тогда императоръ повелѣлъ отыскать сію копію. Ее нашли, и сличивъ съ нею еврейскій текстъ книги Бытія, увидѣли разницу въ лѣтосчисленіи отъ Адама, такъ что въ помянутомъ текстѣ недоставало 1389 лѣтъ».

Эжели это сказаніе вѣрно; то подлинный и первоначальный списокъ перевода 70-ти толковниковъ утратился въ Константинополѣ, а не въ Александріи, гдѣ Омаръ сожегъ знаменитое книгохранилище ея.

15, Понедѣльникъ.

Утро было прохладно. Съ сѣвера дулъ свѣжій и сырой вѣтеръ, и разгонялъ облака, висѣвшія на юго-западномъ небосклонѣ.

Въ шесть часовъ мы снялись съ ночлега и чрезъ шестьдесятъ минутъ поворотили изъ Арабы подъ прямымъ угломъ на сѣверъ въ Уади-ел-Хлелъ. Эта узкая долина съ обѣихъ сторонъ обставлена пирамидальными холмами. Въ ней есть сочная пажить для верблюдовъ.

Изъ Уади Хлелъ Бедуины провели насъ въ знакомую Уади Хѐдыръ, въ которой справа и слѣва много разнообразныхъ бугровъ. Тогда минуло восемь часовъ.

А въ три по полудни мы расположились ночевать на другомъ краю долины Сеннаарской. Палатки наши поставлены были на кремнистой привыси изъ предосторожности отъ змѣй. Я подарилъ проводникамъ козленка. Они, обрадованные, скоро испекли его на угляхъ подъ золою и полакомились имъ.

16, Вторникъ.

До разсвѣта мы уѣхали изъ Сеннаарской долины, желая заблаговременно поспѣть къ Нилу и ночевать на другомъ берегу его у Буша. На Бакаратской выси было холодно такъ, что у меня озябли ноги. Пустота и безжизненность этой мѣстности, въ моей мысли, соотвѣтствовали нашей грѣховности.

Холодъ понудилъ меня идти пѣшкомъ. На моего верблюда сѣлъ забавникъ Аэшъ и началъ представлять Англійскаго путешественника. Онъ сперва подперся руками въ бока свои; потомъ началъ быстро озираться на всѣ стороны, рукою защищая глаза отъ солнца; наконецъ вынулъ изъ пазухи лоскутокъ бу-

маги, и давай рисовать виды окрестныхъ горъ. Верблюдъ трясетъ его. Милордъ сердится, ворчитъ и дергаетъ животное за поводъ. Горбунъ бросается въ сторону: Англичанинъ падаетъ стремглавъ, бѣсится, охаетъ, хромаетъ и ворчитъ на Арабовъ. Дружина моя смѣется. Одинъ Бедуинъ схватилъ верблюда за поводъ и подвелъ его къ милорду. Хаваджа (т. е. господинъ) опять сѣлъ на него, и держа въ рукахъ карандашъ и бумагу, началъ спрашивать своего погонщика:

— Кто живетъ здѣсь, на этой горѣ? — подразумѣвая бедуиновъ.

— Погонщикъ, зная что бедуины тутъ не живутъ, отвѣчаетъ: кулю ло хушъ. (То есть, всякіе звѣри).

— Англичанинъ записываетъ, говоря про себя: на Бакаратѣ живутъ бедуины, Уль-Хушъ, и продолжаетъ спрашивать:

— Какъ называется вотъ этотъ холмъ? (указываетъ его вдали).

— Погонщикъ шутя отвѣчаетъ скороговоркою: Акель ель Ölмà. (т. е. пища ученыхъ).

— Какъ?

— Акель ель Ölмà.

— Акелдама? (т. е. пища съ кровью?)

— Угодливый бедуинъ киваетъ головою въ знакъ

согласія. Англичанинъ пишетъ названіе холма Акелдамà, и подзываетъ къ себѣ другаго бедуина, воображая, что у перваго худое произношеніе, а у него самого чуткій слухъ.

Другой погонщикъ подходитъ къ нему; и онъ спрашиваетъ его:

— Какъ зовутъ то зданіе, которое бѣлѣетъ вдали?

— Тамъ нѣтъ никакого зданія, ефенди. Тебѣ мерещится.

— Какъ нѣтъ!... Развѣ я не вижу?

— А! это Хаджръ ер Ры́кабъ; (камень всадниковъ) солгалъ бедуинъ въ угодность милорду.

— Какъ?

— Хаджръ ер Рыкабъ; повторилъ Арабъ скороговоркою.

— Милордъ наклонился, навелъ ухо, и еще разъ спросивъ, переиначилъ названіе и записалъ Хаджи-Ри́ка.

Такая забава Аэша потѣшила дружину мою тѣмъ болѣе, что на бронзовомъ лицѣ его поперемѣнно выражались самымъ рѣзкимъ образомъ любопытство, самолюбіе, гордость, нетерпѣніе и гнѣвъ. Въ числѣ проводниковъ нашихъ былъ одинъ Негръ. Я подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: какимъ образомъ торговцы невольниками достаютъ его братію. Онъ

отвѣчалъ: «насъ маленькихъ они крадутъ въ лѣсахъ, куда наши отцы и матери переходятъ на лѣто, а взрослыхъ дѣвицъ берутъ себѣ будто въ жены, и потомъ продаютъ ихъ». И такъ торговля невольниками есть самое безнравственное дѣло.

Я усталъ и сѣлъ на горбуна своего. Мнѣ вздумалось распросить шеха о вѣрѣ и нравахъ здѣшнихъ бедуиновъ. Его почтительность и расположеніе ко мнѣ, степенность и чаяніе подарка отъ меня послѣ проводовъ, ручались за его искренность. По словамъ его:

I.

На всей Аравійской полосѣ между Ниломъ и Чермнымъ моремъ, отъ Суэса до Лукзора (Ѳивъ), нынѣ кочуютъ бедуины изъ племени Анѣзи. Они переселились туда изъ-за восточнаго берега сказаннаго моря, изъ страны называемой Гжасъ, назадъ тому шестьдесятъ лѣтъ. А до пришествія ихъ тутъ обиталo бедуинское племя, Хдемъ, которое теперь малосильно, и кочуетъ въ окрестностяхъ Каира.

Трехлѣтнее бездо́ждіе въ Гжасѣ понудило Анезіевъ выселиться оттуда. Они мирно пришли въ Египетъ въ числѣ сорока душъ мужескаго пола съ женами и дѣтьми. А нынѣ ихъ считается тысяча

душъ, однихъ мужчинъ. Такая прибыль произошла отъ ежегоднаго переселенія Анезіевъ изъ Гжаса.

Эти бедуины прибыли и прибываютъ въ Египетъ, не испрашивая позволенія у паши, и не взносятъ ему никакой подати. Напротивъ онъ ежегодно даетъ имъ 6000 піастровъ, лишь бы они жили въ пустынѣ и охраняли при-нильскія селенія отъ разбойниковъ.

II.

Они вѣруютъ въ Бога вездѣсущаго, всемогущаго, премудраго и всеблагаго, который сотворилъ небо, землю и все, что есть въ нихъ.

По ихъ мнѣнію сатана возсталъ противъ Бога и палъ.

Первый человѣкъ былъ Адамъ. Онъ жилъ въ раю и питался одними плодами, кои безъ всякаго остатка всецѣло обращались въ его соки, но не утучняли его при благовонномъ испареніи тѣла. Когда онъ вкусилъ отъ запрещеннаго древа; тогда тѣлесныя отправленія въ немъ измѣнились противоположно. Онъ началъ мучиться тѣмъ, чего прежде не испытывалъ, и, смрадный и грѣшный, былъ изгнанъ Богомъ изъ рая въ пустыню.

Отъ первозданнаго и согрѣшившаго Адама про-

зошли всѣ люди. Хотя они грѣшатъ; но милосердый Богъ проститъ и помилуетъ ихъ всѣхъ.

Души бедуиновъ по смерти тѣлъ собираются въ Іерусалимѣ и Хевронѣ, и тамъ пребываютъ вѣчно. Эти два священные города суть двѣ систерны душъ *).

Вечеромъ бедуины тайно молятся Богу такъ: «Боже, прости мнѣ нечистыя мысли мои; прости мнѣ гнилыя слова мои; прости мнѣ не добрыя дѣла мои». **)

III.

Всѣ бедуины — многоженцы. Ихъ помощницы рѣдко рождаютъ близнецовъ, и еще рѣже по три младенца. Новорожденныхъ онѣ обмываютъ верблюжьею водою, дабы зрѣніе ихъ было острѣе и крѣпче, а въ песокъ ихъ не кладутъ. Бедуинка въ кущѣ прядетъ верблюжью во́лну, которая обыкновенно снимается весною, и ткетъ изъ ней полотна. Она не смѣетъ сказать мужу ни одного непріятнаго слова. Бедуинъ пасетъ стада, охотится за дикими сернами, рубитъ дерева въ горахъ, Атагѣ, Галалѣ,

---

*) Понятно, что прохлада составляетъ блаженство бедуина, палимаго солнцемъ.

**) Итакъ напрасно говорятъ путешественники, что эти дѣти пустыни никогда не молятся Богу.

и въ другихъ, обжигаетъ ихъ, и возитъ уголья въ Каиръ на продажу.

Пустынные Арабы имѣютъ нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія. Они, по преданію, знаютъ названія многихъ звѣздъ; о большой медвѣдицѣ говорятъ, что четыре главныя звѣзды въ ней представляютъ гробъ, а остальныя три — дѣвицъ, кои плачутъ у сего гроба.

Провожавшій насъ шехъ, степенный, кроткій, тихій, благоразумный и добросовѣстный, имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, но казался старѣе. Во все путешествіе я не видалъ, чтобы онъ смѣялся.

Сегодня по прежней дорогѣ мы шагали въ теченіи одиннадцати часовъ и крайне изнемогли; но когда переправились чрезъ Нилъ, радость оживила насъ. Тутъ гуммосу Дауду изъ Буша принесли патріаршее письмо. Онъ прочелъ его намъ. Коптскій владыка выражалъ свое сожалѣніе и радость: сожалѣніе, если я не засталъ игумена Дауда въ Бушѣ: радость, если онъ поѣхалъ со мною въ монастыри.

Примѣчаніе. Обратное путешествіе изъ монастыря св. Антонія мы сдѣлали въ три дни. Но проводники наши по договору получили деньги за четыре дни.

17, Середа.

Утро было ясное и теплое. Нилъ блестѣлъ, какъ зеркало. Я радовался тому, что исполнилось мое давнее желаніе видѣть колыбели монашества. Спутники мои были благодушны. У іеродіакона перестала болѣть рука.

Гуммосъ Даудъ рано уѣхалъ въ Бушъ и въ восемь часовъ прислалъ за нами верховыхъ лошадей. Но одинъ я съ переводчикомъ отправился къ нему въ гости; присные же мои остались у Нила отдыхать.

Въ Бушскомъ подворьѣ встрѣтили меня монахи и почетные Копты съ отмѣннымъ уваженіемъ и радушіемъ. Въ присутствіи ихъ я искренно благодарилъ гуммоса Дауда за сопутствіе мнѣ по знойнымъ пустынямъ. На мою признательность они отвѣчали радостію о благополучномъ возвращеніи нашемъ.

Увидѣвъ въ шкафѣ нѣсколько Арабскихъ книгъ, я спросилъ монаховъ: гдѣ онѣ печатаны, и что въ нихъ содержится. Гуммосъ Даудъ отвѣчалъ мнѣ: «всѣ онѣ напечатаны въ Англіи и присланы оттуда въ даръ намъ; но владыка препроводилъ ихъ сюда для повѣрки и оцѣнки, — стоятъ ли онѣ того, чтобы раздавать ихъ по церквамъ. Что касается до ихъ

содержанія, то загляните въ нихъ сами». Я наудачу взялъ одну книжицу, и развернувъ ее, подалъ переводчику, чтобы онъ прочелъ двѣ—три строки. Мой Фадлалла началъ переводить: «на границѣ Асны жилъ человѣкъ, по имени Пахомій. Онъ сдѣлался христіаниномъ въ Дафіскомъ округѣ въ деревнѣ Шанасатъ». Оказалось что въ этой книжицѣ содержатся житія нѣкоторыхъ святыхъ. Потомъ авва Даудъ подалъ мнѣ печатную псалтирь на Арабскомъ языкѣ. Перелистывая ее, я замѣтилъ надъ каждымъ псалмомъ чернилами написанное по Арабски какое-то имя, и подумалъ, что Копты, читая псалмы, поминаютъ въ молитвахъ эти имена, но не довѣряя своему мнѣнію спросилъ: что значатъ эти надписанія. Авва Даудъ повѣдалъ мнѣ, что надъ каждымъ псалмомъ начертано имя Коптскаго патріарха; надъ первымъ — имя евангелиста Марка, надъ вторымъ — имя его преемника, и такъ далѣе; на 109 псалмѣ значится нынѣшній патріархъ Петръ. «Ибо, по мнѣнію нашему, — прибавилъ онъ, сколько есть псалмовъ, столько будетъ у насъ патріарховъ; послѣ 150 владыки нашего послѣдуетъ кончина міра и второе пришествіе Христово».

Такая нечаянная замысловатость удивила меня; и я кстати попросилъ гуммоса переписать для меня съ этой псалтири всѣ имена Коптскихъ патріарховъ:

что́ и было исполнено скоро, къ великому удовольствію моему.

Изъ Буша я воротился въ свой станъ къ обѣду. Тутъ ожидалъ меня почтенный шехъ нашъ со всею дружиною своею. Угостивъ его, чѣмъ Богъ послалъ, я расплатился съ нимъ и одарилъ его особо, и всѣхъ проводниковъ особо *). Пустынный старѣйшина простился со мною, какъ съ дорогимъ пріятелемъ, и поцѣловалъ мою руку. Цѣловали ее и всѣ прочіе бедуины. Наконецъ я пожелалъ имъ всѣхъ благъ, говоря: «Богъ да благословитъ васъ, добрые люди, и да подастъ вамъ, и женамъ вашимъ, и дѣтямъ вашимъ, доброе здравіе и долгоденствіе, дождь ранній и поздній, и всякое благопотребное утѣшеніе и умноженіе скота вашего. Ежели у васъ теперь есть тысячи верблюдовъ; то да даруетъ вамъ Богъ тьмы ихъ». Такія благожеланія мои умилили чадъ пустыни. Еще разъ они цѣловали мои руки и ушли въ свое мѣсто. Не безъ сожалѣнія мы разстались съ этими Бедуинами. Ибо они услуживали намъ въ дорогѣ весьма усердно. Проворные, терпѣливые, скромные, честные, добрые, они ходили съ нами за 30 к. сер. въ день.

*) Всего съ подарками дано 50 руб. сер.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПЛАВАНІЕ ПО НИЛУ ОТЪ БУША ДО КАИРА.

18, Четвертокъ.

Гуммосъ Даудъ за сто піастровъ Египетскихъ нанялъ намъ простую и некрытую, но просторную лодку для обратнаго плаванія въ Каиръ. У кормы ея мы развѣсили свою палатку, коекакъ прикрѣпивъ ее къ мачтѣ и къ бокамъ, дабы не палило насъ солнце. А слуги и вещи помѣщены были въ глубокомъ днѣ ея. Когда все было готово; авва Даудъ простился съ нами братски: и мы простились съ нимъ, изъявивъ ему тысячи благодареній и тьмы благожеланій за сопутствіе намъ въ пустыняхъ. Онъ уѣхалъ въ Бушъ; а мы весь день пробыли на своемъ мѣстѣ. Насъ задержалъ противный вѣтеръ.

19, Пятница.

Въ два часа по полуночи лодка наша отчалила и поплыла тихонько внизъ по Нилу, но прошла весьма малое пространство, потому что вѣтеръ былъ не нашъ. Реисъ, Коптъ, зная, что всякое усиліе противъ вѣтра на Египетской водотечи безполезно, рано присталъ къ берегу у одной деревни; и тутъ мы принуждены были дневать и ночевать.

Отъ скуки я пересматривалъ свои путевыя замѣтки и распрашивалъ лодочниковъ о Нилѣ. По ихъ увѣренію, въ этой рѣкѣ вода начинаетъ прибывать послѣ праздника архангелу Михаилу, совершаемаго въ двѣнадцатый день Іюня *), и возвышается въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ до коптскаго праздника Кресту, послѣ котораго чрезъ семнадцать дней начинаетъ убывать, и постепенно умаляется въ теченіи шестидесяти дней. И такъ отъ 12 Іюня до 12 Августа она прибываетъ; семнадцать дней держится въ полномъ разливѣ, и въ концѣ Октября входитъ въ свои берега. Судовщики говорили мнѣ, что Нилъ разливается въ одно и тоже время какъ въ Нижнемъ, такъ и въ Верхнемъ Египтѣ.

*) По календарю коптскому.

20, Суббота.

Утромъ на этой водотечи было такъ холодно, что всѣ мы закутались въ шубы. Дулъ крѣпкій вѣтеръ противный. Однако Реисъ поставилъ парусъ и пошелъ ломаными линіями. Но и при этомъ способѣ плаванія проходилось весьма малое пространство. Ибо для лодки не доставало раздолья, и во многихъ мѣстахъ нельзя было подходить къ берегамъ близко по причинѣ мелководья. Реисъ выбился изъ силъ, и за два часа до полудня присталъ къ лѣвому берегу Нила у деревни Масàндэ, смотрящейся въ эту рѣку съ крутоярья. Мы были въ самомъ непріятномъ расположеніи духа.

Подлѣ нашего судна стояла малая лодка, которую въ первый разъ спустили на воду. Хозяинъ ея ввелъ на нее откормленнаго овна, и зарѣзавъ его на самомъ носу, вымазалъ теплою кровію всю переднюю часть челна снаружи. Понятно было, что онъ совершилъ обрядъ своей вѣры. Я спросилъ своихъ лодочниковъ о значеніи его; и они сказали мнѣ, что хозяинъ новой лодки принесъ Богу жертву, дабы діаволъ не стубилъ ее на Нилѣ.

Крѣпкій вѣтеръ противный задержалъ насъ въ этомъ мѣстѣ на всю ночь.

21, Воскресенье.

Вѣтеръ—тотъ же. Мы ушли недалеко, и стоимъ у берега въ одномъ ненаселенномъ мѣстѣ.

Вѣтеръ свищетъ. Волны хлещутъ. Нилъ клокочетъ. Пыль кружится. Небо мрачно.

Новый Каиръ близко, да нельзя подъѣхать къ нему. Всѣ другіе челны летятъ оттуда: а у нашего крылья подвязаны. Чтожъ дѣлать? Терпѣть.

22, Понедѣльникъ.

Наконецъ Реисъ въ два часа по полуночи отчалилъ отъ скучнаго ночлега и съ помощію паруса, веселъ и шестовъ добрался до стараго Каира въ три часа по полудни. Тутъ я высадилъ переводчика на берегъ и велѣлъ ему извѣстить владыку Іерофея о нашемъ возвращеніи и просить его прислать коней къ Булакской пристани. А мы поплыли туда на лодкѣ подъ парусомъ. Плывемъ, направляясь то къ одному, то къ другому берегу Нила, и такъ оспариваемъ у вѣтра близость къ Булаку. Не далеко отъ сего предмѣстія Каира маленькій челнъ, правимый отрокомъ, летѣлъ на встрѣчу намъ подъ парусомъ. У кормы его стоялъ Негръ и на длинномъ поводѣ держалъ плывущаго коня. Челнъ летитъ: конь плы-

ветъ борзо. Челнъ идетъ тихо: конь настигаетъ его. Тотъ ускоряетъ ходъ свой: этотъ устаетъ и отстаетъ. Негръ спускаетъ парусъ и подзываетъ коня: конь подплываетъ къ Негру. Такъ лечатъ въ Египтѣ какой-то недугъ сего браннаго животнаго.

Отъ стараго Каира до Булака очень близко. Но мы уже въ шесть часовъ вышли на вожделѣнный берегъ. Патріаршіе кони унесли насъ въ Каиръ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КАИРѢ.

Съ 23 Мая по 1 Іюня.

Здѣсь я провелъ остальные дни мая въ собесѣдованіяхъ съ патріархомъ Іероѳеемъ и въ ученыхъ занятіяхъ.

Его блаженство, выслушавъ расказъ мой о трудномъ путешествіи нашемъ въ монастыри св. Антонія и Павла, удивлялся нашему терпѣнію. «Вы, Русскіе, — говорилъ онъ, — желѣзные люди. Самыя женщины у васъ закалены особеннымъ образомъ. Я никогда не забуду той Русской поклонницы, которая съ сляченными ногами недавно съѣздила на Синай сухимъ путемъ и воротилась благополучно. Не знаю:

что въ васъ крѣпче, кости и мышцы, или вѣра и благочестіе, или то и другое равно твердо и несокрушимо». — «То и другое»; сказалъ я и примолвилъ: снѣги и вихри насъ укрѣпляютъ; частые громы и молніи придаютъ намъ отвагу: а съ вѣрою и съ знаменіемъ крестнымъ мы готовы въ огонь и въ воду».

Владыка спрашивалъ меня: нѣтъ ли какихъ слѣдовъ пребыванія Греческихъ монаховъ въ посѣщенныхъ мною монастыряхъ? Я отвѣчалъ: никакихъ! Тамъ не видать ни сосуда, ни иконы, ни книги, ничего Греческаго.

Богъ далъ мнѣ досугъ; и я воспользовался имъ. Рукою моею переписаны были самыя важныя главы любопытной рукописи Газскаго митрополита Наисія о нашемъ патріархѣ Никонѣ. Въ молельнѣ владыки Іероѳея я замѣтилъ въ числѣ настольныхъ книгъ одну такую, которая по старинному переплету показалась мнѣ достойною вниманія. Я развернулъ ее. Открылся рукописный чинъ предсѣданій всесвятѣйшихъ патріарховъ (Τάξις προκαθεδρίων τῶν παναγιοτάτων πατριαρχῶν) съ перечисленіемъ подвѣдомыхъ имъ епархій во время царя Льва Мудраго. Послѣ чина помѣщены любопытныя для насъ статьи: а) письмо вышепомянутаго митрополита къ Русскому боляриу

Петру Михайловичу о томъ, что полезно хранить тайну царя, и б) разные вопросы, предложенные сему же митрополиту Государемъ Алексіемъ Михаиловичемъ о церковныхъ предметахъ, и отвѣты на нихъ: всѣхъ шестьдесятъ одинъ вопросъ. Изъ нихъ видно, что у насъ въ то время въ книгахъ не одинаково читался символъ вѣры къ соблазну весьма многихъ, индѣ такъ: и въ духа святаго истиннаго; индѣ иначе: и въ духа святаго господственнаго. Священники, овдовѣвъ, переставали служить литургію. Было сомнѣніе о дѣйствительности грѣхоразрѣшенія, преподаваемаго вдовымъ священникомъ. Не знали, что дѣлать съ тѣми бревнами, изъ которыхъ построенъ храмъ, когда онѣ сгніютъ. Случалось: нѣкоторые архіереи налагали клятвы на мірянъ не всегда справедливо. Были разныя недоразумѣнія. Напримѣръ: какому наказанію подлежитъ духовное лице, злословящее царя? Сколько архіереевъ судятъ одного епископа? Когда причащаютъ преступниковъ; то не повергаютъ ли бисеръ предъ свиньями, или, не казнятъ ли людей, освященныхъ покаяніемъ и евхаристіею? Могутъ ли вступать во вторый бракъ чтецъ и пѣвецъ? Три раза въ годъ, или однажды долженъ причащаться мірянинъ? Днемъ, или ночью Господь крестился въ Іорданѣ? Сколькими гвоздями Онъ при-

гвожденъ былъ, и гдѣ они теперь находятся? Какъ надобно слагать персты на молитву и для благословенія народа? По необходимости можетъ ли крестить младенца мірянинъ, или повивальная бабка? Нужны ли три погруженія при крещеніи, или нѣтъ? Должно ли по снисхожденію признать христіанами тѣхъ, которые крещены не въ три погруженія? Архіерей, отказавшійся отъ управленія епархіею, можетъ ли завѣдывать ею, или нѣтъ? и проч. и проч.

Митрополитъ Газскій отвѣчалъ на всѣ вопросы кратко и основательно. Не передаю отвѣтовъ его, потому что по смыслу ихъ учатъ и поступаютъ у насъ нынѣ.

Предъ пасхою я обозрѣвалъ книгохранилище Синайскаго подворья въ Каирѣ и нашелъ въ немъ рукописныя бесѣды Ливійскаго митрополита Самуила, возведеннаго на престолъ евангелиста Марка въ 1710 году, теперь же, при всей слабости зрѣнія, прочелъ нѣкоторыя изъ нихъ и велѣлъ спутнику Крылову переписать самую лучшую бесѣду въ недѣлю мытаря и фарисея *). Самуилъ былъ витія народный и, какъ Илія Миніати, говорилъ умамъ и сердцамъ просто и внятно, пояснялъ истину срав-

*) Переводъ ея напечатанъ въ Воскресномъ чтеніи.

неніями и плѣнялъ вниманіе слушателей пословицами, притчами, изрѣченіями св. отцовъ и разговорнымъ изложеніемъ проповѣди.

Онъ, въ санѣ архидіакона, былъ у насъ въ Москвѣ въ $\frac{1683}{4}$ г., и получилъ отъ царскихъ величествъ щедрую милостыню для уплаты долговъ Александрійскаго престола и на починку западной стѣны храма въ Александрійскомъ монастырѣ св. Саввы.

Я, въ санѣ архимандрита, спустя 167 лѣтъ послѣ пребыванія Самуила въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Каиръ и сподобился получить духовную милостыню, — назидательное слово помянутаго витіи.

Пути человѣковъ, родившихся въ разныхъ и самыхъ отдаленныхъ странахъ, иногда сближаются и перекрещиваются неожиданно.

На небѣ звѣзды въ общемъ круговращеніи своемъ сближаются и отдаляются; но каждая идетъ своимъ путемъ, какой указанъ ей Отцемъ свѣтовъ. На землѣ люди въ общемъ движеніи своемъ сходятся; но у всякаго есть своя стезя, и свой спутникъ — ангелъ хранитель. Всѣхъ же ведетъ Богъ, куда и какъ знаетъ. О немъ мы живемъ и движемся.

Я, недостойный великихъ милостей Его, сподобился быть тамъ, гдѣ Онъ воззвалъ Сына своего изъ Египта, и тамъ, гдѣ всесовершительная благодать

Его явила первыхъ ангеловъ во плоти, Павла и Антонія; и по его же благоизволенію иду на Синай, возложивъ все упованіе мое на Того, Кто есть путь, истина и животъ всѣхъ человѣковъ.

КОНЕЦЪ.

ASHMOLEAN
OXFORD
MUSEUM